Николай Тарасов

Златоглазый Бакс

Рассказы о путешествиях обыкновенных и необыкновенных

Южно-Сахалинск
2017

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-46
Т 19

Художник
Ирина Левитес

Фотографии, используемые в книге,
из личного архива автора

Тарасов, Н.А.
Златоглазый Бакс: [рассказы о путешествиях обыкновенных и необыкновенных]. – Южно-Сахалинск: ОАО «Сахалинская областная типография», 2017. – 200 с.

ISBN

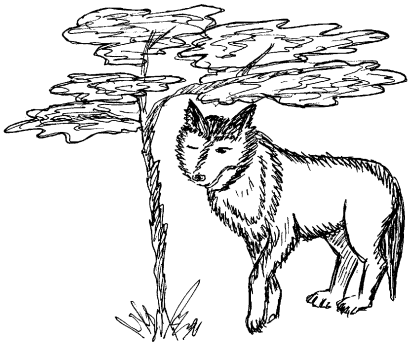
© Н. Тарасов, текст, 2017
© И. Левитес, рисунки, 2017
© ОАО «Сахалинская областная типография», 2017

...А знания приумножая,
Чужие посещать края
Считаю делом добрым я...

Себастьян Брант

Путешествие —
опыт самосознания,
физическое перемещение
с духовными последствиями...

А. Генис



Опыты физического перемещения

— А когда ты вернёшься? — спросил Беспалый после моего сообщения, что на днях улетаю в отпуск в южные края.

— Через месяц, в августе...

— Нет, ты точнее скажи...

— Ну, двенадцатого августа, — не очень охотно обозначаю дату, поскольку не хочу идти на поводу у точных цифр.

— Сразу — ко мне! — обрадовался приятель. — Прямо от самолёта, с вещами — ко мне!..

— А что такое?! Почему? — заволновался я.

— У меня одиннадцатого — пенсия! Прилетишь — ко мне без промедления!..

Вообще-то зовут его Володя. И Беспалый — не фамилия, а прозвище, которое не люблю я озвучивать. Если и произношу, то только для того, чтобы отличить этого Володю от многих других Володь, моих знакомцев. Когда-то, в бытность тралмастером на рыболовном судне, отрубило ему пальцы на правой руке. Отсюда прозвище, которое не помешало в дальнейшем стать классным бульдозеристом, экскаваторщиком, крановщиком...

Кроме того, дефект руки нисколько не отразился на характере. Высокий и атлетически сложённый, Во-

лодя потрясающе жизнерадостный человек. От него просто веет какой-то солнечной энергией. К нему я попадаю, когда совсем уже истощён общением с людьми: коллегами, приятелями, собутыльниками. Когда язык не ворочается и хочется мирных посиделок на его кухне под журчание какой-нибудь жарёхи на плите и Володино «погромыхивание»: «Мы — положительные! Мы — не дешёвое повидло!..»

Иногда, при встрече на улице, он мягко спрашивает: «Ты меня не угостишь? До пенсии ещё четыре дня...» Или предлагает: «Пойдём, я тебя угощу. Пенсия была позавчера...» Порой можно было услышать громогласное: «Ты что, ничего не помнишь?! Сегодня же День металлурга! Нужно отметить! Мы же не дешёвое повидло!»

В то лето я улетал в Грецию проведать свою семью, которая уже несколько лет как обосновалась на родине жены. Анастасия родилась в северной области Греции — Македонии — как раз в канун гражданской войны конца сороковых годов прошлого столетия. Двухэтажный отчий дом в её родном селе Калони ещё существовал, но был в заброшенном состоянии. Потому что родственники не могли договориться, кому в нём жить, и много лет судились по этому поводу.

В Грецию летел во второй раз. Год назад это было впервые. На той стороне полагали, что у меня какая-то обида, но ошибочно, поскольку я на самом деле был благодарен судьбе за подарок: ещё одну, почти новую жизнь. На приглашение остаться и поселиться с ними в Греции отвечал уклончиво, хотя и был уже уверен: никогда на это не решусь. Слишком дорога мне стала своя ниша: стихия родного языка, круг друзей, сам остров Сахалин с его речками, сопками, бухтами...

Но Греция в тот первый раз понравилась чрезвычайно. Архитектура трёх- и четырёхэтажных домов умиляла. Гулкое курлыканье горлинок, памятное ещё

с ташкентской юности, пение канареек на балконах и в лоджиях, зелень, неспешные люди и какая-то небывалая атмосфера покоя и умиротворения.

В первое же утро поразили уборщики мусора: на запятках мусороуборочной машины стояли два вполне респектабельных, брутальных мужика средних лет с массивными золотыми цепями на шеях. В их задачу входила прицепка к машинному захвату полных и отцепление пустых мусорных контейнеров после их опорожнения.

Как мне объяснили, они имели статус государственных служащих с целым набором льгот. К примеру, ежегодный оплачиваемый отпуск с семейным туром по Европе, возмещение стоимости купленных за год товаров по предъявленным чекам и тому подобное.

Каждый день я пускался в путешествие по улицам Салоник. Мимо византийских храмов, уличных рынков, называвшихся лайка́ми, проходил в сторону моря и добирался до набережной. По пути заглядывал в магазинчики с музыкальными дисками, надеясь на удачу: обнаружить диски Георгоса Далараса, Янниса Париоса, Васкопулоса или Маринеллы, которых полюбил ещё в семидесятые годы, слушая их с дисков-гигантов, привезённых из Греции Костей — младшим братом Анастасии.

С трудом объяснив хозяину музыкальной лавки, кто мне нужен, сник, когда он вытащил совместный диск Далараса и Маринеллы стоимостью сорок долларов. Таких денег я не имел. Всё, что имел — двести баксов, — отдал из вежливости Анастасии. Страна ещё не перешла на европейскую валюту, и сын Антонин снабдил меня небольшой суммой драхм на карманные расходы, так что, облизнувшись на диск, я продолжил свой путь в направлении набережной несолоно хлебавши. Забегая наперёд, скажу: в следующий приезд тот магазинчик я отыскать не сумел, хотя и прошёл тем же маршрутом по той же улице.

По пути заглянул во двор большого жилого дома. Посидел на лавочке в тени эвкалипта, прислушиваясь к детским и взрослым голосам обитателей дома на качелях, каруселях и в беседках.

Набережная показалась бесконечной. Закат над заливом рисовал в облаках свои красочные сюжеты, и возвращался я уже при свете реклам и уличных фонарей.

— Если заблудишься, позвони домой. Я пойду и приведу тебя, — напутствовал меня утром внук Никита.

Откуда бы я позвонил, — даже представить себе не мог. Адрес тоже заучен был мною не твёрдо. В аэропорту Салоник встречал меня сын. Но путешественником я считал себя бывалым и ничего не страшился. Так что всё обошлось: четыре часа в одну сторону, включая прогулку по набережной, и четыре часа обратно.

После этого прогулки по Салоникам стали для меня обычными. Ближе к вечеру я присаживался то в одном уличном сквере, то в другом и разглядывал эту непривычную мне, но вполне понятную жизнь. Скверы были оборудованы детскими играми, каруселями, всякими аттракционами.

В свете прожекторов резвились малыши. Люди в возрасте собирались на скамеечках с газетами в руках, которыми по ходу дела начинали потрясать, зычно переговариваясь. С течением времени разговоры становились всё горячее. Казалось, время само, приближаясь к ночи, накаляет речи поджарых, как на подбор, и седовласых собеседников. Толстяков среди них почему-то не наблюдалось.

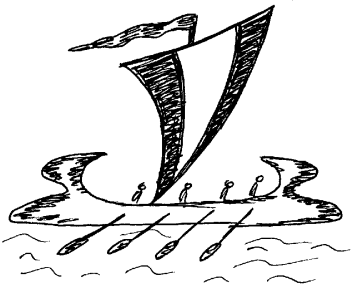
В первое моё гостеванье Анастасия повезла Никиту и меня в десятидневный тур на остров Корфу. Если июнь-июль считались месяцами всеобщих отпусков у разного рода госслужащих — даже какие-то муниципальные конторы закрывались на это время, — то август уже был месяцем возвращения горожан с

островных и материковых курортов, и там становилось посвободнее, чем в разгар сезона.

Остров Корфу, имеющий греческое название Кéркира, поразил, конечно же, красотой своих бухточек, оливковых рощ, где стволы деревьев так похожи порой на пещеристые каменные изваяния, буйством красок в облаках и тучах в закатный час. Было здорово любоваться закатом, сидя в кресле на крыше отеля, потягивая спрайт или колу.

Там-то Никита и рассказал мне притчу про американского царя Клинтона, который, бомбя Сербию, уронил бомбу на Китай, и Китай сказал: «Если ещё хоть одна бомба на Китай упадёт, то больше ни одной бутылки колы мы у тебя не купим, и ты разоришься...», и Клинтон испугался, и больше ни одной бомбы на китайское посольство не падало...

— Вот так, дéда! А ты там у себя на Сахалине живёшь — ничего не знаешь...



От просёлков до предгорий

Путешествия — большие и малые — с детских лет занимали моё воображение. Может быть, одной из причин безбоязненного отношения к ним стала привычка к частым переездам в связи со службой отца. Позже чтение книжек навевало мечтания о знакомстве с дальними краями, где обязательно есть горы, море и тайга, или море и пальмы... Странно, но всё это со временем, как говорится, «случилось и воплотилось».

Однако вначале были самостоятельных вылазки на природу, скажем, в четвёртом классе в Уссурийске, в период увлечения минералогией и просто собиранием красивых камней. После уроков ноги сами несли меня на окраину, за город, на лесистую горку. Там я ковырял землю, и какие-то камни, действительно, попадались. Одна из первых самоцветных находок определена была мною по книжке как полевой шпат. И ещё помню неглубокие шурфы с удивительно белой глиной, из которой, по моим представлениям, можно было изготавливать фарфоровые изделия.

Выходы на рыбалку во втором-третьем классах за мост и рынок на Раковку или в парк на Комаровку тоже были следствием необъяснимой тяги к путешествиям. Сообщать родителям о своих намерениях я не удосуживался.

Поэтому иногда случались скандалы с лёгкой трёпкой от мамы и упрёками: «Я здесь уже все больницы и морг обзвонила, места себе не нахожу...» Помню, как однажды

был потрясён «санкциями»: весь мой улов, который я гордо пронёс через город в уверенности, что прохожие с завистью разглядывают мою стеклянную банку с пескариками, голавликами и главным объектом гордости — усатым сомиком, — весь этот улов оказался мгновенно вывален в унитаз и сопровождён бурным водопадом из бачка.

Возможно, после того случая запомнилось, что смываться, не известив никого о направлении похода, чревато последствиями. И хотя это не поставило крест на моих самовольных прогулках, — научило меня «шифроваться», просчитывать время, чтобы моё отсутствие неизвестно где было не очень заметным.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов мама привозила меня и брата Андрея то вместе, то порознь в село Пáршу, где жила с семьёй сестра её Надя. Село стояло на границе между Ивановской и Владимирской областями. Пятнадцать километров до владимирского райцентра Юрьев-Польского и столько же в другую сторону: до ивановского Гаврилова Посада.

Это село было родиной бабушки Алёны — Елены Матвеевны Щербаковой. В нём прошло и мамино детство.

— Вот здесь стоял дом бабы Алёны, — показывал мне кто-то на еле приметные в крапиве остатки красных кирпичей от печи.

Там-то и была настоящая школа для путешественника: восемь километров в одиночку через сёла Турабьево и Скомово до деревни Березницы, где жила ещё одна сестра мамы — тётя Дуня. И вообще — можно было путешествовать в самые разные стороны: к станции Старково — собирать землянику вдоль железнодорожной насыпи, или — в клуб на гулянку в село Городище с компанией двоюродного брата Мишки и сельских сверстников.

Суглинистые просёлки с гусиной травкой по краям и подорожниками посредине были не пыльными, порою напоминая собой хорошо нахоженные тропы. По сторонам — поля с рожью или овсом. Кое-где стеной стояла колхозная кукуруза. По широким уличным прогонам в сё-

лах, через которые я проходил, разгуливали, гогоча, стаи гусей. То к пруду, то от него, пощипывая травку или вытягивая шеи с угрожающим шипом, от которого у меня холодела спина. Просто гусиное царство — столько их было.

В Парше доверяли мне выгонять и пасти табун колхозных лошадей. Для меня, городского мальчишки, это было увлекательное путешествие: разогнав хлопками кнута лошадей до галопа, мчаться просёлком в хвосте табуна несколько километров до отведённого мне поля.

Таким доверием обязан я был двоюродному брату Мишке, на тот момент — подпаску. Он передоверял мне свою работу, порученную ему самим пастухом...

Жизнь в Парше била ключом — с кинофильмами в бревенчатом клубе по воскресеньям, с танцами после кино, с гулянками на Ильин день. Праздники церковные отмечались регулярно, несмотря на то, что храм на бережку речки Липни, построенный в 1802 году, стоял разорённый. В окнах его грудились мешки с удобрениями.

А село было в прошлом, видимо, не совсем завалящее. «Историческія известія о селе Парше относятся къ началу XVII столетія; изъ отказныхъ патріаршихъ книгъ видно, что въ начале этого столетія село принадлежало Ивану Шевыреву; по смерти Шевырева наследниками его были: жена его вдова Евфимія Ивановна и жена его родного племянника вдова Соломонида Ивановна; въ указанныхъ патріаршихъ книгахъ подъ 143 (1635) годомъ записано: “октября 17 въ селе Парше отделено въ вотчину вдове Офимье Ивановой жене Шевырева да вдове Соломониде Ивановой жене Калачева крестьяне и пашня и всякія угодья по полямъ”. Изъ помещиковъ XVIII столетія известны: Мусинъ-Пушкинъ и подпоручикъ Титовъ, строитель существующей въ Парше церкви...»

И над всем этим проходили неспешные кучевые облака, словно залог надёжности всего мироустройства. Лицезрение облаков всегда прибавляло мне уверенности в пути.

А десятидневные переезды на поезде через всю страну из Уссурийска, позже из Ташкента — вообще особая песня. На остановках транссибирской магистрали — газетные кулёчки с крыжовником и смородиной, яблочки, ранетки, варёная картошка с луком, малосольные огурчики, байкальский омуль в Слюдянке... И везде неизменный варенец. На железке Туркестана — абрикосы, персики, арбузы, дыни...

Песенный разлив — «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек...» — чудесным образом обретался в сменявших друг друга пейзажах поездного окна.

В сказочном Ташкенте крыши саманных домиков и глиняные дувалы пламенели весной маками, а затем тюльпанами. Весенний дух от полей, бурление голосов горлинок и хрустально-снежные горы вдали воодушевляли на побег чрезвычайно.

Иногда я не выдерживал соблазна, и, заложив в школьную сумку пару бутербродов с колбасой и помидорами, отправлялся вместо школы на автобусную станцию.

Билет покупал до остановки «Акташ». Указатель этого населённого пункта я углядел в предгорьях по пути в Чимган или в Бричмуллу, куда ездил прежде с родителями. До Акташа — шестьдесят километров, а дальше ехать одному в границах школьного дня был страшновато.

Высадившись возле указателя «Акташ — 8 км», я резво бежал к зеленеющим вдалеке горам и скоро уже входил в прохладное ущелье с журчащей горной речкой. На зелёных склонах ущелья алели и желтели тюльпаны, маки уже отходили.

Нагулявшись по речке, усаживался под деревьями у воды и съедал бутерброды, запивая их ледяной водой с таким удовольствием, словно это и являлось главной целью моего путешествия. Затем снова пробегал несколько километров до остановки и, дождавшись обратного автобуса, возвращался в Ташкент.

Много позже волей-неволей случалось совершать и путешествия во времени.

Генетический зацеп

Это случилось в те годы, когда я занимался боксом, и было мне четырнадцать лет. Жил я с родителями в Ташкенте, а Ташкент в те годы представлял из себя большую интернациональную «клумбу».

Достаточно сказать, что в моём классе учились пацаны и девчонки девяти национальностей: татарин, армянка, македонец, греки, русские, евреи, узбеки и украинцы. Был даже один курд.

Все мы прекрасно уживались и даже не задумывались на темы братства или вражды народов.

Вместе с приятелями ходил я два раза в неделю на тренировки в спортобщество «Динамо». В группе «Юный динамовец» нас было человек двадцать пять.

Тренировал нас известный впоследствии Борис Гранаткин, который воспитал знаменитого чемпиона Руфата Рискиева. Строго говоря, благодаря своему воспитаннику он и стал одним из тренеров сборной страны, и мы в дальнейшем стали часто видеть его по телевизору на международных соревнованиях.

Среди моих коллег-боксёров оказался и сын греческих политэмигрантов Телéмахос. Греки вообще от природы часто атлетически сложены и спортивны, хотя, насколько помню, заниматься профессионально спортом избегали.

С Телемахосом мы были хорошо знакомы, поскольку греческий городок, где он жил с родителями, располагался недалеко от нашего дома.

И вот как-то тренер поставил нас в пару боксировать в очередном учебно-тренировочном бою. Думаю, что Телемахос превосходил меня по классу. Ведь я всегда действовал от обороны: скрючившись, как улитка, выбрасывал из глубины окопа одиночный удар и тут же снова скрывался в защите.

Противник же был бойцом атакующего стиля, то есть нормальным драчуном. Поэтому мне показалось совершенно невероятным то, что я услышал от него во время двухминутного боя.

— Ты ведь не ударишь меня, брат?! — произнёс он, и следом провёл мне прямо в голову два прямых. «Удар почтальона» — тук-тук.

Опешив, я соображал, не почудилось ли мне это. И снова: тук-тук, теперь уже прямо в нос, после той же невообразимой фразы, с той же просительной интонацией: «Ты ведь не ударишь меня, брат?!»

Как ни пытался взять я в толк, что бы это значило, так ничего и не понял, пятясь до самого окончания двухминутки.

Когда после душевой мы все вышли и стояли в ожидании автобуса, я подошёл к нему.

— Зачем ты разговаривал во время боя, и что означала твоя фраза? Ведь и так твоё преимущество было очевидным...

— Какая фраза, о чём разговаривал? — удивился он.

— Ну, ты просил меня не бить, но в какой-то странной форме...

— Я? Просил? Ничего не понимаю. С какой стати? Тебе что-то померещилось, видимо, от моих прямых...

— «Ты ведь не ударишь меня, брат?!» — говорил ты, и после этого пробивал свои прямые — левой-правой — в голову...

— Ну ты даёшь! Не могло такого быть! Напридумывал ты чего-то...

Затем мы разъехались по домам и больше на эту тему не разговаривали. Он учился в параллельном классе, поэтому мы здоровались и общались по-прежнему.

Занятия боксом я скоро бросил. Через пару лет мы все окончили школу и разлетелись кто куда. Я почти совсем забыл о том странном случае: мало ли чего случалось в детстве и в юности.

Теперь у меня самого подрастали дети, и жили мы очень далеко от солнечного Ташкента.

Сын уже находился примерно в том моём «боксёрском» возрасте, но предпочёл боксу и прочим спортивным занятиям книги и нумизматику — стал страстным собирателем старинных монет. Коллекция его разрасталась благодаря Птичьему рынку в Москве, близости Китая и Японии от наших пенатов. Очень хороши были большие серебряные, с пухлым китайцем на аверсе, монеты.

На почве своего увлечения сын подружился с другим собирателем монет, доктором Афанасьевым, главврачом областной психолечебницы. Имя его давно стало нарицательным.

— Смотри, попадёшь к Афанасьеву! Он тебя отучит водку пьянствовать...

Или:

— Завтра съезжу к Афанасьеву справку взять на автомобильные права... — говорилось в народе.

Не раз случалось мне видеть их обоих, склонившихся с лупами над своими сокровищами. Открытый рот доктора, глаз, буквально выпавший в лупу, — всё это наводило на мысль: «А так ли уж он сам адекватен...»

Но я пытался использовать ситуацию в своих интересах и выпытывал у психиатра, каковы самые действенные способы снятия похмельного синдрома. Здесь он много не распространялся: «Только валерьянка! Никаких лекарств, поскольку печень заблокирована алкоголем, и могут возникнуть галлюцинации или что-либо подобное...»

Как-то сын взял меня к нему в гости рассматривать новые монеты. Доктор вытащил из шкафчика бутыль с жидкостью янтарного цвета и предложил:

— По наливочке? Сам ставил. Изумительный напиток...

Но я отказался, поскольку вне своей компании выпивать избегал. Он слегка огорчился из-за того, что выпить было не с кем, и они с Антонином принялись за своё: стали разглядывать в лупу диковинные монеты, обмениваясь изредка короткими репликами.

— Вот эта — очень редкая и ценная монета. Потому что относится к индо-греческому царству, которое существовало в первом веке до нашей эры. Видишь, — показывал сыну монету доктор Афанасьев. — На её аверсе профиль индо-греческого царя Лисия.

Вообще-то у него было другое имя, а это — прозвище, которое он получил за своё редчайшее коварство и хитрость. Со временем оно так прилипло к нему, что заменило имя. Отголоски легенды, записанные кем-то из ранних христиан через две сотни лет, гласят, что он был беспощаден в бою. Но перед тем как ударить мечом противника восклицал:

— Ты ведь не ударишь меня, брат?!

Конечно, хоть и не сразу, но я вспомнил ту давнюю историю с Телемахосом в спортзале общества «Динамо», когда он, перед тем как ударить, произносил ту же фразу.

После моего рассказа об этом доктор Афанасьев, сказав: «Интересная история...», переключился с Тосиком на другие монеты. И опять: раскрытый рот, вывалившийся в лупу глаз...

Примерно через месяц сын с доктором опять засели за свои монеты, но уже у нас дома.

— Я поискал кое-какую литературу по своему профилю и наткнулся на любопытный материал в одном из журналов. Некий исследователь психических казусов, датчанин по имени Хенрик Грёнинг описывает любопытные случаи неуправляемой реакции на раздражители внешней среды.

К примеру, нормальный, в целом, субъект, в определённых обстоятельствах, взволнованный чем-либо, повторяет одну и ту же фразу. У профессора зафиксировано сразу три случая, когда швед, голландец и датчанин в гневе произносят одно и то же, причём на русском языке, которого на самом деле не знают. И объяснить происхождение этой фразы не могут.

Звучит она ужасно, но мы с вами, извините, не дети. «Да на х... я вас всех вертел!»

Профессор Грёнинг сопоставил эти данные с малоизвестными даже в Европе мемуарными записками одного из наставников молодого Петра I, когда тот осваивал разные ремёсла и науки в Амстердаме. Он цитирует запись, в которой упоминается приведённая выше фраза.

Якобы разгневанный Пётр неизменно повторял её, обращаясь ко всем, кто в эту минуту находился рядом. При этом он ещё и бросался в окружающих тяжёлыми предметами: чурбаками-заготовками для столярных работ, скамейками и подобными вещами.

Сопоставив все данные, Грёнинг приходит к выводу, что все три субъекта являются прямыми потомками внебрачных детей Петра. А злополучная фраза, выскакивающая у всех троих в минуту гнева, относится к разряду так называемых «генетических зацепов». Так учёные называют устойчивые сочетания слов, жестов и даже фраз, которые повторяются в нескольких поколениях при одинаковых обстоятельствах. Словно заело пластинку на проигрывателе, и всё время повторяется одна и та же комбинация звуков...

— Так что же, мой знакомый мальчик Телемахос мог оказаться потомком царя индо-греков Лисия?!

— Наверняка! Дело даже не столько в идентичности фраз, сколько в поведенческой установке. Как вы говорили, просительность интонации резко сменялась жестокостью — ударами в лицо. Несомненно, такая установка идёт от очень дальних наших пращуров.

Если следовать выводам профессора Грёнинга, а им можно верить, то «генетический зацеп», как в случае с потомками Петра I, тоже может иметь далёкие корни. И, как знать, не результат ли подобной ужасной фразы убийство Иваном Грозным своего сына? У парня возник «генетический зацеп», и пожалуйста — получи посохом в висок от папаши...

«Ну и ну», — подумал я. Вот так поговоришь с психиатром и задумаешься, начнёшь искать у себя эти самые «зацепы».

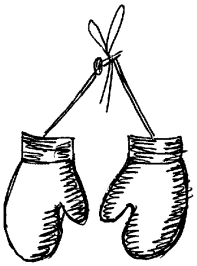
Через несколько месяцев в Москве, зайдя в торговый центр на Севастопольской, я спросил у продавца-индуса: крашеные у него коралловые бусы или натуральные...

— Ты ведь не ударишь меня, брат?! — ответил он, и так захлопнул дверь, что чуть не прищемил мне нос...

Вот ведь как достали нас пращуры, держат за «генетические зацепы» и не хотят отцепляться. И много нынешних идиом тянут на такое определение.

Следуя выводам господина Грёнинга, при анализе фразы «Я покажу вам кузькину мать!» можно смело предположить, что какой-то древний человек, сотворив нечто ужасное с мамой некоего Кузи, любил показывать её после этого соплеменникам, вызывая у них содрогание и ужас.

Так что многое объяснимо в нашем мире. Особенно, если водить знакомство с хорошим психиатром.



Приглашение к путешествию

Сейчас всё пытаюсь вспомнить, как давно начались мои путешествия в глубину земной коры. И обнаруживаю, что давным-давно. Исходным толчком для них стала бессонница, одолевавшая меня в прежние годы.

Чтобы заснуть, я пускался в бегство по горным лесам и у подножия одной из сопок находил тайную, совершенно неприметную дверцу. Иногда она была завалена прошлогодними листьями и валуном. Никто не сумел бы войти в неё. Но у меня имелся пульт в виде яшмóидной гальки, подчиняясь которому, тот валун, кряхтя, отваливался. Совсем как в фильме детских лет «Тайна двух океанов».

Я врывался внутрь, сердце бешено колотилось, я спешил, чтобы никто не засёк обстоятельств моего исчезновения. А внутри, метрах в десяти от входа в обрамлении мягкого света, включаемого тоже моим пультом, начинался вполне цивилизованный спуск под землю. Вначале это было похоже на бобслей, но потом его заменил обычный лифт. Перегрузок я обычно не чувствовал, разве что с похмелья, хотя скорость спуска была невероятной. Ведь через пару минут я оказывался глубоко под землёй.

Выход из лифта находился на маленькой станции, прямо напротив перрона, от которого через некоторое время должна была отойти межконтинентальная капсула. Именно капсула, а не поезд.

Моя станция была последней на данном направлении. Не знаю почему. Возможно, потому что наверху — остров, а за ним — только океан. До отхода капсулы у меня обычно оставалось несколько минут, и я мог заглянуть за гигантскую боковую арку. А там — мамочки мои родные! — целая подземная страна.

Неподалёку и чуть внизу, в ущелье раскинул улицы город, люди спешили там по своим делам. А вдалеке, над горизонтом неподвижно стояло красное светило. От него даже чувствовалось слабое тепло. «Это уже из "Плутонии" Обручева», — неизменно отмечал я.

В стеклянной кафешке на станции была сплошная автоматика, и — ни одной живой души. Хотя на самой станции возникали какие-то люди в униформе, похожей на форму наших железнодорожников. Они разговаривали между собой на непонятном мне языке, смахивающем на эсперанто.

Однако меня не очень интересовали обитатели подземного царства, и я не присматривался к ним. Для того чтобы сесть в капсулу и нажать стартовую кнопку на ручке кресла, ничьей помощи не требовалось.

Куда мне должно лететь на этой капсуле, — долго думать не приходилось. В Бричмуллу! Куда же ещё? В кишлак моего детства, где я не раз проводил время на каникулах, разгуливая по тюльпановым предгорьям и ущельям с хрустальными ручьями.

Там, над бирюзовыми водами речки Кок-су, с давних времён заприметил плоский утёс, похожий на плиту. Идеальная площадка для высадки. К тому же над ним зияла весьма удобная расщелина.

Справа, внизу, на берегу Чарвакского водохранилища хорошо виден кишлак. Вода мешает, мне не очень хочется смотреть на неё. Ведь водохранилище появилось позже, на месте моих тропок к флюоритовым копям.

С площадки утёса невозможно спуститься. Прямо под ним ущелье с горной речкой. Да и к чему спускаться? Что мне там делать, в этом кишлаке? Мои сверстники — бронзовые аксакалы — сидят небось в чайха-

не. Даже приятель моего сынишки Гулам-Назар давно уже взрослый мужчина.

Мне достаточно постоять на этом утёсе, полюбоваться на самые хрустальные в мире горы. И назад. Потому что на путешествие отведён всего лишь час. Пять минут в капсуле в одну сторону, пять — обратно. На поверхности Земли таких скоростей, конечно, не существует.

Да, забыл сказать: в эти пять минут за широким окном капсулы возникают голографические пейзажи, которые сам выбираешь на клавиатуре в ручке кресла. Зелёные леса, звёздное небо, или даже глубины океана, где, не спеша, проплывают диковинные рыбины и существа.

Странное дело, я мог попасть таким способом в любую точку земного шара. Но как только дело доходило до выбора конечной станции, — снова и снова возникала Бричмулла.

Скоро мне наскучило одному любоваться подземным городом и багровым светилом над горизонтом, перекусывать в стеклянной кафешке, где всё подаётся автоматически, замирать от восхищения подводным миром или дикими чащами, проплывающими в окне капсулы... И я стал зазывать в свои путешествия кого-нибудь из друзей, чтобы «глазами общими смотреть», как сказал когда-то один знакомый поэт.

Выбирал кого-нибудь одного, причём не по половому признаку — мужчину или женщину, — а того, кто способен был по-настоящему удивиться. Чрезвычайно удивиться. Я бы даже сказал: изумиться увиденному.

Ведь просто рассказать о своих путешествиях я не мог, любой скажет — рехнулся. А таких подходящих друзей у меня было немного. Писатель, издатель, бард...

Ещё была женщина. Но с ней проблема: как уговорить её добежать со мной до подножия сопки, до заветной дверцы за валуном? Ведь она была не просто женщина, а, можно сказать, дама. Красивая и умная — не частое сочетание в мире дам. Такие всегда заворажива-

ли меня и в то же время отпугивали, удерживая на расстоянии не ближе метра.

Её-то мне и хотелось особенно удивить. Хотя бы таким необычным путешествием под земной толщей.

Я плёл что-то невероятное, особенно напирая на то, что путешествие продлится не больше часа. И каким-то образом удавалось её убедить.

Самым «изумляемым» был писатель. Он просто ахал от восхищения, как ребёнок, голос его прерывался, из глаз текли слёзы...

— Знаю, что никогда больше не увижу этих скал, этого водопада. Поэтому даже обсуждать не в состоянии такую красоту! — сказал он, замерев перед водопадным душем, когда мы брели берегом от селения Дуэ к агатовому устью речки Чёрной, и я его спросил на всякий случай, ведь ему было уже за пятьдесят: «Не жалеешь, что пустился с нами в такую экспедицию?..»

Поэтому я знал, как будет он потрясён Бричмуллинским ущельем и горами вокруг. А в горах он знал толк. Переваливал даже через Алатау, из Алма-Аты в Чолпан-Ату на озере Иссык-Куль.

Надо ли объяснять, как он обалдел, спустившись со мной на лифте и увидев подземный город с багровым солнцем у горизонта?

Иногда писатель пытался заговорить со станционными служащими. Но я торопил его, на ходу объясняя, что никто из них не знает нашего «великого и могучего».

Он был самым чутким сопереживателем из всей троицы, хотя издатель и бард тоже умели изумляться в те годы. И никто из них не подозревал, что путешествует со мной по разным странам.

Иногда я думал: «Откуда у меня взялся такой пульт, похожий на яшмóидную гальку из моей коллекции самоцветов? Пульт, открывающий все входы и выходы подземного царства? Откуда я знаю, — где, какие кнопки нажимать в пути?»

Но внутренний голос мне грубо подсказывал: «Да потому что ты — резидент!» И я успокаивался, засыпая.

Карта мира давно стояла у меня перед глазами. А выходы бывали обычно в гористых, не очень населённых местностях, где удобно было незаметно выбраться из лифта и нырнуть в него обратно. Кордильеры, Анды, Альпы... Заманчиво было вынырнуть в окрестностях бразильской горы Корковаду, обозреть необъятный пляж Копакабана, известный мне по романам Жоржи Амаду.

Но всё равно я побаивался слишком далеко удаляться в малоизвестных мне государствах от подземного выхода-входа. Поскольку, не зная чужого языка и обычаев, мог запросто застрять, то есть влипнуть в историю, даже попасть в тюрьму в качестве «неопознанного субъекта».

Особенно опасен был бразильский карнавал в Рио-де-Жанейро. Он мог закружить меня и унести так далеко от выхода-входа, что я не нашёл бы дорогу домой. Поэтому я наблюдал за карнавалом из-за углов зданий, перемещаясь следом за ним переулками.

В Европе действовал посмелее и проникал каким-то образом в Лувр, в Дрезденскую галерею, на площади с фонтанами в окружении античных скульптур. Греция, Италия, Франция, Испания...

Я бродил по неизвестным до сей поры городам, всматривался в лица людей, пытаясь прочесть их, словно реликтовые письмена, вслушивался в незнакомую речь и, странное дело, всё понимал.

Что-то меня удерживало, и я ни разу не побывал в США. Видимо, не возникало в памяти ярких музеев и вообще культурных достопримечательностей, кроме статуи Свободы.

Иногда, пролетая в капсуле по невидимому тоннелю, я пытался прикинуть толщину земной коры над собой. По моим подсчётам получалось не меньше двадцати километров. Потому что тоннель, по которому пролетала моя капсула, пролегал под морями и океанами. Пять минут — в любой конец света. Просто фантастика какая-то!

Мой друг писатель давно уехал отсюда, и его уже нет на этом свете. Я даже не успел сгонять к нему за рубеж на своей капсуле. Наверное, потому что мы переписывались после его отъезда, и он почти каждую неделю звонил по телефону, делясь впечатлениями.

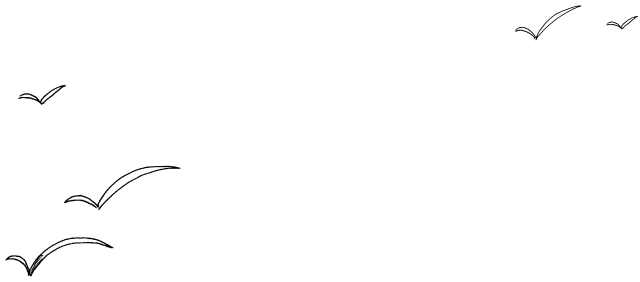
Издатель, надорвавшись душевно в книгоиздательских трудах, разорвал отношения со всеми друзьями и запрятался в лесу.

Остался бард, который работает уже не лыжным тренером и не снабженцем на ресторанном предприятии, где трудился последние годы, а по своей вузовской специальности — физруком в школе. Он тоже много чего пережил: болезнь, разлад в семье, предательство близких людей... С ним мы встречаемся иногда в дружеском кругу. Он поёт свои песни.

А я давно уже не путешествую под землёй. Бессонница незаметно улетучилась. И не зову с собой жену отправиться на другой конец света внутри моей капсулы. Зачем? Ведь мы можем теперь летать на нормальных самолетах, куда нам заблагорассудится. Главное, чтобы всегда было с кем «глазами общими смотреть».

— Летайте, путешествуйте! — говорил я друзьям и знакомым в начале нового века. — Туда, где стоят величественные музеи, где радушные таверны и белокаменная площадь с фонтаном в окружении античных скульптур... Летайте, пока открыты двери в большой мир!..

— Ну кто же их теперь закроет? — усмехались друзья и знакомые. — Не старый прижим, чтобы только во сне или с телевизором путешествовать по планете...



Секретарь по оргвопросам

— Подмени меня, пожалуйста, на спектакле в четверг, — попросил Артур. — Очень надо. Хочу в Оху слетать на пару дней, маму проведать... Должен успеть к середине первого акта, но мало ли что...

— А спектакль-то какой? — интересуюсь я для приличия, поскольку мысленно уже дал себе команду — «не соглашаться»...

— Да «Аида»! У меня же там, ты знаешь, партия Амонасро... Но тебе-то не всю партию, а только подстраховать, пока не выбегу на сцену...

— Как Амонасро? Ведь это баритоновые дела, а у меня тенор драматический. Если бы Радамес...

— Ну что делать-то, я ведь Амонасро там исполняю, а не Радамеса...

— Да к тому же я в Большом и не пел никогда...

Я зажмурился и представил огромный зал, залитый золотом и пурпурным бархатом, с персиподобной хрустальной люстрой. Но главное — софиты и юпитеры, невыносимо бьющие в глаза. Представил, ужаснулся и... согласился.

— Ладно, Артур. Но учти: только до середины первого акта. Дальше я просто не вытяну... Причём петь буду на итальянском, как на пластинках слышал...

До выхода на сцену дело не дошло — проснулся. «Надо же, опять...» — соображал я, приходя в себя.

Цветных снов было в жизни у меня не очень много, и некоторые из них запомнил ещё с детства. Так, однажды я был пленён мышами, которые утащили меня, связанного, как Гулливера, под пол. Там они меня сфотографировали и, нацепив мои портреты на шесты, — получилось что-то вроде хоругвей, — двинулись войной на крысиное войско. Крысы были гораздо крупнее, но мышей — намного больше, и победа досталась им.

В другом сне, уже отроческом, был я негритянкой, бегущей через болото по хлюпающим дощечкам, устилавшим тропу... От ветра и скорости, с которой бежал, белый чепчик и платье с рюшечками развевались на мне, как флаги.

Слышался лай собак и крики моих преследователей, но они поздно хватились и меня не догоняли, несмотря на то, что я был грузной негритянкой, и каблуки моих туфель всё время цеплялись за дощечки болотных мостков.

Совсем недалеко, на берегу залива Мэн, в укромном шпионском месте ждали меня акваланг и гидрокостюм. Нужно было только на бегу сбросить с себя обличье негритянки, чтобы как можно быстрее в него влезть. Я успевал и прыгал, уже просыпаясь, в атлантическую волну...

Артур Дорошенко — певец и мой приятель. Мы часто включали его в творческие группы для выступлений по линии Бюро пропаганды художественной литературы. У него от природы баритон красивейшего тембра, ещё и школу он где-то зацепил итальянскую, обучаясь пению на одном курсе с Валентиной Толкуновой. Композитор Павел Аедоницкий даже песни написал в расчёте на его исполнение...

На Сахалин он вернулся, чтобы быть поближе к маме, которая проживает на самом севере острова. Поработав в филармонии, ушёл оттуда на «вольные хлеба». Объяснил: «Надоели песни советских композиторов...»

С нами Артур выступал как автор-исполнитель песен на стихи сахалинских авторов. «Наш Баттистини» — иногда представлял я его.

Родом он из северного сахалинского городка, о котором даже песню сочинил:

...Говорят, когда-то охнули снега, охнули снега,
И на этом месте выросла Оха, и родился город наш Оха...

Так и видишь прорастающую сквозь снега гигантскую сосульку под названием «Оха».

Прадед Артура — Калевский Кирилл Васильевич был женат на айнке, которую по семейному преданию выкрал с острова Хоккайдо. В их дом, в селении Большое Такоэ, заходил Чехов. В книге «Остров Сахалин» он писал: «... в Большом Такоэ крестьянин из ссыльных Калевский сожительствует с айнкой...» Дед Артура по матери — японец...

— На кого, по-твоему, я похож? — спрашивал он иногда.

— На индейца, Артур, — неизменно отвечал я. — Вылитый индеец Лужёная Глотка из книжек Фенимора Купера...

И это истинная правда. Ведь многие учёные так и считают: айны — какая-то ветвь индейцев, отплывших от американского континента в незапамятные времена. Или не приплывших к нему... Хотя про себя думаю, что иногда он бывает похож и на эфиопа Амонасро из «Аиды».

В наших компаниях Артур — козырный туз. И если мы засиживались на каком-то празднике, то вдруг, встрепенувшись, оглядывались: а где же Артур? Почему нет Артура? Звонили ему домой. И он, добрая душа, появлялся с гармонью под мышкой и гитарой за спиной.

Трудно представить себе баритон роскошнее и теплей по тембру, чем у него. Голос, не искажённый микрофоном, живой и мощный...

В девяностом году на Сахалин приехала группа писателей во главе с Вячеславом Шугаевым. В первый же вечер мы засиделись у него, в полулюксе гостиницы «Лада». По кругу читали стихи, обсуждали литературные сплетни и новости...

— А теперь послушайте нашего замечательного певца, — в завершение вечера возвестил я.

Артур оторвался от ужина, взял гитару в руки и запел, чуть приглушённее, чем обычно: «Гори, гори, моя звезда...»

По окончании гости покивали, похлопали...

— Вот такой у нас на острове японо-айнский вокал с итальянским отливом, — состроумничал я.

— Ну-ка, Митя, спой и ты, — обратился Шугаев к скромно сидевшему в уголке своему товарищу, представленному накануне секретарём по оргвопросам Московской писательской организации.

Тот без всякой заминки поднялся и запел. Сначала это была украинская песня, потом неаполитанская, затем Каварадосси из третьего акта «Тоски», плач Федерико... Было похоже, что наш туз побит заезжим джокером. Удивителен был не столько репертуар, сколько то, что голос...

— Ну всё, хватит, Митя, — остановил его Шугаев. — А то соседи, небось, у дверей подслушивают...

— Ну как, — это уже мне, — наш-то соловей позвончее вашего будет?

— Оперный голос высшей пробы, — подтвердил Артур.

— Но почему... — заикнулся я...

— Насчёт «почему» давай завтра поговорим. Поздно уже, и мы всё-таки с самолёта... — подытожил Шугаев.

Только через день удалось подкатиться с вопросом к Шугаеву: почему ваш секретарь по оргвопросам — здесь, а не в Большом или не в Киевском, скажем, театре оперы и балета? И главное, как это может быть, что голос у вашего певца — один в один — всесоюзно известного Анатолия Соловьяненко. Как это может быть, что Дмитрий Павлович поёт его голосом?

Лет десять назад попалась мне информация в «Труде» из разряда: «их капиталистические нравы». В ней говорилось, что в Америке объявился престарелый человек, который вдруг запел на итальянском языке голосом граммофонного Карузо. Оказалось, что он всю жизнь слушал Карузо с пластинок, и у него развился нёбный свод — резонатор, — главный певческий орган вокалиста.

В сочетании с абсолютным слухом и возник такой небывалый феномен. Ничего другого, кроме того, что слышал на пластинках, он петь не мог. Однако в той же заметке говорилось, что человек тот, фармацевт по образованию, несколько лет трудился на секретном военном предприятии, изучавшем возможности клонирования уникальных способностей людей...

И дальше намекалось, что клонирование в недалёком будущем сделает реальностью создание чего-нибудь вроде терракотовых армий.

Когда, уже находясь на пенсии, бывший фармацевт захотел официально выступать, ему везде отказали: кому нужен второй «граммофонный» Карузо, когда и первого на пластинках хватает? Разве что в цирке показывать своё искусство как замечательный фокус...

Однажды, гастролируя по Дальнему Востоку, Соловьяненко заехал на Сахалин. Я тогда достал пару билетов на концерт в Доме офицеров через знакомого в Совете ветеранов. Мы с сыном сидели на балконе. Артист пел, в основном, неаполитанские, а затем и несколько украинских песен.

Пел он замечательно, а в самом конце явил так называемое «голосовое чудо»: послал голос вдаль, под самый свод зала, туда, где сидели мы. Словно струна с невероятной силой завибрировала вокруг нас.

Притихшие после концерта, не замечая дождика, шли мы домой.

— Теперь-то я понял, — сказал мне сын, — что такое настоящее, великое пение...

— Хорошо, — продолжил Шугаев, когда мы с ним закончили подбивать на бумаге планы ближайших дней. — Давай не будем беспокоить нашего секретаря по оргвопросам, ведь не для того я просил его спеть, чтобы потом его же и пытали про его феномен. Природа одарила Дмитрия Павловича необыкновенным голосом, но точь-в-точь таким же, как голос Анатолия Соловьяненко. Сам он родом из украинского Воль-

ногорска. От тамошних «секретов» или нет, но когда учился вокалу в институте имени Гнесиных, педагоги не знали, что с ним поделать. И внимание после выпуска обратили на него сразу же. В оперном театре, куда поступил на работу, почти сразу же поручили готовить партию Радамеса в «Аиде».

Но вскоре пригласили к себе для разговора компетентные органы. «Есть мнение, что вам не стоит петь в опере, да и вообще подумать о том, чтобы закончить вокальную карьеру. Посудите сами: зачем и кому нужен второй Соловьяненко? Государство большие деньги затратило на его обучение в Италии. Этой школе бельканто, учат, между прочим, за валюту. А тут являетесь вы со своим уникальным даром, доставшимся вам даром, извините за рифму. Мы что, клонировать певцов научились, спросят нас? А, может, ещё и дальше пошли в производстве двойников? Словом, есть у нас в некоторых организациях зарезервированные ставки, и мы можем помочь вам устроиться...»

Так что из Львовской оперы ему пришлось уйти. Потыкался в филармонии областные — нигде не берут. С таким-то голосом! А жить надо. Вот и позвонил он товарищам компетентным, сказал: «Согласен...»

Когда к нам в Московскую писательскую организацию назначили на вакантное место оргсекретаря — не генерала КГБ в отставке, как обычно, а человека с «высшим вокальным» образованием, — не только я был удивлён. Пока не поведал он свою историю... Теперь только для друзей, неофициально «спивает» Дмитрий Палыч...

— Но нельзя же такой голос закапывать в землю...

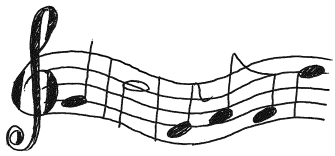
— А кто говорит, что закапывать? Посмотри, какие перемены в стране. Берлинскую стену разрушили. Ходят слухи, что Горбачёв вот-вот «железный занавес» откроет. Сейчас-то его не выпустят. Но если откроется граница, — никто ему не указ... И тогда мир услышит на-

шего Митю. Пусть даже где-нибудь в Англии, Мексике или в Бразилии — главное, что услышит...

Вскоре писательская группа улетела. Больше таких тёплых посиделок, как при первой встрече, у нас не случилось, и петь своего оргсекретаря Шугаев не просил.

Через несколько лет прочитал я в «Литгазете» некролог в связи с гибелью Дмитрия Павловича в автокатастрофе.

С тех пор снится мне этот странный сон, в котором я панически боюсь, что Артур не успеет к середине первого акта, и мне придётся петь в «Аиде». Драматическому тенору — баритоновую партию в Большом театре. Но он, слава Богу, всегда успевает, и я просыпаюсь уже за кулисами, а не на сцене.



Испытание Красным морем

В Египет мы полетели, следуя рекомендациям наших друзей. Выбрали Хургаду. Хотя выбор был невелик: Шарм-эль-Шейх или Хургада.

Я-то был уже «тёртый калач», имея за плечами три поездки в Грецию. Не считая Болгарии в советские времена. Для Анюты же Египет стал первым самостоятельным экзотическим путешествием. Поэтому она волновалась. Но сказала мне об этом только через несколько лет.

Несмотря на жару под сорок, не очень-то мы от неё страдали. Видимо оттого, что в «трубу» Красного моря всё время дует сильный ветер. Горячий, но всё-таки ветер.

Основное занятие на море — это плавание над рифами с любованием разноцветными рыбками и прочими морскими обитателями. Перед тем, как прилететь сюда, мы встретились и познакомились в Москве с дочерью писателя Анатолия Тоболяка — Ириной. Она оказалась бывалой путешественницей и нас, ничего ещё не знающих о Египте, снабдила маской с трубкой и ластами, надавав всяких полезных советов.

Так для нас с Анютой началось волшебство бытия — иными словами не назвать — перемещение из одной страны в другую. Начинается волшебство с того момента, когда куча людей — примерно целое село — поднимается

в воздух и за какие-то восемь часов перелетает на «боинге» через горы и долины за десять тысяч километров.

Нашего гида в Хургаде звали Самир. Внимательный и заботливый копт средних лет, он обращался к нам словом «уважаемые», если мы рядом. Но, если нужно было окликнуть, остановить, то к «уважаемым» добавлялся оклик: «восемь один три» — номер нашего «бунгало» в отеле.

— Восемь один три, уважаемые! — доносился до нас призыв.

Пунктуальность его стала для нас образцом работы гида на все последующие годы. Если автобус при выезде на экскурсию запаздывал даже на пять минут, он вылавливал нас в холле:

— Восемь один три, уважаемые! Извините за опоздание автобуса...

На одной из морских экскурсий мы чуть не потонули, да Бог хранил. Про акул в Красном море ещё не было слышно. Я-то вообще считал, что в нём водятся только разноцветные, типа аквариумных, рыбки. Поэтому, когда девушка-гид предложила желающим искупаться в море, пока другие желающие будут с яхты ловить рыбку, — мы отважно прыгнули в воду и поплыли от кормы, словно в бассейне. Я — потихоньку брассом, а Анюта нормальным кролем.

Оглянувшись невзначай, обнаружил, что яхта оказалась гораздо дальше, чем должна быть, несоразмерно скорости моего заплыва. Крикнув: «Анюта, назад!», я рванул к яхте что было сил. Жена оказалась намного дальше, и вернуться к яхте стоило ей больших усилий. Помогло только то, что она опытная пловчиха.

— Забыла предупредить, что здесь сильное морское течение, и с яхты должны были сбросить для купания канаты, — повинилась девушка-гид.

Наш отельный номер представлял собой домик с верандой под финиковыми пальмами. Убирал его и следил за порядком высокий парень с классическим мусульманским именем Мухаммед. Парень был с какими-то внутренними комплексами, основанными, видимо, на социальном неравенстве, на положении уборщика мусора. Он говорил чуть-чуть по-русски.

— Мы с тобой просто друзья! Ты мне друг?!

— Мухаммед, почему у вас мужчины на уборках работают, а не женщины?

— Наша женщина должна дома с детьми сидеть. В отелях работают мужчины...

В отельном ресторане, где мы питались, араб-официант поразил своим сходством с Пушкиным в известной картине Репина, где юный поэт читает свои стихи на лицейском экзамене в Царском Селе в присутствии Державина. Просто один в один. Я так и не смог к этому привыкнуть и каждый раз вздрагивал, натыкаясь на него взглядом.

Вообще-то, получить работу в курортной зоне египтянину считалось большой удачей. Основная часть страны была отделена от этой самой зоны колючей проволокой, и для большинства местных жителей Хургада была закрыта.

В этом мы убедились, когда отправились в экскурсионную поездку в Каир. Дорога заняла часов восемь, и почти всё это время за окном тянулись пустынные, без единого зелёного пятна, горы. Пустыня начиналась сразу за колючей проволокой вдоль дороги.

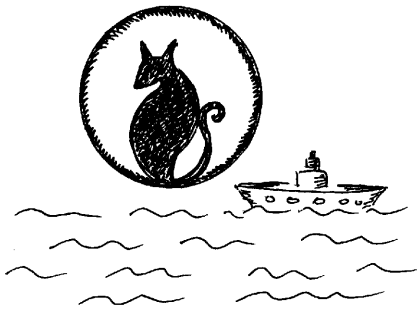
Встреча с пирамидами Хеопса, Хеврона и сфинксом в городе Гиза, который давно стал пригородом Каира, впечатлила. Через несколько лет, глядя на стены Соловецкого монастыря, сложенные из многотонных валунов ледникового периода, вспомнил египетские пирамиды и

то ощущение невероятности результатов ручного труда, которое испытал, стоя перед ними.

Каир оказался мрачным городом, как и воды Нила, несущего через него свои воды. В нескольких местах бросились в глаза терриконы мусора и картонных коробок, приспособленных для жилья. Эти свалки-гарлемы, громоздящиеся в черте города, надолго остались в памяти.

На отлёте, в зале аэропорта, похожем на огромный ангар, нам довелось стать очевидцами задержания пожилым осанистым полицейским двух молодых арабов, проникших, видимо, контрабандным путём в курортную зону Хургады.

Ребята уныло смотрели в пол, а он, заложив в карман кителя какие-то их документы, по-отечески сурово выговаривал им. После чего вынес по коврику из дежурки и поставил задержанных на молитву.



«Странник по звёздам»

Вернувшись в Москву, мы, коротко передохнув, отправились в Орёл — проведать моего старого товарища Владимира Переверзева и вообще рассмотреть «третью литературную столицу».

Переверзев работал редактором на орловском телевидении и подготовил целую программу для фильма о поездке с нами по памятным литературным местам: Спасское-Лутовиново, Клеймёново, Никольское-Вяземское... Тургенев, Фет, Толстой... А в Орле — музеи Лескова, Андреева, Бунина... Каждое из этих мест незабываемо и достойно отдельного разговора. Поразила неухоженность фетовского склепа с битыми бутылками и пивной вонью внутри.

По ходу фильма мне приходилось читать стихи на липовых аллеях, в берёзовой рощице, на речном берегу... Ощущение, что мы блуждаем в самой сердцевине русского мира, русской природы, в лоне которой жили и творили великие литераторы прошлого, не покидало меня. Этот фильм Владимира Переверзева прошёл по орловскому телевидению осенью того же 2005 года, одного из самых насыщенных для нас путешествиями.

Ведь тем же летом нам удалось проехать и по маршруту «золотого кольца»: Москва — Владимир — Боголюбово — Суздаль — Муром — Дивеево — Гусь-Хрустальный... Действительно, — золотое кольцо для человека любознательного и любящего свою землю.

Думаю, не все сознают, чем странствия отличаются от путешествий. Возможно, они почти синонимы. Но — почти. Ведь чувствуется некий смысловой оттенок в каждом этом слове, присущий именно ему. Ещё больше смыслы эти проявлены в словах «странник» и «путешественник». Скорее всего, путешественник пускается в дорогу с надеждой на новые впечатления. Странник же — с надеждой на лучшую долю.

Тут уж вполне очевидно, что странник — это одно, а путешественник — другое. «Тучки небесные, вечные странники...» Путешественник, как мне представляется, возвращается в итоге в то же самое место, откуда вышел. Под крышу дома своего. А со странником ничего не известно. Он может и остаться где-то или продолжать странствовать, кочевать, не помышляя о возвращении. Менять и менять места пребывания на земных просторах.

Нет ничего чудесней странствий...
Сбрось повседневности пиджак,
Перемести себя в пространстве,
Хотя б на миг, хотя б на шаг...

Стихи эти мои посвящены Владимиру Переверзеву, который не был путешественником: родился и умер в Орле, прожив несколько лет на Сахалине. Но «странником по звёздам» он точно был.

Пройди один глухой тропою
Сквозь пойму сумрачной реки,
Туда, где ходят к водопою
Одно зверьё и лешаки...

Однако довелось мне с ним и путешествовать на Монерон, на Курилы, на маленькую таёжную речушку в предгорьях Сусунайского хребта.

На перевал взберись туманный,
В теснину зябкую спустись.
Дождя, луча, небесной манны —
Добудь в пути или дождись!

Причём вылазка на речушку окончилась неожиданно: он дал себе слово не губить в речках рыбёшку. Об этом приходилось мне уже рассказывать раньше.

«По тропинке вдоль распадка мы забрались к верховью ручья, и там начали таскать мелочёвку, мальму — по-сахалински. Она оказалась небывало крупной, и надёргали мы её довольно много. Дело было осенью, и тот мелкий на вид ручеёк оказался местом нерестилища...

Первое, что я услышал от Володи Переверзева на следующий день:

— Всё! Это была последняя моя рыбалка. Начал вечером разделывать улов — ужаснулся! Сплошные молоки с икрой. Сколько же я загубил потомства у этой мальмы! Видно, выловил всё, что можно, и за своё прошлое, и за будущее. Такого раскаянья давно не испытывал. Всю ночь не спал...»

Присядь на пёнышек устало, —
Лесной родник не огорчит.
Послушай, как реки начало
Легко у ног твоих скворчит.

...Всё получилось, как ни странно.
И вот — окончены труды.
Была задача: встать с дивана
И в кухне отыскать воды...

Из всех встреченных мной в жизни ценителей поэтического слова, Владимир Переверзев был, пожалуй, одним из самых остро чувствующих, схватывающих в слове то самое сокровенное и неуловимое, что делает стихотворные строки подлинно поэтическими.

Отправляясь на Курильские острова, Володя при посадке на теплоход «Ольга Андровская» всё не мог отыскать паспорт и, когда вахтенный, теряя терпенье, сказал: «Ну, хоть какие-то данные паспорта назвать можете?» — слегка призадумался и ответил: «Помню, что русский...»

Нам так полюбилась эта фраза, что мы сделали её исторической и повторяли на все лады по разным поводам.

Мимо нас проплывали вулканы, и он, много позже — в Орле, на родине, — напишет:

...Вот уже слова слетают с губ,
Их чужие повторяют губы.
Есть такое место — Итуруп,
Есть такой вулкан — Берутарубе...

Родина, таинственный простор,
Сказочный и ласковый — журчащий!
Из-за гор возникнет, из-за гор
Тот, Который Обладает Чашей.

Проступает медленно во мгле
Видящий Сквозь Горы и Столетья,
Тот, Кто Отдыхает на Земле
И жуёт травинку на рассвете...

...Этот остров не видал никто,
Глыбу непонятную в лазури.
Есть такая бухта — Инкито,
Есть такой вулкан — Атсонупури.

Где нашёл он столько дивных слов,
Тот, Кто Обитает в Центре Мира,
В задымлённом чуме, средь костров,
В ароматах нерпичьего жира?..

В очерке «Баллада об Итурупе», опубликованном в его книге «Паломничество в пустыню», присвоил он всем нам забавные имена на индейский или айнский манер.

«Всё-таки нам повезло с вулканом. Мы шли на юг вдоль западного побережья Итурупа, держа курс на Кунашир. Морские виды надоели, и мы спустились в каюту, кроме Того, Который Забыл Спиннинг на Итурупе. Кто играл в шахматы, кто лениво посматривал в иллюминатор, и вдруг в каюту ворвался Тот, Который Всё Время Торчал На Палубе, и с криком “Быстро все за мной!” исчез. Мы бросились вверх по трапу и только на палубе поняли, в чём дело. Перед нами медленно проплывал огромный вулкан, и он излучал Свет...»

И всё-таки для меня несомненно: в этих наших вылазках и даже вовсе без них он был не путешественником, а странником. Просто по духу своему. Подтверж-

дение тому — его стихотворение с посвящением мне, которое услышал я от него уже в новом веке, в Орле.

Забыв друзей и сам себя забыв,
Я жил на острове какое-то мгновенье.
Всю ночь шёл дождь, и это был мотив
Не для романа — для стихотворенья.
Всю ночь шёл дождь, и это был размер,
С которым можно было бы смириться
Или поспорить, или обратиться
К другому — к снегопаду, например.
Но я-то жил под пение дождя,
Под голос и пронзительный, и страстный,
Сначала сладкий, горький погодя,
Под ненадёжный шум его напрасный.
Казалось мне, что только для меня
Всю ночь играла музыка чужая.
Всю ночь шёл дождь, к прекрасному маня
И на мгновенье жизнь опережая.
Как призрак, наваждение... Как вождь
Иных племён, незнаемых от века,
Так долго шёл тот сахалинский дождь,
Что стал уже подобьем человека.

Пора домой, пора идти домой.
Давно пора найти себе жилище,
Где голоса родные, Боже мой,
Вдруг оживят любое пепелище.
Здесь тоже дождь, мерцающий и редкий,
Как твой привет, старик, издалека.
Кленовый лист дрожит на голой ветке,
Да не сорвёт его моя рука.
Всю ночь шёл дождь. Наверно, потому
Всю ночь шёл дождь, что музыка играла,
Когда ко мне и к другу моему
Всю ночь шёл дождь, под утро тихо стало.
Нет, не сейчас — когда-нибудь потом
Мы тоже станем не дождём, так снегом.
Нам дом земля, и небо тоже дом,
Как хорошо на землю падать с неба.
Не снегом, так огнём! Летишь во тьму,
И светом вся озарена дорога.
Чем дальше мы уходим от порога,
Тем ближе будем к дому своему.

Рождённые глиной

Путешествием следующего года стал вояж в Турцию, куда россияне давно уже натоптали туристические и челночные тропы.

— Отчего всё-таки одни люди рождаются талантливыми, а другие нет? — спросила Анюта за пару часов до окончания перелёта из Южно-Сахалинска в Москву, пролистывая случайно прихваченный журнал.

— Что это за субстанция такая — талант?

До этого мы с ней как добропорядочные обыватели посокрушались по поводу массовой неталантливости молодых журналистов в газетах, журналах, в теле- и радиопрограммах. «Везде — хамоватый стилёк, замешанный на невежестве...»

Слева дремал сосед, седовласый очкарик примерно моего возраста.

Задав свой вопрос, никому персонально не адресованный, она устроилась в кресле поудобнее и стала мирно засыпать. Для этого, видимо, и старалась всегда занять место у окошка — там ей слаще спалось...

«Вопрос, конечно, риторический, и ответа на него никто дать не может», — подумал я и полез в сумку за кроссвордом.

— Вы, небось, думаете, что вопрос этот риторический, и ответа не требует, — услышал я голос соседа

слева и ощутил на себе его внимательный, чуть увеличенный стёклами очков, взгляд.

Собственно, задал его не я, и втягиваться в разговор с незнакомым человеком не хотелось. Но что было делать? Анюта спала, а достать кроссворд я не успел...

— Напрасно вы так думаете. На этот счёт есть весьма любопытная версия...

— Да я, честно говоря, об этом как-то и не задумывался...

— Зря вы так. Ведь, в самом деле, считается, что необъясним сам факт рождения или возникновения таланта. Что это за химия или физика такая, или божественное зерно, уроненное свыше? У меня есть, что сказать по данному поводу...

И я понял, что кроссворд вытаскивать уже просто невежливо. А может, и поздно...

— Дядя мой, Елисей Фадеевич, кандидат исторических наук, работал несколько лет в редколлегии издательства Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук, вместе с академиком Лихачёвым.

И тот ему рассказывал, Елисей Фадеевич даже записи сделал, что в пору своих злоключений встретился Дмитрий Сергеевич на одной из пересылок с учёным, переводчиком с мёртвых языков: латинского и древнегреческого, а также с нескольких европейских.

Он сделал свой перевод «Салернского кодекса здоровья». Слышали про такой? Средневековый целительский трактат, памятник средневековой медицины и фармацеи, написанный Арнольдом из Виллановы. «Утром на горы свой взор обрати, а под вечер — на воды...»

Трактат состоит из поэтических рекомендаций по здоровью. Но тот, безымянный для нас учёный, рассказывал Лихачёву, тогда ещё не академику, что там была ещё одна часть, которую впоследствии так и не издали.

Дети и внуки твои чтоб таланты являли,
Должен ты глины кувшин развести и испить...

Там подробно описывалось, какого цвета глина, какие таланты выдаёт.

В точных науках потомок твой впредь преуспеет,
Если ты белую глину добавишь в еду...

Помните, в одной из телепередач программы Би-Би-Си африканские слоны, неподалёку от пустыни Калахари, приходят во время засухи к огромной луже с белой глиной. Пьют из этой лужи. И вода оттуда, говорят учёные, — противоядие от ядовитых листьев, которыми они вынуждены питаться во время своего перехода по засухе. Другой пищи просто нет.

Потом они уходят за тысячи километров. А возвращается к той луже уже их потомство, вычислив её каким-то невероятным математическим способом. Будто корректирование из космоса идёт...

— Ну, вероятно, инстинкты срабатывают. Животный мир всё-таки, — пробормотал я, чтобы не молчать. Стало любопытно, к чему он клонит.

— Инстинкты, рефлексы... Давайте оставим всё это учебникам четвёртого-пятого классов. Так вот, Елисей Фадеевич, опираясь на записи тех бесед, выявил во второй части «Салернского кодекса здоровья» интересные закономерности.

Красную глину смелей разведённую пей —
Дети детей твоих станут в искусствах всесильны...

А закономерности такие: Англия, Германия, северо-восточная часть Европы — стоят на белых глинозёмах. Вспомните хотя бы саксонский фарфор.

В то время как на красной глине стоят Греция, Италия, Испания, большая часть Франции... Одни красноземы Крита чего стоят. Кстати, считается, что критяне ассимилированы греками... Словом, оттуда вышли великие скульпторы, художники, поэты, давшие миру бессмертные образцы искусства. Лихачёв говорил Елисею Фадеевичу, что и отец Флоренский над теми же закономерностями размышлял.

— Из какой глины, интересно, вылупились большевики-ленинцы со своей параноидальной уверенностью, что во имя светлого будущего нужно убивать людей? — не выдержал я.

— Вот о голубой глине, на которой стоит большая часть матушки-России вместе с несколькими областями Украины, Белоруссии, Прибалтики, Восточной Европы, дядя отважился записать только в конце восьмидесятых годов... Якобы эта глина — залог вырождения.

Если же выберешь глину себе голубую, —
Может от внука стрела в твоё сердце войти...

— Что-то слишком всё однозначно здесь получается. Попил одной глины, другой...

— А вспомните, откуда на Русь в восемнадцатом веке пришли мореходы, кораблестроители, плотники, механики и прочие ремесленники. Из стран, стоящих, по классификации Елисея Фадеевича, на белых глинах: Германия, Австрия, Голландия, Швеция... А зодчие, построившие дворцы в наших столицах, — из Италии, музыканты, балетмейстеры — из Франции. Феофан Грек, братья Кирилл и Мефодий — иконописцы, летописцы — из Греции...

— Погодите! А расцвет нашей великой литературы в девятнадцатом веке?

— Верно, была бы загадка... Но вспомните, кто в основании этого расцвета. Пушкин. Немецкая, африканская, шведская, русская кровь. Лермонтов. От шотландского дворянина Лермонта. Сам Михаил Юрьевич даже фантазировал на этот счёт, будто бы род его идёт от легендарного шотландского барда Томаса Лермонта. У обоих кровь, обогащённая элементами белой и красной глины со всеми их оттенками, расцветала на русской суглинистой почве.

— А как же Маркс и Энгельс? Выходит, с белых глин они нам подсуропили?

— Да, верно. Но один — бухгалтер, рассчитал всю прибавочную стоимость, другой — философ, подвёл

идейную базу под «отнять и разделить». И что из этого? Просто почва подошла именно наша: голубые глины под чернозёмами и суглинками...

Вообще-то, голубая глина тоже питает самые разнообразные таланты. И народ талантливо отражает это в своём фольклоре:

На дорогах возле Клина
Голубая брызжет глина.
Пляшет, хлещет через край –
Хоть в балет её сдавай!

«До восемьдесят девятого года, – отмечал Елисей Фадеевич, – в частушке пелось: хоть в сельпо её сдавай...» Возможно, глина этого городка подпитывала таланты тех, кого судьба с ним сводила: от великого Петра Ильича Чайковского, химика Дмитрия Менделеева до писателя Аркадия Гайдара... И в то же время вот что выявил дядя в ходе своих исследований. Практически, все системные факты людоедства в Африке и в Полинезии, не говоря уж об американских индейцах, зафиксированы в племенах, соприкасавшихся территориально с залежами голубой глины...

– Ну нам-то это, надеюсь, не грозит, – хохотнул я.

– Наелись уже, хотите сказать? – без тени улыбки спросил мой собеседник.

– А наши чернозёмы в южных областях имеют отношение к рождению талантов? – попробовал смягчить я тему.

– К предмету нашего разговора чернозёмы имеют отношение не большее, чем украинское сало к скрипке Страдивари... Ведь под талантом следует понимать не отточенность умения, а оригинальность идеи и дерзость исполнения, можно сказать даже: художественность, имея в виду способность мыслить метафорически...

– Чем же объяснить, к примеру, наличие такого большого количества талантов, причём, как в точных науках, так и в искусстве, выходцев из «земли обетованной» – израильской Палестины?..

— В том-то и дело, что рассеявшись по миру, они напитали кровь свою глинами самых разных оттенков. Вытесняемые во времена раннего средневековья из Испании, они основали в Греции город Салоники, в Амстердаме возвели ювелирное искусство на небывалую высоту, в Англии, Франции, Германии усовершенствовали систему денежного обращения настолько, что из обихода народов этих стран ушло такое понятие как «бартер», то есть натуральный обмен продуктами...

— Но какова же механика воздействия состава глин на наличие или отсутствие таланта?..

— Вот здесь-то и зерно зарыто! Казалось бы — добавляй себе в рацион железо, титан или ещё какой-нибудь элемент... Ан нет! То, что в минералогическом отношении различают глины каолинитовые, монтмориллонитовые, гидрослюдистые имеет значение только для керамического производства или для медицины.

Здесь же главное то, что в основе любой глины заложены комбинации шести так называемых мёртвых газов: гелия, неона, аргона, криптона, ксенона и радона, навеянные когда-то из вселенной. Их комбинации и есть производные любого таланта. А закрепить в формулах эти комбинации под силу только Господу Богу...

Дядя мой, Елисей Фадеевич, в девяносто шестом скончался. Записи его не нашлись. Я по памяти только воспроизвожу из того, что он мне показывал. Об учёных первой половины двадцатого века сами всё знаете: кого расстреляли, кого в лагерях замучили...

— И что же нам теперь делать, какую глину разводить, чтобы наша земля талантами не оскудела? — попытался я ослабить драматизм разговора шуткой.

— Да поздно уже, думаю. В двадцатом веке надо было на эстетику девятнадцатого опереться. А у нас наоборот: раздавили последних носителей талантов Золотого века. Одно утешает и обнадёживает: есть почти перестали со своей земли, всё привозное больше — из Турции,

из Китая, из Европы... На других глинах выращенные продукты едим. Может, от этого полегче и задышалось...

— Так и таланты из наших потомков попрут какие-нибудь китайские или турецкие?..

— Очень может быть... Но — чего не дано нам знать, того не дано...

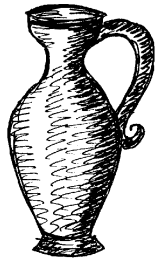
«Ну как же можно так родину свою не любить!» — припомнил я присловье знакомого таксиста, произносимое, впрочем, по другим поводам. Но вслух произнёс:

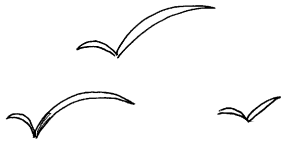
— Честно говоря, на бред похожа вся эта ваша версия...

— Думаю, что не на больший бред, чем утренняя информация по радио России. Цитирую почти дословно: «Учёные выяснили, что потомками Тутанхамона являются жители Швейцарии. Исследования выявили у более половины обследуемых наличие генов Тутанхамона. Однако это никого не порадовало, поскольку известно, что Тутанхамон умер девятнадцатилетним с букетом наследственных болезней...»

Самолёт пошёл на посадку. Анюта, проснувшись, протирала глаза. Кроссворд так и остался неразгаданным и даже не вытащенным из сумки.

«На обратном пути поразгадываю», — мелькнула утешительная мысль.





Турецкий гамбит

На подлёте к Анталии удивил размах оранжерейных плантаций. «Здесь-то, на юге, зачем они?» — задался я вопросом.

Ответ на него получил по ходу экскурсий, когда услышал горделивое утверждение, что-де мы почти всю Европу помидорами кормим... «Так вот откуда на наши рынки текут "пластмассовые" помидоры и безвкусные огурцы...»

Но сквозь курортный глянец новоделов упрямо проступала божественная Византия. Со своим Олимпосом, при взгляде на который от подножья дух захватывало. С белоснежными натёками Памуккале, с амфитеатрами, с Ликией — родиной Николая Чудотворца, и много с чем ещё.

Поселились мы в местечке Гёйнюк неподалёку от Кемера.

В экскурсионном автобусе, по ходу викторины, затеянной гидом, мы срубили почти все призы за правильные ответы, угадав имя поэта Назыма Хикмета, место рождения основателя современного турецкого государства Мустафы Кемаля Ататюрка и что-то ещё.

Непривычно резко прозвучал один из вопросов:

— В каком году мы завоевали остров Кипр?..

Через несколько лет мы повторили путешествие в Турцию, но поселились восточнее Анталии, в местности под названием Сиде.

Как просто оказаться в шкуре инженера Щукина, в смысле — не в мыльной пене, но перед захлопнувшейся дверью, довелось мне узнать именно там, в турецком отеле. Вселившись в номер, я первым делом вышел на балкон, чтобы обозреть олеандровые окрестности, и вежливо прикрыл за собой дверь.

Анюта со своим чемоданом ещё не вошла, замешкавшись в холле с Интернетом. Оба ключа оказались у меня: один вставлен в электрокарман в номере, другой — в моём кармане. Однако вернуться внутрь с балкона я не смог — дверь захлопнулась. Откуда же было знать, что замок следовало поставить на предохранитель.

Итак: я бьюсь в балконную дверь, жена стучит в дверь из коридора, предполагая худшее со мной, вплоть до «кондрата». Далее прикидываю возможности спуска на землю по водосточной трубе, но её поблизости не оказывается. Слава Богу, это третий или даже второй этаж. Но внизу огромный парк, и редкие парочки возникают вдалеке на аллее.

— Товарищи! Не могли бы вы сходить на ресепшен и попросить открыть мой номер, — затягиваю я песнь обречённого, адресованную двум целующимся внизу «голубкам».

Никто меня не слышит и не видит. Тогда я усиливаю свой клич:

— Аллё! Господа! Войдите в положение! Позовите кого-нибудь с ресепшена. Я захлопнулся!..

Но и этот SOS остаётся безответным.

Анюта продолжает стучать в дверь, и её вера в то, что со мною всё в порядке совсем истончается.

— Ду ю спик инглиш? — слышу я от одного из «товарищей», проходящего внизу.

— Шпрехен зи дойч? — слышу от другого.

Через некоторое время вижу среди деревьев человека в синем комбинезоне, похожего на садовника.

— Хэлп ми! — выкрикнул я, вдруг вспомнив английский зов о помощи.

Человек, похожий на садовника, прислушался и, разобрав слово «ресепшен», которое я повторял, как попугай, двинулся в сторону холла.

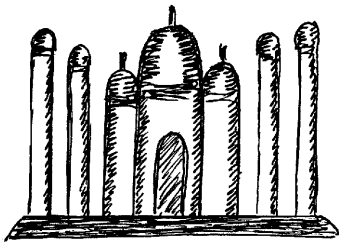
Вскоре мимо изумлённой Анюты промчались горничная и человек в комбинезоне, похожий на садовника. Влетев в номер, они моментально открыли балконную дверь, освободив меня, и исчезли. Вознаградить спасителей я не успел, да и денег разменных ещё не было. Поэтому провести акцию вознаграждения — по десятке долларов каждому — я решил на следующий день.

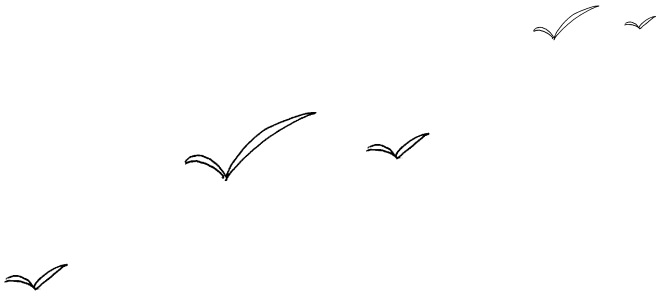
Горничную, хотя и с трудом, но удалось найти. А вот садовника отыскать оказалось сложнее. Подобравшись к человеку в синем комбинезоне, я начал жестами рассказывать ему свою историю, чтобы удостовериться — он ли спас меня вчера. Ведь я его не очень хорошо разглядел.

Вроде этот: такой же квадратный, круглоголовый турок, больше похожий на казанского татарина. Но сомнения были. В итоге он, видимо, принял мои жесты за приставанье, за приглашение в номер и, нахмурившись, рявкнул: «Экскьюз ми!», показав жестом, чтобы я не мешал ему работать.

В любом случае эта история оказалась поучительной. Слегка перефразируя Жванецкого, можно сказать:

— Одно неловкое движение — и ты — инженер Щукин...





Турция плюс Израиль

Выбирая предложенные экскурсии, клюнули мы на однодневную поездку в государство Израиль. Утром — вылет, вечером — прилёт... Фантастика! Специально совершить тур в эту страну мы и в голове не держали. А здесь — почему бы и не слетать?

Правда, возникали сомнения из-за майского конфликта Турции с Израилем, когда израильский спецназ обстрелял морской гуманитарный конвой «Флотилия свободы», где погибли девять турок. Судя по прессе, эти страны в те дни стояли на грани войны. «Сохранилась ли экскурсия в Израиль?», «Не возникнет ли проблем по ходу её?» — с такими вопросами обратился я к нашему гиду.

— Политика — политикой, а бизнес — бизнесом, — отмахнулся он.

Рано утром мы вылетели из Анталии и меньше чем через час приземлились в аэропорту Тель-Авива. Перекусив, группа в экскурсионном автобусе отправилась к Мёртвому морю. Из-за жаркой погоды нас предупредили: «Пейте больше воды! Приобретать бутылочки с водой можно прямо в автобусе...»

Мы проезжали мимо палаточных стоянок бедуинов, и странно было слышать сообщения: «А сейчас мы выехали за границу государства Израиль... Теперь мы снова въехали в государство Израиль...»

На мой вопрос, по чьей земле мы едем, экскурсовод уклончиво сообщила:

— На эту территорию претендует Иордания...

Войдя в неглубокие воды Мёртвого моря, чтобы изобразить заплыв, я испытал странные ощущения и понял, что встать на ноги не удаётся. Тело не слушалось, кувыркалось, как поплавок, и я всё время всплывал вверх животом. Пришлось выгребать туда, где глубина была по колено и даже меньше.

После «очищения» в душевых, мы направились в Иерусалим. В этом древнем городе впечатлений хватало. Причём полной уверенности в реальности происходящего не было. Скорее, смахивало это на какую-то фантастическую высадку на страницы сказочной книги.

Стена Плача на меня произвела впечатление гигантской конторки, особенно после пояснения, что все бумажные мольбы, стоны и моления страждущих регулярно выгребаются, превращаясь в мусор.

Впечатлили храмы, каждый с собственной, можно сказать, библейской историей. Гефсиманский сад с деревьями, похожими на доисторических животных, пещерная церковь Успения Богородицы, храм Воскресения Христова, где сходит на Пасху Благодатный огонь... Понятно было, что всё это памятники не столько древнего мира, сколько средневековья. Однако для меня здесь не было повода для размышлений. Святыни есть святыни...

В конце июня стояла несусветная жара. Одноэтажные и двухэтажные коттеджи и особнячки, наглухо зашоренные ставнями и жалюзи, напоминали собой броневики. Понятно, что раскалённые снаружи, внутри они были наполнены живительной прохладой, льющейся из кондиционеров. Но каково здесь жить в такое время года человеку, выросшему в России? Привыкшему ды-

шать полной грудью хвойным воздухом сибирского или дальневосточного простора?

Старый город чем-то зацепил особенно. В одну из приоткрытых дверей увидел, будто вылизанный, дворик, сложенный из огромных валунов. Между ними и даже на них умудрялись играть в футбол трое маленьких арабов.

Там же, на рынке, прилипали к туристам обвешанные сувенирами продавцы. Один из них, круглый низкорослик, не отставал от рыжего веснушчатого гиганта, тыча в него связками разноцветных ожерелий и брошек:

— Плиз, плиз, купи...

И отстал только тогда, когда тот, наконец, развернулся к нему с громогласным:

— Мне?! Зачем?!..

Запомнилась тщательная предотлётная проверка. Раза три пришлось на разных этапах проходить через металлоискатели. Парень с девушкой, не торопясь, поочерёдно опрашивали пассажиров на регистрации, внимательно всматривались в них. Видимо, делалась при этом и психологическая оценка поведения опрашиваемых.

Я не разобрал, что они спросили, когда дошла очередь до меня, и попросил Анюту, как лучше говорящую из нас двоих на инглише, пояснить мне, чего хотят эти молодые люди.

— Спрашивают, нет ли у тебя оружия или наркотиков...

— Да Бог с вами! — ужаснулся я, и они отстали.

Провожавшая нас девушка-гид заметила, что такая проверочная занудность приносит свои плоды: ни одного теракта не случилось на авиалиниях Израиля.

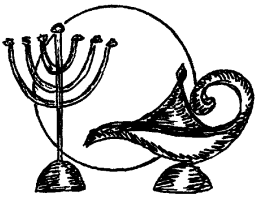
Поздним вечером мы уже были в своём турецком отеле, и события минувшего дня вспоминались, словно сон. Мы съездили ещё в несколько знакомых по первому приезду экскурсий: в Памуккале, в Ликию... Удивительные поездки в места, о которых можно много рассказывать. В то же время оставалось достаточно времени для

прогулок в окрестностях отеля — на море, на красочном рынке, набитом мануфактурой, сувенирами и фруктами.

За оградой, со стороны почти противоположной морскому пляжу, стояли скамеечки на пешеходной набережной вдоль озера. Здесь можно было прогуливаться вечером при свете фонарей. Что нас поразило, так это полное отсутствие комариков или какой-либо мошки возле воды. Правда, поздним вечером углядел я, как из подводной трубы выходило что-то вроде белой суспензии. Возможно, эта штука и не давала комарикам воспроизводиться.

Но, покуда солнце не смиряло жар своих лучей, часов до пяти вечера, мы нежились в тенёчке на лежаках, читая или загоняя строчки в тетради. И этот тенёчек с лежаком посреди газона смахивал на Дом творчества. На соседнем газоне разгуливали три павлина, время от времени разворачивая радужные веера хвостов...

Что ж, Анюта права, когда говорит, что главное — выбрать правильный отель. Это у неё получается как нельзя лучше.



Корфу и Питер

После безвизовых Египта и Турции мы созрели для поездки в визовую Грецию на остров Корфу, где мне довелось уже побывать в 2001-м году. Затем решили проехать туром из Москвы в Петербург, где ни я, ни Анюта прежде не бывали.

Остров Корфу, расположенный в Ионическом море, — один из самых удивительных по красоте греческих островов. Город Корфу — в венецианском стиле, поскольку построен когда-то венецианцами, с двумя крепостями — одна другой древнее. Отсюда пошла греческая республика, созданная при самом непосредственном участии России. Тому свидетельство и памятник адмиралу Ушакову, поставленный в сквере недалеко от порта — «лима́ни» по-гречески. Адмирал — основатель греческой Ионической республики, откуда началось освобождение греков от турецкого владычества.

На остров Корфу прилетели мы прямым рейсом Москва — Керкира. Поэтому не было полюбившегося мне в первый приезд перехода на пароме от материкового порта Игуменица до порта Корфу.

Конечным нашим пунктом была деревенька Лиападес, а сам отель — на крутом берегу. Спуск к нему оказался настолько крут и извилист, что большой экскурсионный автобус часто не мог заехать за нами, и приходилось подниматься с полкилометра на гору к авто-

страде. Но если всё-таки водитель решался спуститься по серпантину к отелю, то это сопровождалось его вздохами, причитаниями, а иногда и ругательствами:

— О-о! Ли-а-па-дес! Го-мо-то па-на-йя!

Зато скалистая бухточка искупала все неудобства, связанные с хождением по крутым горкам отельной территории. Купание под скалой, дремота в её тени, любование над заливом горами Палеокастрицы, что в переводе означает «старая маленькая крепость», — словом, всё, что можно пожелать себе у моря...

Наш двухэтажный коттедж стоял довольно высоко, в тени огромных кипарисов, на краю оливкового леса, который показался мне почему-то знакомым. Довольно скоро я понял — почему. Конечно, это был лес из второй серии «Властелина колец». Живой, говорящий и всё понимающий лес.

Из него вылетали и снова возвращались сороки и другие, не известные нам, птицы. Ночью в дебрях, которые начинались прямо под балконом, шебуршали какие-то существа. Я вглядывался в очертанья стволов и ветвей, исчезающих в подступающей мгле, и испытывал что-то вроде робости дикаря-третьеклассника перед неведомым древним миром из школьного учебника.

Некоторые продвинутые туристы подъезжали к своим коттеджам на арендованных квадроциклах. Но связываться с техникой не хотелось — так мы считали. Возможно, сюда подошли бы слова дедушки Крылова: «Хорош виноград, да зелен...» Ведь управлять я мог только «запорожцем», да и права мне уже лет десять не пригождались.

Поэтому и на гору, в деревеньку, отведать мусаку в таверне или заглянуть в сельпо, то бишь — минимаркет, мы плелись пешком. Греческие маркеты и рынки, вернее, их хозяева или продавцы наиболее точно отражают особенности национального характера.

После прилипчивых и нагловатых торговцев в Египте или в Турции непривычным выглядело полное

равнодушие греческих тружеников прилавка. Они занимались своими делами где-то в глубине магазинных зальчиков, разбирая или переставляя товары на полках. И только когда вы засвечивались у кассового аппарата, подходили для расчётов.

Чувство собственного достоинства всегда и везде сопровождает их появление. Они доброжелательны, но без всякого заискивания.

Наш гид Дима, молодой человек из Днепропетровска, проживающий на Корфу третий год, свозил нас погулять по вечернему городу Корфу. Не буду пересказывать туристических впечатлений — их много. Но одно из них — крохотный магазинчик с камнями — особенно памятно.

Потому что там мы увидели обалденные образцы: агатовые срезы, хрустальные друзы и особенно аметистовые жеоды, какие в жизни видеть мне довелось только в столичном музее имени Ферсмана. Цены оказались подъёмными, и кое-что из бразильских агатов для себя и на подарки друзьям мы приобрели.

Дима рассказал нам, что у него псориаз, и переносить это заболевание ему легче здесь, на острове, в здешнем мягком морском климате. Помимо местных экскурсий, — во дворец Ахиллеса с девятью мраморными музами, на вершину горы Пантократор, откуда можно видеть одновременно берега Греции и Албании, — он организовал экскурсию в Метеоры, и сам сел за руль микроавтобуса.

Метеоры — это невероятное явление торжества человеческого духа. «Как возможно такое?!» — думается, когда смотришь снизу вверх, на скалы, увенчанные монастырскими храмами. А когда смотришь оттуда, с высоты Метеоровых утёсов вниз, на селения Каламбака и Кастраки, на их оранжевые крыши, рассыпанные у подножия Метеор, когда охватываешь взором чуть ли не всю Фессалийскую долину, то ощущаешь себя участником библейской истории.

Так что прогулка на морском пароме до Игуменицы всё-таки состоялась. Однако на горных серпантинах четырёхчасового переезда укачало меня так, что я толком не смог и отобедать в Метеорах. Для таких экскурсий, конечно, предпочтительнее большой автобус.

— В следующий раз напишите заранее, я закажу вам апартаменты. Это обойдётся дешевле, чем отель, — говорил Дима на прощание.

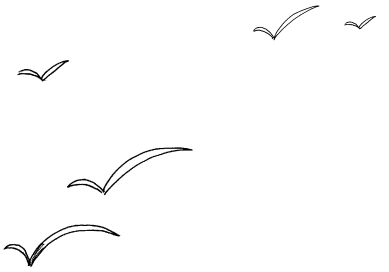
Его радушие мы оценили. Но «заказать апартаменты» означает попросту «снять квартиру». И нам его приглашение пока не пригодилось. Через пару дней после возвращения с Корфу начиналась у нас турпоездка в Питер.

В Ленинграде были у меня знакомые и даже хороший в своё время приятель — поэт Сергей Макаров. Он звал в гости и считал, что мне нужно каким-то образом переселиться туда.

Все познания мои об этом городе вытекали из литературы и кинофильмов. И никакой привлекательности в нём для меня не было. Хотя в детстве испытал однажды чувство благоговейного восторга от подаренного на день рождения набора спичечных этикеток с Медным всадником, Исаакием, Казанским собором...

Однако впечатления от уссурийской тайги, от среднерусских городов Владимира и Ярославля, от южных — Ташкента, Чимкента, Самарканда, Алма-Аты, от гор Чимгана и Бричмуллы были куда сильнее этих книжно-киношных впечатлений.

И всё-таки пришло время оценить Петербург, как говорится, в натуре. Путешествие началось с Ленинградского вокзала Москвы. Поезд уходил поздно вечером, и мы вышли на посадку с хорошим запасом времени.



Ленинградский вокзал

На вокзал приехали рано. До сбора нашей тургруппы в центре зала оставалось около трёх часов.

— Ну вот! Говорила тебе, зачем так торопиться! Томись теперь на лавочке, парься, — как всегда принялась искать виноватого жена.

Мы присели на свободную половину скамейки рядом с плотным мужчиной примерно моих лет. Занять себя было нечем, и сосед это заметил.

Он достал из рюкзачка колоду карт, ловко щёлкнул ею и спросил:

— Перекинуться не желаете?

Мы покачали головами.

— А в шашки?

Не получив поддержки, грустно сказал:

— А я вот игрок. Во всё готов играть. Особенно, если на интерес, просто голову теряю. Бабушка моя игроком была. Кто в гости ни придёт — всех за лото усаживала. И проигрывала больше всех, а не могла остановиться. Мать рассказывала, что когда-то она и картёжницей была, и доминошницей... Так что это у меня наследственное. В молодые годы даже пострадал через свою страсть. Если не возражаете, расскажу...

Здесь мы согласно покивали головами, поскольку, повторяю, времени у нас хватало.

— В конце семидесятых окончил я военное училище под Новосибирском. Туда меня соблазнили поступить ещё со срочной службы. Молодой лейтенантик, ветер в голове, жизни не видел... Предложили дальше поступать на Высшие курсы военной контрразведки. А до того как стажёра посадили в одном НИИ — сутки через двое парня охранять, в лаборатории. Сказали, что с ним опыты важные делают.

Сижу я под дверью у него, за столиком при настольной лампе книжки читаю. Иногда он выходит, в туалет там на первом этаже, или по коридору прогуляться. Бывало, остановится у моего столика, спросит:

— Ну, как дела, служивый?

— Хорошо, — отвечаю. — Служба идёт, и книжка интересная...

Книгу читал как раз: Дюма «Железная маска».

Глянул он на обложку:

— Серьёзная, — говорит, — литература у вас...

— Да не жалуюсь, — отвечаю...

А в коридоре отделены мы были от основного НИИ дверью-решёткой с огромным висячим замком. Ключ от него имел только Кузьма Васильич, главный у них доктор учёный.

Распорядок дня у парня очень строгий был: в шесть подъём, зарядка под магнитофон, бег на месте, водные процедуры, завтрак. Потом медсестра с санитаркой приходят, уколы ему делают, таблетки дают. Дальше обед, тихий час, причём в тихий час даже мне за дверью разговаривать запрещалось.

После тихого часа опять уколы-таблетки и прогулка на свежем воздухе, специально балкончик застеклили для этого.

Погуляет он, опять подойдёт, спросит:

— А есть ли у вас родные, служивый? Как они поживают?

Да так участливо спрашивает, что не захочешь, а всё ему выложишь...

— Есть, — отвечаю, — папа с мамой в Новосибирске да ещё сестрица троюродная в Ульяновске. Всё звала меня до армии к себе. Дядя у неё в троллейбусном парке диспетчером работает. Хотел и меня к себе устроить, да в армию призвали...

Задумался он немного и говорит:

— А не принесёте ли мне газеток почитать?

Ладно, думаю, не запрещал никто, пусть читает. Стал давать ему «Советскую Сибирь» да «Вечерний Новосибирск», которые для себя покупал. Дивился только, как быстро он с ними управляется: только глянет на статью по диагонали, и вроде как она уже усвоена... Потом задумается немного и скажет:

— Нет, так жить нельзя...

Вижу, скучновато ему бывает. Будто не хватает чего-то, хотя, вроде, всё есть.

— А вы, — говорю, — попросите доктора, пусть игру какую-нибудь вам даст: карты, лото или нарды... Мы с вами играть будем...

— Отличная идея! — аж в ладоши захлопал.

Кузьма Васильич разрешил: ладно, мол, если только не в азартную игру играть, то можно...

Припёр я нарды на следующее дежурство. Попробовали. Хорошо пошло! И втянулись.

Ещё раньше спрашивал я его:

— Как величать-то мне вас, чтобы по-нашему?

Не нравилось, как его санитарка да медсестра обзывали: Клон да Клон... Не душевно, не по-человечески...

— Да что уж тут чиниться, — отвечает. — Зовите меня Кузьмичём...

В другой раз говорит:

— Эх, знаю я, для чего они так время тянут. Кондиции, видите ли, моей им не хватает... Да, крепки

здесь запоры! Но только решётка в туалете трухлявая. Ткни — и развалится...

Действительно, в те годы все решётки на окнах, кроме тюремных, слабоваты были. Не то, что нынешние...

Играть-то играем. Да вот незадача: хоть бы раз мне у него выиграть! Ни разу не поддался — железный человек. Иной раз говорю ему:

— Сердца у вас нет, что ли... Что стоит разок проиграть, взаимный интерес был бы...

Играли ведь на щелобаны. А пальцы у него ого-го!

Кузьма Васильич на звук щелобана вышел и поостерёг меня:

— В колбе деланы пальцы-то!

Один только раз щёлкнул меня, так слёзы из глаз и брызнули.

— Ладно, — говорит, — служивый, используем накопительную систему...

Так и играл с ним в долг. Деваться-то некуда. Всё думал — отыграюсь...

Понимал, что в ущерб себе, а остановиться не мог, поскольку человек я, как уже говорил, наследственно азартный.

А он участливо так, задумчиво иной раз скажет:

— Нет, мы пойдём другим путём. Знаю ведь, для чего они всё это сделали. И теперь до кондиции довести хотят. А это ещё полгода. Так что потерпите, служивый...

И опять:

— Нет, мы пойдём другим путём!..

Долг мой, между тем, вырос до двухсот восьмидесяти щелобанов. Даже подумать страшно! Хоть увольняйся...

Тут Кузьмич как-то и говорит:

— А давайте, служивый, сыграем сразу на весь долг. Если выиграете — снова у нас по нулям. Проиграете — вывóдите меня тайно отсюда, даёте пятьдесят рубликов подъёмных и адрес своей троюродной сестрицы с запи-

ской от вас... За халатность много вам не дадут... А нет — так уж давайте по долгам платить...

Да всё так ласково говорит, будто гипнозом окутывает. Кто бы не согласился при таком раскладе эдак-то дёшево отделаться?! Хотел бы увидеть такого человека...

Однако говорю:

— Нет уж, дудки. Записку к сестре не дам. Это улика. И не халатность уже, а сговор... А в целом, будь по-вашему, Кузьмич! Я в игре человек рисковый, от ставок никогда не уклонялся...

Сыграли. Конечно, продул я ему. Денег у меня только сорок семь рублей набралось, хотя я человек экономный, и зарплата недавно была.

— Ладно, — говорит, — давайте, сколько есть...

Адрес сестринский я ему на ухо сообщил, и пошли мы в туалет на первый этаж решётку рвать.

— До встречи на баррикадах, товарищ... — шепнул напоследок. Первый раз меня товарищем назвал. Видимо, кондиция подоспела...

Спрыгнул он в палисадник и был таков.

Поднялся я к себе за столик, голову на кулаки уронил и задремал. Вдруг слышу — Кузьма Васильич меня за плечо трясёт:

— Где Клон? — спрашивает.

— Не знаю, — говорю, — задремал я тут.

— Вижу, что задремал! Клон куда подевался?!

Стали вместе искать по обоим этажам, по кладовкам-каптёркам. К вечеру органы приехали, забрали меня. Допрашивать начали. Следователь поначалу кричал:

— Ты хоть понимаешь, идиот, какого джинна из бутылки выпустил?!

— Да что вы, — говорю, — придумываете, Лев Давыдович?! — так он представился. — Кузьмич — воспитанный человек и очень даже политически грамотный. Газеты читать я ему обеспечивал... Что я, джиннов не

видел, что ли? Вон в «Тысяче и одной ночи» картинки есть и в «Старике Хоттабыче»...

Три дня меня допрашивали. Два зуба выбили. Но я им ничего больше не сказал, кроме: «Задремал. Не слышал, как Кузьмич в туалет спустился, решётку выломал...»

Дали мне за преступную халатность пять лет. Отсидел четыре. Выпустили за примерное поведение пораньше. Поехал к сестре троюродной в Ульяновск. Устроили они меня с дядей троллейбусы водить. Через пару лет женился. Жильё собственное получил. Дочь родилась. Вот езжу теперь к ней каждый год в Питер, с внучком понянькаться. У старухи-то сердце слабое, дорогу она плохо переносит. Один езжу.

А Кузьмич, сестра говорила, приезжал от меня. Но недолго побыл. «Что время здесь зря терять, — сказал. — Поеду в Казань, в университет поступать...»

Но вот два года назад гостил я у дочери в Питере. Вышел в пивбар прогуляться. Перед входом замешкался, вижу, какой-то человек, откровенно говоря, бомжеватого вида, на меня пристально смотрит, будто знаком я ему. Присел за столик, а он следом заходит и ко мне.

— Не узнаёте, — спрашивает, — меня?

— Нет, — отвечаю, — не припоминаю...

— А я вас сразу узнал. Память-то профессиональную не пропьёшь. Я ведь вас в семьдесят девятом году допрашивал по делу о бежавшем клоне. Лев Давыдович меня зовут...

— Ах, — говорю, — вот те нате! Это ж вы мне тогда два зуба выбили!

И показываю под верхней губой мост из нержавейки.

— За зубы извините, конечно. Дело было государственной важности. Пивка не возьмёте ли мне ввиду стеснённых жизненных обстоятельств?

Взял я ему два пива. А два зуба за давностью лет простил, конечно. Присели мы с ним на веранде. И вот что поведал он мне.

— Где-то в середине семидесятых мумия вождя в мавзолее совсем в негодность пришла. Как там её ни подлепляли, ни примазывали, тлен всё наступал, обращая в прах священное тело, всенародную святыню, можно сказать. Лаборатория при мавзолее запросила пардону у верховной власти: «Как быть?! Что делать?!» Верховная власть, то бишь политбюро, ответно запросило у лаборатории: «Что делать?! Как быть?!»

А в науке — новые веяния. Берии не было, и за генетику с кибернетикой к стенке уже не ставили. Выяснилось, что в одном Новосибирском институте вовсю изучали возможности выращивания целого организма из одной-единственной клетки. То есть то, что сегодня называют клонированием. И термин «клон» по отношению к этому организму зародился в том институте.

Политбюро на основании данных института приняло решение в порядке научного эксперимента попытаться воссоздать, хотя бы частично, организм вождя. И под грифом «секретности» работа началась. Вырастить человека в колбе удалось за полгода. Но ещё полгода требовалось доводить его до нужной кондиции вне колбы. Там вы и охраняли его — сутки через двое...

После того, как главный идеолог заявил, что «мы должны сделать всё, чтобы сохранить — то ли нетленность образа, то ли образ нетленности — вождя мирового пролетариата как символ нетленности его учения и использовать для этого все достижения мировой науки...» — политбюро потребовало, чтобы мумию обновляли каждые десять лет. Это я по ходу следствия видел собственными глазами в стенограмме с грифом «секретно».

Само собой возник и вопрос: какому ведомству поручить превращение клона в мумию? Иными словами,

кто и каким способом будет умерщвлять выращенный в колбе после доведения до кондиции организм: удавливать, топить, отравлять или усыплять?.. На это было отвечено, что целесообразно при том же Новосибирском НИИ создать отдел по разработке и совершенствованию способов ликвидации клонов.

Правда, тут заминка вышла: директор института на пенсию сразу сбежал. А его первый зам — решительный человек — не письменно, но ответил:

— Наше дело организмы выращивать. А ликвидировать — вы уж их в свои подвалы тащите!

В итоге руководителем колбы назначили главного специалиста по регенерации конечностей, доктора биологических наук Кузьму Васильевича.

И всё шло, как по маслу, Кузьме Васильевичу уже светила Звезда Героя соцтруда. А тут побег. Кого-то в том НИИ из партии повыгоняли, кому-то темы позакрывали, штат сократили. В итоге свалили всё на вас, и вашим пятериком за халатность дело закончилось.

Искали мы клона, как могли. Но в розыск ведь фото вождя не подашь, не размножишь, сами понимаете. Кроме того, по оригиналу была известна его редкостная готовность к мимикрии, то бишь, к принятию различных обличий. Тогда я предложил искать его по биографическим вехам. Человек уникальных способностей должен был где-то засветиться. Решили проверить среди вузовских краснодипломников. И, представьте, нашли его в Казанском университете под фамилией Петров. Месяц назад окончил экстернат университета...

Бросились по адресу, где он комнатёнку снимал. Допросили хозяйку. Она показала, что две недели назад наш герой съехал с девушкой Надей, которая не так давно стала приходить к нему в гости. При обыске нашли под раскладушкой парик с усами, паспорт на имя Петрова и книгу Дюма «Железная маска».

Дальше началась череда похорон руководителей страны, и потихоньку всё, в том числе и следствие, свернули. Списали на издержки научного эксперимента. Шли сигналы ещё время от времени, что замечен наш клон то в Германии, то в Финляндии, то во Франции... В общем, призрак бродит по Европе...

Потом пошло-поехало: перестройка, развал страны, пенсия... Дети разъехались, третья жена при разводе меня из квартиры выжила. «Прихватизировала», как теперь говорят. Скитаюсь по чердакам и подвалам. Но ничего, тёплых мест хватает у нас в отечестве. И что удивительно, как примощусь у тёплой трубы где-нибудь, кажется, — счастлив... Да, а Кузьма Васильевич удрал-таки в девяностых за границу со всеми секретами...

Добавил я Льву Давыдовичу ещё сотенку для сугрева, и разошлись мы.

Вот и вся история. Жаль, что в игры вы не играете. Но спасибо, что выслушали...

Сосед ушёл, чуть прихрамывая, на посадку к своему питерскому поезду. До нашего оставалось около часа, и можно было немного ещё посидеть почти в полной тишине.

От Эрмитажа до Литераторских мостков

Вагон наш отстоял довольно далеко от вокзала, почти у самого электровоза. Прогулочным шагом мы дошли до него и предъявили билеты с паспортами проводнице. Однако здесь произошло непредвиденное. Документы, предъявленные нами, и те, что значились в билетах, не совпадали.

Билеты приобретало для нас туристическое бюро по нашим заграничным паспортам, которые мы решили не таскать с собой по России и оставили на хранение брату Андрею в Москве. При себе у нас оставались только российские паспорта. И молодая востроносенькая проводница сработала безошибочно.

— Что же нам делать? — спросили мы, всё больше оттесняемые от неё потоком пассажиров с правильными документами.

— Вопросы — к начальнику поезда, — коротко отозвалась она. — Он около соседнего вагона.

— Как нам быть? — скороходью подступили мы к начальнику поезда, надеясь втайне, что всё можно уладить по российскому обычаю на месте.

Однако он развеял наши иллюзии.

— Сдать эти билеты и приобрести новые по тем паспортам, которые при вас. Другого не дано...

И мы рванули к вокзалу через весь длиннющий перрон. До отхода поезда оставалось минут двенадцать. Но здесь нам сопутствовала удача.

Удалось в предкассовой давке сразу выяснить, где обменять билет, затем найти старшего кассира, который должен дать добро на возврат и покупку новых. Добрый человек — она сразу оценила ситуацию и вошла в наше грустное положение, отложив свой технический перерыв, наступивший именно в эту минуту. Словом, с новыми билетами на последней минуте добежали до вагона и загрузились в то самое купе, куда были выписаны и предыдущие билеты.

Поезд прибыл в Ленинград рано утром. Кассы ещё не работали, но очередь перед ними уже была. Пришлось сразу же повторить операцию с возвратом и покупкой обратных билетов и только тогда присоединиться к нашей тургруппе, которая потихоньку собиралась в условленном месте.

Финансовые потери при возврате билетов, разумеется, оказались существенными. Но — не нами придумано: за всё надо платить. В том числе и за собственные косяки.

Гостиница Дома молодёжи на Васильевском острове оказалась ближе к заводским окраинам, нежели к центру. Запомнились длинные унылые переходы от автобуса или ещё длиннее — от метро к ней, местами вдоль серокаменных заборов каких-то фабрик или заводов. И на всём пути ни киоска — воды купить, ни магазинчика — к чаю бутербродов сообразить...

Эрмитаж, Зимний Дворец, Александро-Невская лавра, Спас-на-Крови, Стрелка на Васильевском острове, Невский проспект, Литейный... Нескончаемая череда историко-литературных экспонатов проходила перед глазами. В Эрмитаже, хоть мы и договорились осмотреть только залы итальянского искусства, дабы не лишиться ног, всё-таки «заступали» и в залы другие. Но

из Кунсткамеры ушли, не закончив экскурсии. Надоело рассматривать уродцев в колбах.

Несколько подорвало доверие к распространённому мнению об интеллигентности ленинградцев-петербуржцев хамство киоскёрш за лотками с водой и всякими пирожками-бубликами.

— Промой глаза! Цены все на витрине! — рядовая реплика в ответ на чей-то вопрос.

Павловск, Царское Село, Петергоф — каждое из этих легендарных селений осталось в памяти. Не столько дворцами-новоделами, сколько чудесными обрамлениями: парками, полями, речками и озёрами. Однообразие внутренних интерьеров во дворцах утомляло. Но гуляние в старинных парках под дубовыми и липовыми кронами создавало отменное настроение.

Петергофский парк с выходом на балтийский берег навевал какие-то литературные романтические воспоминания...

Однако слегка омрачили жизнь белые ночи, пришедшиеся как раз на наш питерский тур. Казалось, они нарушали естественный ход времени, мешая уследить за приходом ночи, и за разговором засиживались мы иной раз чуть ли не до утра. «Да, жизнь в музее — это не ночь в музее...» — напрашивался каламбур, поскольку на самом деле жизнь в этом городе вызывала у меня сочувствие к его жителям.

Отпечаток её вполне отвечает, на мой взгляд, настроению тридцатилетнего Александра Пушкина.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдём под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час...

За фасадом Литейного проспекта, на куцем балкончике жилого дома стоял в синих семейных трусах немолодой человек, задумчиво дымя папироской в колодец неба над головой. И такой безнадёгой веяло от всего этого образа, что захотелось как можно скорее выйти из двора на шумный проспект.

В трёх домах-музеях побывали мы: на Мойке у Пушкина, в квартире Пуниных у Анны Ахматовой и в квартире Александра Блока на Офицерской (Декабристов) улице. Потрясающие экскурсоводы встречали нас там. Люди, одержимые любовью к Петербургу и к его святым для сердца русского местам — литературным и историческим.

В подъезде квартиры Блока изловчился я покурить в окно, в которое, вероятно, курил и он. И, глядя в другое окно на серые воды Пряжки, бегущей в сторону залива, не столько посочувствовал Блоку из-за угрюмости пейзажа, сколько подивился силе его таланта, эту угрюмость преодолевавшую.

«Видимо, — думал я, — потеснить болотных чухонцев, карелов, ливонцев, прорубая окно в Европу, царю Петру было сподручнее, чем “подвинуть” крымчаков и османов на юге. Но Россия оказалась бы совершенно иной, если бы Петербург раскинулся на крымских берегах с выходом в Средиземное море. Возможно, здоровее и жизнерадостнее... Может, и “критический реализм” нашей литературы был бы не столь удушающим. И “северной столицей” считалась бы Москва... И нашлись бы силы у той России противостоять германской бацилле коммунизма...»

В общем — если бы да кабы... Вот о чём я задумался, глядя в окно Блоковской квартиры на быстротекущую Пряжку. Драма ухода из жизни Пушкина в квартире на Мойке, проникновенно переданная женщиной-экскурсоводом, веселья не прибавила. Группа выходила из музея, без всякого преувеличения, в слезах.

За день до отъезда поехали мы на Смоленское кладбище, где, по нашим сведениям, был захоронен Александр Блок. По ходу поиска могилы поэта прояснилась жуткая история его перепохорон в 1944-м году на Литераторские мостки Волковского кладбища. Жуткая, потому что перезахоронили его без головы, оставив на прежнем месте захоронения только надгробный камень. Само собой сказалось:

Господи, да что же это?!
Божья воля или чья?
Две могилы у поэта,
Ни одной — у Ильича!

На Волковское кладбище попали мы за несколько часов до отъезда в Москву. Моросил холодный дождь. Время было для посещения неурочное — кладбище закрывалось, и на боковой калитке уже была задвинута щеколда. Однако удалось её откинуть и присоединиться к последним посетителям мемориала.

Литераторские мостки когда-то власть определила как мемориальное кладбище для упокоения известных наших писателей, актёров, художников, политиков... Гончаров, Салтыков-Щедрин, Менделеев, Плеханов, Куприн, Надсон, Миклухо-Маклай, Петров-Водкин...

Помню, как онемели мы на какое-то время, наткнувшись на глыбу красного гранита с крестом, под которым значилось: «Николай Семенович Лѣсковъ».

— Как?! И всё?! — воскликнула Анюта.

Трудно было поверить, что перед нами последнее прибежище одного из самых почитаемых нами корифеев отечественной литературы. Вот так. И всё...

Острова в океане

Не из земли пришли мы, нет —
Не знали мы земли.
Из океанских тёмных недр
На сушу мы вползли...

В одно из первых моих посещений острова Итурупа, когда мы высаживались в Курильском заливе с пассажирского судна «Ольга Андровская» на плашкоут, поскольку, как сказал один поэт, «на Курилах нет портов, только рейды», — стояло тихое солнечное утро.

Судовой динамик на плашкоуте голосом Аллы Пугачёвой стенал на всю бухту: «А ты такой холодный, как айсберг в океане...» Песня была новая, ещё только дважды или трижды слышанная. И всё это, вкупе с горным береговым ландшафтом, создавало удивительно лирическое настроение, окрашенное розоватой романтической дымкой.

«Нужно дать ему п...», — возвестил вдруг на весь плашкоут грубый голос с гортанным кавказским отливом. Черноусый пассажир, судя по всему, продолжал беседу, начатую ещё на теплоходе, с белобрысым пассажиром в тельняшке.

Дикое это выражение, совершенно абсурдное с точки зрения логики, стало не просто напоминанием о суровой реальности, но и прозвучало ужасным диссонансом нежному шелесту волны под и вдоль борта плашкоута, песне про айсберг и всему прочему.

Позже я убедился: на любом острове нечто загадочное навевало мне романтическое настроение, с которым вступала в противоречие какая-нибудь деталь мрачной действительности. К примеру, совершенно не совпадали на Шикотане сказочные бухты, далёкие от рыбоперерабатывающих заводов, и окрестности этих самых заводов с горками вонючих отходов, над которыми трудились вороны и чайки. Или на берегу пролива Лаперуза, на диких склонах мыса Крильона — терриконы железных бочек из-под горюче-смазочных материалов. «Вывозить на металлолом, — объясняли нам знающие люди в 1973-м году, — нерентабельно...»

— Хорошо бы нам, папа, поселиться на необитаемом острове и жить, как Робинзоны... — мечтал мой сын Антонин в свои раннешкольные годы.

— И хорошо бы ещё суметь увернуться от людоедов на том острове, — осторожно поддакивал я.

Однако разве не подобные мечтания поманили меня много лет назад из огромного города на остров, который я и по прошествии лет считаю лучшим для себя местом.

— Островитяне — люди особые. Даже психологически они отличаются от людей с материка, — утверждает моя жена Анюта, урождённая островитянка.

И это при том, что материк, по сути, такой же гигантский остров в Мировом Океане. Только там контрасты ещё явственней: на фоне дивных ландшафтов, торжества технической мысли, глобального шествия цивилизации — голод и нищета, дикарская воинственность и людоедское самосознание...

Подлинная островная жизнь всё-таки иная. Хотя бы потому, что главные угрозы проистекают из-за природных бедствий: тайфунов, извержений вулканов, землетрясений, пожаров и наводнений... Всё это делает островитян более сплочёнными, что ли, доброжелательными друг к другу.

«Приезжающие на Сахалин с материка быстро становятся особенными. Необъяснимым образом

действует на них эта “российская околица”. Люди переделывают её на свой лад, а она в свою очередь воспитывает их, закаляет. Море цементирует людскую дружбу. Люди обретают себя и друг друга, как обрели себя в преданности сахалинской земле», — сказано кем-то из писателей. «Невозможно оторваться, невозможно уехать, уйти, исчезнуть с этого острова. Он — всегда за твоей спиной, стоит и прислушивается к голосу твоего сердца, вдыхая в тебя совершенно иную, как правильно заметил А. Чехов, не российскую жизнь. Здесь всё как-то иначе...» — добавляет Анюта в статье «Приметы времени...»

Замечено (островитянами, конечно), что люди на островах отзывчивее и покладистее своих материковских соотечественников. Это касается не только тех, кто родился на острове, а и тех, кто приехал на остров жить и, главное, ощутил себя островитянином.

— Видишь тот островок на отливе? Я дал ему твоё имя, и теперь ты можешь приезжать сюда, когда захочешь, посещать его. Правда, в приливы он уходит под воду, но мы-то с тобой знаем, что он есть, — так встретил меня Евгений Дмитриевич Лебков на Кунашире. Чудесный поэт, лесник... Себя он величал при этом директором Тихого океана.

Навсегда запомнился на Итурупе местный краевед и путешественник Николай Иванович Чирсков, плотник Курильского стройуправления. Он вывел нас по тропе почти к подножию вулкана Баранского. Купанье в горячих ванночках серной речки, из которой выходишь, будто с новой кожей, незабываемо. И даже драматическое возвращение в Курильск уже без тропы, по сплошной воде тайфуна «Тип», снёсшего на Итурупе все мосты, с непредвиденной ночёвкой в посёлке рыборазводного завода, у доброй женщины, которая нас накормила, обогрела и спать уложила — тоже незабываемо. Тайфун «Филлис», обрушившийся через два года на Сахалин, тоже выявил немало лучших человеческих

качеств — готовность к взаимовыручке и товарищеской поддержке. Актёр драмтеатра Александр Ульянов подарил мне в те дни офицерскую плащ-палатку, когда я посетовал по телефону, что невозможно выйти из дома за хлебом в такую непогоду.

Запомнилась и старенькая гречанка на острове Крите, спросившая по-гречески: «Как твои дела?» Она, после моего ответа тоже по-гречески, что «очень хорошо», поучила, как всё это правильно и душевно должно звучать.

— Ти ка́нис еси? — мягко и нараспев показывала она, как нужно произносить эти три слова, означающие вопрос. И сама же, ещё распевнее и нежнее, отвечала:

— Поли́ кала́... — причём конечное «ла» звучало почти как «ля». И это означало: «очень хорошо, отлично, замечательно».

Она лучилась добротой и радушием, особенно услышав, что мы из России.

Я себя почувствовал островитянином ещё в детстве. Кажется, после того, как зачитался книгой «Потерянная родина» Вилиса Лациса. Про юного туземца по имени Ако, захваченного в плен и увезённого с острова на корабле белых колонизаторов. Его горестная история была так прочувствована мною, что никем иным, кроме как островитянином, я себя уже не представлял, и книга эта долгое время имела надо мною какую-то тайную власть. Прочитанный позже роман Робера Мерля «Остров» усугубил моё островитянское мироощущение. «Никто, надеюсь, не посетует на меня за то, что я поселил на островке, затерянном среди Тихого океана, совсем иных людей, чем те, которые жили там в действительности», — замечает автор в предисловии.

Страсть к путешествиям в крови у коренных островитян, если верить эпосу сахалинских нивхов:

— Ведь человек Ыгмифа
Не может без путешествий,
Куда-нибудь да пойдёт!

Сменяются поколенья,
А он всё таков и ныне:
Сну на мягкой перине
Предпочитает поход.

В тёмных местах и светлых,
По тракту ли, по распутью, —
Дышит он полной грудью,
Воздуху странствий рад!
Именно так всё было.
И именно так всё будет!
Наши Ыгмифа люди
Походную жизнь творят...

Конечно, герой эпоса имел несравнимые с нашими возможности для путешествий по земле, воде и воздуху.

— Ну-ка, меня услышь-ка,
Припрятанная до срока,
Древняя обувишка,
Истлевшая на ногах...
Стукнул её по носу —
Она и впрямь оживилась,
Вправду пошевелилась
Обувь в его руках.

— Ну-ка, давай, не медли,
Неси меня в те пределы,
Где предки родную землю
Топтали ногами всласть!
Туда, где шесть поколений
Моих отцов проживали,
Не зная чужих селений.
Туда помоги попасть!

Верхом на тебя я сяду —
Осилишь ли ты, взлетишь ли
Деревьев и гор превыше,
Земля чтоб уменьшилась вся?
Не обувью, не сиденьем, —
Серебряной стань стрелою,
Над домом и поселеньем
Взлети, меня вознося!

За облаком следуя верхним,
Неси далеко-далёко!
В края, где не хватит ока
Всё обозреть окрест!
Туда, где море и горы
Заполонили просторы.
Где посреди пучины —
Красной скалы отвес.

На ней не гнездятся птицы,
Звери не роют норы...
Пар над нею клубится,
Вниз — огненная струя!
Где чёрное море с красным
Соединила протока, —
Неси далеко-далёко,
В неведомые края!..

Своё сиденье ударил.
Шесть раз прямо в нос ударил.*
Шесть раз подпрыгнул с ним рядом.
Вскочил на него прыжком.
И впрямь! Поднялось! Взлетело!
Словно летало от века!
Нашего человека
Направило не пешком!

Ох, это да! Подняло ведь!
На путь, где верхние ветры
Верхнее облако ловят,
Где солнце их сеть серебрит.
Левой рукой — по пяткам,
Правой рукой — по носу! —
Наш малыш погоняет,
За облаком верхним летит...

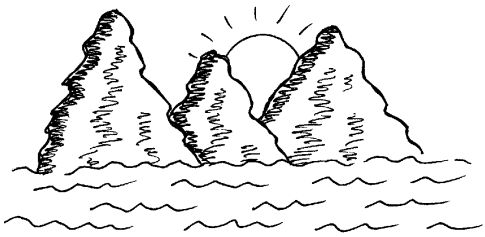
Да уж, завидное путешествие!.. Словом, неважно на чём отправляться в поход, открывая всё новые и новые для себя острова...

* Число «шесть» — магическое.

Недавно, размышляя об этом, я подсчитал, со сколькими островами сводила меня судьба. Получилось около двадцати, не считая первого — парка «Зелёный остров» в моём уссурийском детстве. Сахалин, Итуруп, Кунашир, Шикотан, Монерон, Талабск и Верхний на Псковском озере, Валаам, Кижи, Соловецкие острова, Свияжск, Кипр, острова Самет, Пет и Рин в Таиланде, греческие Корфу, Скопелос, Крит, Тинос, Миконос, Санторини, Амульяни...

Из всего этого могу сделать вывод: островная жизнь мне по душе, и я проживаю именно в том месте, где хотел бы жить...

Острова — это промежуточные станции между мировым океаном и Большой землёй.



Амульяни

Гуляя по Ураноу́поли, городку на полуострове Афоне, мы не то чтобы любовались островом напротив, а просто облизывались на него. Так соблазнительно он выглядел.

«Амульяни — это единственный заселённый остров в Халкидиках. Вокруг него находятся живописные скалистые необитаемые островки Дренья или Гайдуронисья, что переводится как “острова ослов”.

Густые оливковые рощи, покрывающие небольшие холмы Амульяни с давних пор до 1933-го года являлись подворьем афонского Ватопедского монастыря. После малоазиатской катастрофы монахи ушли с острова, а сюда прибыли греческие беженцы — репатрианты с берегов Мраморного моря и основали небольшое поселение в порту острова. Жители Амульяни традиционно занимались рыбной ловлей и имеют значительное рыбацкое оборудование. Амульяни обладает красивейшей природой, живописными бухточками, восхитительными пляжами и кристально чистым морем. Остров идеален для тихого и уединённого отдыха...» — всё это я вычитал про него гораздо позже.

К сожалению, экскурсий из Уранополи туда в ближайшие дни не оказалось, и мы решили пуститься в путь самостоятельно. Поскольку нужно было вначале добраться до деревни Трипити, откуда ежечасно ходили паромы на Амульяни, мы изучили расписание попутных автобусов в Салоники и обратно.

Дорога утренним рейсовым автобусом до деревенского порта заняла минут двадцать. Обратный рейс ожидался ближе к вечеру.

Солнечное штилевое утро сопутствовало нам при получасовом переходе на пароме. Лазурное море простиралось до самого острова. А там — уютные улочки с магазинчиками, кафе и тавернами. Освежившись мороженым, мы двинулись по просёлку вглубь острова. Целью было выйти на пляжный берег, погулять по нему и, возможно, искупаться. Китайский зонтик и козырьки защищали от солнца.

Однако дорога оказалась весьма протяжённой. Слева тянулся заросший колючей травой и соснами крутой откос, падающий прямо в море. Справа — проплывали коттеджи, сады и оливковые рощи.

Наконец мы нашли подходящий спуск и скатились на берег небольшой бухты. Пляжем назвать его язык не поворачивался — так он был замусорен корягами, пластиковыми бутылками и пакетами. Естественно, купаться здесь мы не решились, идти вперёд ещё неведомо сколько в поисках настоящих пляжей — хоть и знали точно, что они есть впереди — заленились. Решили ничего больше не искать на этом острове, а вернуться домой, к нашему родному, можно сказать, пляжу в Ураноли, по которому уже соскучились.

И здесь, на выходе из бухточки, меня ослепило сияние камней на небольшой галечной косе. Серебряный галечник и на камни-то не был похож. Скорее, на какую-то драгоценную руду. На ладонях от них оставались серебряные следы-блёстки, казалось, не слюдяные, а металлические.

В детской моей коллекции был минерал, который назывался «цинковая обманка». Он тоже оставлял «блеск» на руках, только погуще. В память о нём прихватил я, каюсь, с берега Амульяни один из тех «серебряных» камней размером со спичечный коробок.

Паромы ходили каждые полчаса, поэтому мы вышли на шоссе часа на три раньше запланированного автобуса Салоники — Уранополи. И это существенно осложнило наше положение.

Дело в том, что в Греции нет автостопа для туристов-дикарей. Краем уха слышал об этом, но самонадеянность сослужила плохую службу. Поначалу удивлялся: кризис, пенсии сокращаются, деньги у Европы занимают, и что же — ленятся пять или десять евро с дороги поднять? Не верилось в это, но примерно за час ни один автомобиль не остановился на моё призывное махание руками. А пролетело их мимо нас множество. Но мы стойко продолжали голосовать под палящим греческим солнцем. Не шлёпать же по раскалённому асфальту километров пятнадцать.

— До чего же ленивые! — негодовал я, не веря ещё в безысходность ситуации. — Остановиться не желают, чтобы пять евриков поднять...

И вот вынырнула откуда-то и остановилась синяя легковушка. Я было начал рассказывать водителю в окошко, куда нам нужно, мешая греческие и русские слова. Но он махнул рукой, не слушая:

— Катси глигора (Садитесь быстро)...

И мы поехали. По его англо-греческой речи поняли, что они с женой целый час наблюдали из своего домика за нашим голосованием. Пока жена не сказала:

— Пойди, отвези их. Не могу уже смотреть, как люди на солнце жарятся...

При высадке попытался вручить ему пять евро, но он категорически отвёл мои руки. Так что всё завершилось словами «Эвхаристо поли», то есть нашим банальным «Большое спасибо!».

Потом мне объяснили, что за подвоз незнакомцев грек может поплатиться крупным штрафом, если его остановит полиция. А пассажир может запросто оказаться незаконным эмигрантом, что повлечёт большие неприятости для водителя.

Златоглазый Бакс

Первым начинал побудку петух. Он выкатывал своё «кукареку» в четыре тридцать, и оно, не торопясь, добегало до северных и южных границ Ураноу́поли — последнего городка на краю светской Греции перед монашеской республикой Афон.

Ровно в шесть горлинка заглядывала в каминную трубу нашего отельного номера со своим оповещеньем: «Гурл-грлы... Гурл-грлы... Гурл-грлы...»

И только в семь на соседней крыше начинали шелестеть перебежки чёрных дроздов, ныряющих время от времени под черепицу с пучками соломки в клювах.

Таким гулко-прозрачным и должно было быть начало дня на берегу морского залива полуострова Афона.

В Урануполи познакомились мы с чудесной грузинкой Катей, женой владельца большого магазина икон и ювелирных изделий Антонакиса. Она — в прошлом аспирантка-биолог Тбилисского госуниверситета.

Мир тесен, судя по её рассказу. Однажды ночью была гроза, сверкали молнии и гремел гром. Вдруг — стук в дверь.

— Кто там? — спрашиваем.

— Монах с Афона!..

Впустили, уложили переночевать. Утром монах ушёл, заняв двести евро. «Вика отдаст», — сказал...

Стали думать: какая Вика? В Салониках есть одна — дальняя родственница. В Ла́рисе — есть знакомая Вика...

Оказалось, что из Неа Калликратии экскурсовод Вика, паломников сюда привозит...

...Стало быть, моя невестка Вика, жена сына Антонина. А монахом с Афона оказался отчим Вики — Виталий.

Он — незлобивый, даже, можно сказать, по многим статьям — славный парень, если не считать одной слабости... Несколько лет назад сделался паломником, а затем и трудником русского монастыря святого Пантелеймона на Афоне.

«Слабость» его стала отступать перед верой. Но иногда он, видимо, с помощью нечистого добирается до сокровенных подвалов монастырский братии, и тогда его, занемогшего, отправляют с почтой на материк, в Грецию.

По благословению отцов афонских привёз оттуда Виталий чудодейственную икону Пантелеймона-целителя с письмом официальным от монастыря, набранным золотыми буквами.

Однако владыка Сахалина и Курил письмо-благословение не вернул, когда Виталий сунулся к нему за поддержкой. И исцелять иконой страждущих не благословил.

— Ничего, — сказал мне Виталий. — Тосик снял несколько копий с письма отцов афонских на такой случай. Так что нет особых препятствий для благого дела...

Икона действительно необыкновенная. От неё словно бы исходит свечение и веет благостью. Страждущие припадают к ней прямо на дому у Виталия.

Подобную икону видел я только в иконно-ювелирной лавке Антонакиса в Урануполи.

Конечно, при случае сообщил сыну, какими тёплыми словами отозвался Виталий о его предвидении со снятием нескольких копий с письма-благословения.

— Красивые получились копии, сплошное золото, — подтвердил сын. — Да и оригинал — тоже моих рук дело...

Иногда Виталий уезжает с ней на Украину и несёт слово Божье там. Но если всё-таки запивает, то звонит,

где бы ни был, афонским отцам и просит помолиться за него, не устоявшего вновь против своей «слабости».

— Какой слабости, брат? — уточняют с Афона.

— Алкоголизма, будь он неладен... — всхлипывает в мобильник Виталий.

Однако рецидивы «слабости» становятся всё реже, что, безусловно, можно объяснить благотворным влиянием обращения к христианским ценностям.

О том, что пути Господни неисповедимы, напомнила нам история о монахе в грозовую ночь, рассказанная доброй грузинкой Катей. Она же и объяснила, как дойти до границы монашеской республики Афон, присоветовав двинуться в путь пораньше.

Так мы и сделали, выйдя ранним утром на дорожку, напоминавшую собой обычный российский просёлок. Однако справа синело Эгейское море, слева теснились лесистые горы. Тени платанов и сосен защищали местами от солнца, не очень жаркого в эту раннюю пору.

Мы шли прогулочным шагом, наслаждаясь ландшафтным покоем вокруг нас. Слева и чуть выше конечного пункта — пограничной пирамиды, сложенной из камней, раскинулись раскопки, руины и кое-где восстановленные стены древнего монастыря Зигу.

Анюта подошла к пирамиде сфотографировать надписи, и тут же из зарослей палисадника при маленьком сторожевом домике восстал, иначе не скажешь, рослый овчароподобный пёс и уставился на нас жёлтым глазом. Он словно улыбался при этом, показывая довольно крупные клыки.

Но Анюта уже сфоткала надписи на телефон и вернулась обратно. Пёс тут же рухнул в траву и растянулся, отворотив от нас морду. Однако одно ухо торчало в траве, будто перископ субмарины.

— Интересно, — пробормотал я и тоже пошёл поглазеть на камни пирамиды с обратной стороны. В палисаднике при этом ни травинки не шелохнулось.

Но только я позвал Анюту, и она двинулась ко мне, как вновь из травы восстал и загорелся жёлтый глаз. Второго, как ни всматривался, обнаружить не удалось. Да и ошейника с цепью тоже. Зато донеслось негромкое предупреждающее рычание. Оно смолкло, едва мы повернулись к морю. И вновь в зарослях возле домика — тишь да гладь.

Такое поведение непривязанного пса, алгоритм его возникновений нужно было осмыслить.

Неподалёку от пограничной каменной пирамиды стояла широкая крепкая скамья, чтобы можно было путнику отдохнуть в тени деревьев, поразмыслить о вечном. Это оказалось кстати.

Но лишь мы присели, под скамьёй начались какие-то шорохи, и оттуда вылезла вислоухая собака. Она встала перед нами, повиливая хвостом и заглядывая в глаза.

— Вот-те на! Какая миляга... — удивились мы. — Что она тут делает? Мышкует, может? Да вроде на лайку не похожа, скорее, на сеттера...

Из домика-сторожки вышел, потягиваясь, худощавый человек в цивильной одёжке: шортах и майке. Стало быть, не пограничник, а просто сторож — решили мы.

— Элазо́, ку́кля!.. — позвал он собаку.

«Иди сюда, красавица!» — поняли мы.

— Не попрошайничай! — прикрикнул он по-русски, видимо, давая нам понять, что с ним можно общаться по-свойски.

— Ясас! — поздоровался теперь уже с нами. — Доброе утро!..

— Доброе утро! — хором отозвались мы, испытывая некоторое облегчение оттого, что встретился человек, понимающий нас.

— Из каких вы мест, если не секрет? — спросил я первое, что пришло на ум.

— Из Таганрога. Около тридцати лет уже как оттуда. Советский, можно сказать, человек. И язык не забыл.

Ведь русский — язык моего детства и юности. «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы — пионэры, дети рабочих», — пропел он, почти не исказив текста. — Самые дорогие воспоминания — о пионерском лагере. Третий отряд, закадычные друзья, девочка одна конопатая из-под Ростова. Всё помню, ничего не забыл...

— А здесь на границе служите? — осторожно поинтересовался я, страшась выведать ненароком какую-нибудь государственную тайну Греческой республики.

— Да нет, живу я в городе. А здесь брата двоюродного подменяю вторую неделю. Он в Янину, в город жениха дочери поехал свадьбу готовить...

— А вот собачка у вас без привязи — не кусается? — добавил я немного игривости в свой вопрос.

— Одноглазый, что ли? Свирепый пёс... Бакс! — позвал он. — Иди, поешь, лапши я тебе поставил. И ты, задержанная, — это нашей подскамейной собаке — тоже стройся на завтрак! Биштеки-сувлаки нам только к вечеру доставят... Остатки дневного меню из нашей таверны племянник на мотороллере привозит...

Удивительно, но акцент в его речах совсем не чувствовался. Разве только интонационные ударения смещались иногда на последние слоги.

— Бакс — служака опытный. Мимо него ни одна особа женского пола не прошмыгнёт на Афон. А вот эта, — он махнул в сторону собаки, вылезшей из-под нашей скамьи, — эта пыталась несколько раз проскочить через границу. Но Бакса не проведёшь, Бакс всегда начеку, и глаз у него, хоть один, да золотой...

Пёс среагировал на имя и приподнял голову, оценивая ситуацию своим золотым глазом. Но, не обнаружив ничего нового, вновь погрузился в травы.

— Сколько лет он здесь обитает, не помнит уже никто. Как будто всегда здесь был, при монастыре, когда ещё руины только раскапывали.

Местные-то власти недавно в виде исключения разрешили доступ в Зигу всем желающим, включая женщин. Монастырь ведь на сорок метров отстоит от официальной границы Афона, которую женщинам запрещено переступать. Запрет этот называется аватон. А до Урануполи, откуда начинают путь на Афон паломники, отсюда всего два километра.

Хозяин этой сучки оттуда и убыл на пароме дней десять назад, откуда с ней пришёл — не знаем никто. Она у причала дней пять, говорят, пролежала, ждала его. Потом помчалась берегом в сторону Святой Горы. Но тут Бакс её перехватил, он все тропки знает, у него не забалуешь. Место ей определил под скамьёй. Закон есть закон...

А она, как только слышит: паром оттуда идёт, в город на причал убегает. Потом возвращается сюда под скамью. Мы-то с Баксом её хоть подкармливаем. Пока хозяин трудником где-нибудь в афонском монастыре пребывает, грехи свои замаливает. Может, и этот грех, что бросил её, никуда не пристроенную, тоже отмолит...

— Надо же, какая драма развернулась...

— Да это что, какая там драма... Вот в прошлом году девица с друзьями, переодетая в парня, пыталась пройти на Афон. Так Бакс её с тропы снял и сюда на скамью отконвоировал. Истерика была, еле отпоили водой. За проникновение в республику Афон женщине по закону год тюрьмы полагается. Потом до неё дошло, что Бакса с его нюхом и глазом золотым благодарить ей нужно...

Мы притихли, слушая его рассказ. Потом уже прочитал я об истории возникновения запрета для женщин и вообще — всех особей женского пола. Кто-то говорил, правда, что для кур сделано исключение: свежие яйца в непостные дни — совсем не лишний продукт в монашеской диете.

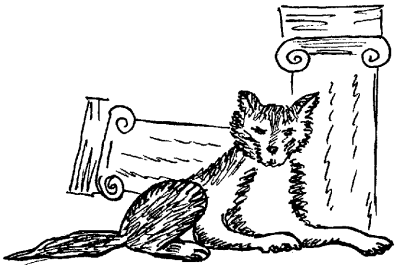
По легенде: «Пресвятая Богородица и евангелист Иоанн отправились в морское путешествие, но попали в

шторм в пути и сбились с курса, в конце концов, пристав к подножию горы Афон, в том месте, где теперь расположен Иверский монастырь. Пораженная красотой этих мест, Матерь Божия попросила Господа сделать Святую гору Её земным уделом. По завету Матери Божией, ни одна женщина, кроме Неё, не может ступить на землю Афона. В 1045-м году при византийском императоре Константине IX Мономахе был принят устав для афонитов, официально запрещавший женщинам и даже домашним животным женского пола находиться на территории Святой горы...»

Мы помолчали на дорожку. Потом, пожелав здоровья, попрощались и двинулись в обратный путь, ловя тенёчек, — ведь солнце стало уже почти полуденным.

— Ясас, ясас! — помахал нам, прощаясь, славный наш собеседник, исполняющий обязанности пограничника.

Златоглазый даже ухом не повёл на нас уходящих. Так закончилось это короткое путешествие на границу монашеской республики. Туда, где начинается аватон.



На заливе Мирабелло

В июне 2008-го года полетели мы на греческий остров Крит. Аэропорт Ираклиона приятно удивил тем, что носит имя писателя Никоса Казандзакиса, автора романа «Грек Зорба», по которому был снят голливудский фильм, откуда и выпорхнул знаменитый танец сиртаки.

То, что греческая церковь предала его анафеме за роман «Последнее искушение» и запретила потом хоронить его в пределах городских стен Ираклиона, мы узнали позже. Как и то, что в итоге светская власть похоронила его в самой высокой точке города, на крепостном бастионе, и могила писателя оказалась выше куполов всех городских соборов.

Мы ещё мало что знали о Крите. Поразительные образцы русской прозы девятнадцатого века Константина Леонтьева под названием «Очерки Крита» ещё не были нами открыты.

Поселились мы в самой восточной части Крита, возле рыбацкой деревни Элунды на берегу залива Мирабелло. Ближайший город назывался Агиос Николаос — город Святого Николая.

Залив соединялся с морем не очень широким проливом и был похож на гигантский бассейн — такая бескрайняя тишина царила в нём. И даже ранним утром, когда в море выходили бесшумные рыбацкие лодки. С возвышенья, на котором стоял наш отель, жизнь залива была как на ладони. Похожий на крепость остров Спиналонга в проливе оказался бывшим лепрозорием.

Экскурсия на него вызвала противоречивые чувства. Конечно, для обитателей его этот живописный залив был тюрьмой. Мы ходили по узким улочкам с двухэтажными домами, и удивительный гид наш рассказывал его историю. Спиналонга не всегда был островом. Этот остаток суши — часть полуострова, на котором стоял город Олус, затонувший во время землетрясения во втором веке до нашей эры.

Через сотни лет, во времена венецианского правления здесь была построена крепость. А ещё позже Спиналонга стала последним прибежищем для больных проказой: попав сюда, люди уже никогда не возвращались в родные места. Здесь они работали, дружили, ссорились, создавали семьи — жили и умирали. Но если вдруг рождался здоровый ребёнок, то его вывозили в сиротский приют на Крите.

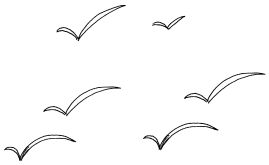
Остров был отрезан от большого мира и замкнут. Все вещи стерилизовались. Продукты и вода привозились. Врытые в землю гигантские баки предназначены были для сбора дождевой воды. На кладбище — плиты с именами погребённых. Мы расхаживали по безлюдному городку, и казалось, что так явственно срез истории к нам ещё не приближался. И это было только началом Крита.

Сердцевиной путешествий по острову для нас, пожалуй, стала экскурсия в Кносский дворец, где у входа в парк, на дереве вскрикивал павлин. Гортанный крик его казался необыкновенным. Случалось видеть в зоопарках, как павлин распускает хвост, но вот крика его слышать не доводилось.

Лабиринт Минотавра, мифы, легенды в самом сердце минойской культуры — первой европейской цивилизации...

Словом, мы были уже подготовлены к тому, чтобы воспринимать дальнейшие путешествия по Криту. Горное плато Лассити, по которому ехали мы к пещере Зевса, представили нам как житницу острова.

На тропе, перед подъёмом в пещеру, несколько погонщиков со своими ослами отдыхали в ожидании туристов, желающих доехать, а не дойти своими ногами до пещеры.



О, Дедал!

– What is you name? – прозвучал вопрос в тот момент, когда хозяин ослицы подсаживал очередную путешественницу в седло.

– Яннис, – отозвался маленький темнокудрый грек. Большинство греков, зарабатывающих на туристах, хоть немного да владеют английским.

– It's Katerina, – он похлопал по тугому серому боку свою кормилицу, иначе о ней и не скажешь. Ведь каждое восхождение к пещере Зевса стоит для пассажира двадцать евро.

Деньги берёт хозяин – Яннис, и больше никакого участия в деле он не принимает. Всё остальное делает она, Катерина. Хотя работа и не очень тяжёлая – минут пятнадцать галсами, вверх по тропе. Затем ещё с полчаса ожидания на площадке, плотно укрытой деревьями. И – назад, под гору.

«Как она похожа на меня! Крупная, белая... Что-то очень знакомое проступает в ней... – подумала Катерина, начиная движение на подъём. – Если бы я точно не знала, что никому из нас не дано прожить человеческую жизнь, то решила бы, что она – одна из нас, ослиц...»

Из-за крупных габаритов Катерину иногда принимают за мула. Но она всегда, сколько себя помнит, была ослицей. И всегда жила на Крите. Не все жизни, правда, в этой горной долине – Лассити. Иногда её заноси-

ло на западную, лесистую сторону острова, иногда — на восточную, более пустынную.

Однако всегда, вот уже несколько тысячелетий, она остаётся ослицей. В отличие от ослов, которые после смерти и нового рождения могут принимать иные обличья. Так распорядилась природа. Поэтому ослы понимают языки других существ, а ослицы — только человеческий.

Один из её приятелей рассказывал, какая счастливая жизнь у него была, когда однажды он родился крокодилом. Как сладко дремалось в тёплой нильской водице, текущей, журча и переливаясь, через спину, в никуда, как сама жизнь. И пища в той жизни доставалась легко, как ни в какой другой... Ослам же часто приходится крепко потрудиться, чтобы заработать себе пропитание.

Другой жаловался на тоску по привычной ослиной жизни, когда ему случилось коротать свой век в глубокой тёмной пещере, родившись летучей мышью.

«Странно, что люди так похожи на нас. Ведь между нами столько различий, — подумала Катерина, неторопливо поднимаясь по тропе. — Мы понимаем их язык, мы умеем читать их мысли, а они — нет. Наконец, мы способны размышлять в отличие от них. Они же могут только отдавать команды, резкие, как хлопки кнута. Возможно, это потому, что у них нет исторической памяти, и собственный краткий век представляется им вечностью...»

В самом деле, когда Минос вызвал из Афин мастера Дедала, чтобы тот, как бы сейчас сказали, реконструировал его дворец, Катерина в очередной раз была юной и стройной ослицей. Дедал сразу покорил её сердце. Когда он говорил — всё слушалось его жестов, всё двигалось в нужном ему направлении, всё становилось на свои места.

Поначалу её не впрягали в повозку возить камни для стройки. Она ходила лишь под вьючной поклажей с пристани и на пристань: сыр, бурдюки с вином и маслом, тюки с хлопком...

В те времена корабли поднимались по реке к самому городу и дворцу Миноса.

То, что Дедал изготовил для распутницы Пасифаи, жены царя, деревянную куклу коровы и обшил её свежесодранной шкурой первотёлки, — ни для кого не было секретом. Когда «корову» с Пасифаей внутри выкатили на луг, бык-альбинос не сразу понял, чего от него хотят. Но, разобравшись, раскатывал верхом на ней по всему лугу, и никак не мог оторваться и спрыгнуть с неё, как ребёнок с самоката.

Все знали об этом. Но царь на доклады о Пасифае лишь досадливо морщился и крутил пальцем у виска:

— Пусть забавляется...

Когда же Пасифая родила полубыка-получеловека и об этом тоже доложили Миносу, тот повелел Дедалу выстроить лабиринт, куда и засадил незаконнорождённого Минотавра.

А Катерина, которая тогда была, конечно, не Катериной, а просто юной ослицей, всегда волновалась, заслышав голос Дедала, словно имел он над нею какую-то странную власть.

Скоро и её стали впрягать в повозку для доставки камней из карьера. К тому времени она превратилась в статную, с размашистым ходом ослицу. И если бы ослов не держали от них отдельно, то её красота доставила бы ей немало беспокойства.

Икар же, сын Дедала, смешливый непоседа, готовый расхохотаться, хоть копыто ему покажи, — нисколько не волновал её.

Она чувствовала, что и Дедал к ней неравнодушен. Иначе, отчего бы из четырёх десятков ослиц, работавших на стройке, его рука, не дотягиваясь до холки, неизменно выбирала тёплую Катеринину шею, чтобы нежно потрепать или просто погладить её.

Однажды она просто замерла от блаженства, когда, зайдя в хлев посмотреть, всем ли хватает сена в кор-

мушках, он погладил её по крупу, привстав на цыпочки, и пробормотал в самое ухо:

— Ты слишком хороша для меня...

И ушёл в грозовую ночь.

Она и сама понимала, что слишком крупна и высока для него, а унизить себя деревянной подставкой он не мог.

О том, что такие обстоятельства называются платоническими, она узнала гораздо позже, примерно тысячу лет спустя, от того самого осла, который одну из предыдущих жизней прожил в глубокой пещере, появившись на свет в облике летучей мыши.

Потом случилось невероятное. Царь объявил, что Дедал останется со своим сыном у него на веки вечные, и что он никогда не отпустит его с Крита. Когда же прибежали к нему сообщить, что Дедал с сыном на кораблекелете вышел в открытое море, Минос топнул ногой:

— Послать за ними самую быстроходную пентеконтеру с лучшими гребцами, вернуть их!

Гребцы попрыгали на места, похватав вёсла, и судно помчалось вдогонку.

Вот тут и случилось невероятное: над судёнышком Дедала с Икаром вздулся парус, сшитый из перьев разных птиц. А по бортам расправились ещё два — поменьше, похожие на крылья.

— Правь на солнце! — крикнул Дедал сыну, стоявшему у руля.

И они полетели. Прямо на солнце, которое уже клонилось к морю, в сторону Афин...

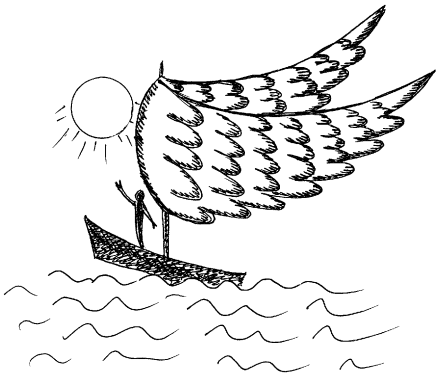
Нескоро тело бедного Икара волны выкатили на берег. Видно, он в какой-то момент не справился с порывом ветра и сорвался в воду. И Дедал, судя по всему, один улетел на своём парусе...

«О, Дедал! — вздохнула Катерина. — Столько времени прошло, а ты вспоминаешься снова и снова, в каждой новой жизни.

Может, и к лучшему, что никому из ослов и ослиц не дано проживать человеческую жизнь. Как бы нам

тогда помнить, кто мы есть на самом деле? Что мы хранители ослиной породы, нашедшие временные пристанища в этих жалких созданиях, похожих на гигантских муравьёв. Даже Яннису, лучшему из них, тщедушному малорослику, хватило бы пинка в полкопыта, чтоб он улетел за облака. Конечно, Яннис бывает грубым и несправедливым. Однако нет никого его нежнее, когда он в добром расположении духа. Тогда он так похож на Дедала... О Дедал! Да, любой из них был бы жалок, если бы не удивительное качество, которое можно назвать "очарованием власти". Именно так — очарование власти. В этом всё дело. Это их роднит между собой, но и разделяет с нами...»

Пассажирка наконец вернулась из пещеры Зевса, где по легенде родился главный языческий бог греков. Хозяин вновь подсадил её в седло, и Катерина пошла вниз по тропе своим выверенным тысячелетиями шагом, и скоро все они оказались там, где встретились впервые всего час тому назад.



Прогулка на Санторини

Эта экскурсия — единственная морская из Критского моря в Эгейское — привлекла нас не обещанной экзотикой вулканического острова. С этим всё было понятно и заочное представление о нём полностью подтвердилось: на отвесных горах белая, раскалённая короста селений с узкими крутыми улочками и коробочками домов-келий, в которых не то что жить — дышать долго невозможно.

И даже не тем, что акватория, прилегающая к острову и похожая на гигантский затопленный кратер вулкана, многими историками определена как место гибели легендарной Атлантиды. Больше всего нас привлекла возможность прогулки на большом комфортабельном корабле по южному морю.

Впечатления от самого острова оказались весьма противоречивыми. Всё оказалось чрезвычайно дорого, вода на острове привозная. Словом, искусственно созданное для туристов «царство» с лавиной сувениров. Греков-купцов немного, в основном это немцы, которые чувствуют себя на островах так же уверенно, как где-нибудь в Аргентине или в Парагвае. И если вы хотите хотя бы минимальной греческой этнографии, то Санторини не для вас. Тем более, что рискуете нарваться на дискриминационный демарш, как это случилось в конце июня с нами, при попытке купить пакетик с изю-

мом в одном из магазинчиков городка Ия, чуть выше автобусной стоянки и площади.

Хозяин, седоватый, плотный немец, похожий на Швейка с обложки нашего издания, призывно квохчущий над своими орешками-фисташками, при попытке расплатиться выхватил изюм из рук и бросил его на прежнее место со словом «пульман», показывая рукой куда-то вдоль улицы.

— Что за «пульман»? — ошалев от жары, соображали мы. Может, это брат его, у которого изюма больше, и он отсылает нас к нему?

— Нет, — догадалась жена. — Ты просто не в ту кассу пошёл платить. Видишь, пакетик ближе ко второй кассе...

Но «Швейк» был начеку, и при второй попытке расплатиться за изюм в другой кассе, выскочил откуда-то сбоку, выхватил снова пакетик из рук, крикнув что-то гречанке на кассе, и опять послал нас к «пульману».

— Зачем он так делает? — спросили мы продавщицу по-гречески.

— Зэн ксеро, — ответила она. — Не знаю...

Что ж, мы пошли в соседний магазинчик, купили изюм и по дороге всё поняли: обыкновенный немецкий шизофреник... А может, у него дедушку на Восточном фронте когда-то убили... Может, сам фашист...

Но возвращаться к нему с сообщением, что «Гитлер — капут», или в связи со вчерашней победой испанцев над немцами в финале еврофутбола крикнуть: «вива Эспанья» — сил уже не было. Да и моё поколение — это совсем уже не то, которое когда-то надавало немчуре и разным бандерам по шеям. Моё поколение — это не отцы-удальцы и тем более не деды-кавалеристы...

Немецкая экспансия в греческом турсервисе заметна на Корфу, на Крите, но особенно — на Санторини.

Экскурсия по острову на автобусе интересной не показалась. Сплошные сувенирные лавки с одинаковым набором товаров. Скучно и утомительно. Разнообразил

день только фуникулёр, который за небольшую плату в три минуты доставил нас с горы к причалу.

Однако если вы дружите с морской болезнью, то Санторини опять же не для вас: погрузка пассажиров на корабль проводится катером на рейде, так что двадцать минут хорошей болтанки на волнах всегда неспокойного и ветреного на юге Эгейского моря — обеспечено.

Одним словом, вертелось на языке: «день пропал». А если учесть ещё и подъём в четыре ночи...

И всё-таки четырёхчасовое возвращение на «Голден Принце», — на большом корабле — «мига́ло кора́ви», говоря по-гречески, — скрасило разочарование от экскурсии, которая и затевалась-то нами, повторю, ради морской прогулки на большом корабле.

«Дома», на Крите, знакомая продавщица-финка в мини-маркете отеля перевела нам «пульман» как «автобус». Стало быть, посылал нас «Швейк» в автобус, домой. Что-то вроде международного: «янки, go home».

Так что смотрится Санторини лучше всего — на открытках.

Маленькая площадь с фонтаном в центре Ираклиона, где мы перекусывали, запомнилась ещё и тем, что хозяин таверны, показав мне большой палец, произнёс значительно: «Аршавин». Проходил чемпионат Европы по футболу, и на мне была майка, подаренная сыном, где по-гречески — синим по белому — красовалось: «Греция — чемпион». Речь шла о прошлом чемпионате. И хозяин, после произнесённого «Аршавин», поднёс нам по стаканчику ракии — виноградного самогона, как болельщик — болельщикам, надо полагать.

Всё, что увиделось в наших путешествиях по Криту, так и осталось в единственном числе, нигде больше не повторившись. И краснозёмы центрального Крита, и необыкновенно розовые на закате горы восточного берега...

Побывали мы и на южной стороне острова — в бухте деревни Ма́тала. Я всматривался в морскую даль, и казалось, что вдалеке различаю Африку, очертанья ливийских гор.

Народные сказы гида Анны

Экскурсовод Анна присоединилась к нашему автобусу в Салониках, у храма святого апостола Павла. Маршрут экскурсии должен был пролегать по местам и селениям, где в первом столетии от рождества Христова скитался и проповедовал этот святой.

— Дорогие мои, — со страстью обратилась экскурсовод Анна к нам, туристам-паломникам в автобусе. Чёрная, как воронье крыло, выглядела она, пожалуй, старше своих лет — дородной матроной. «Понтийка...» — решил я, но позже водитель автобуса, сам понтиец, опроверг моё предположение.

— Какая понтийка! Грузинская какая-нибудь, скорее...

Слух «поперхнулся» первым же сообщением от гида Анны о рождении и житии апостола Павла.

— Дорогие мои! Родился он в махровой иудейской семье... И сам был иудеем по имени Савл.

Дальше пуще: «Фарисеи подняли маленькую оранжевую революцию. Они не поняли, что он говорил не о земном боге, а о небесном... Фарисеи и Римская католическая церковь преследовали его... И злобные иудеи... Но он продолжал хотеть жить... Славяне вместе с Грецией, с великой Византией — непобедимы... Хотя сербы до того, как стали славянами, были коварным и хитрым народом, делали набеги и подбирались к богат-

ствам Греции... Ещё князь Святослав говорил, спускаясь по Дунаю, что Греция — это святая земля...»

Всё это перемежалось время от времени вскриком: «Дорогие мои!» Мне было весело. Однако Анюта наливалась яростью, как закипающий чайник.

— Да это же жанр народного сказа! — успокаивал я её. — У нас дома даже книга есть со сказами о Суворове и Петре Первом. А здесь мы с тобой очевидцы такого творческого процесса...

Вот, к примеру, сказ, в котором Пётр I воюет со шведским королём.

«А в ту пору шведский царь Карла своим войском с войной шёл на нас. Вот царь Пётр собрал войско, и к этому времени пушки и сабли с Урала подоспели. Пётр сам сел на коня и повёл свои войска на шведов. И как начали наши войска из пушек палить да саблями рубить! Утром начали, а к вечеру дотла всех решили. Вот оно, как дело-то было».

Здесь же народный сказ под названием: «Дедушка Суворов в Альпах»:

«Раз как-то в Альпийском походе, когда наши подступили к “заоблачной” горе и не могли взобраться по ледяным откосам, дедушка видел, что это работа хитрого чёрта, условившегося помогать французам за сто душ наших пленных, приказал своим солдатам прочитать молитву да осениться крестным знамением — и чары разрушились сами собою, и батальоны наши бодро полезли на снежные вершины и выбили врага из непроходимых дебрей...

При переходе через знаменитый Чёртов мост чёрт употребил все свои усилия, чтобы не пустить православных воинов. Он то скрывал от взора наших солдат края провала, затемняя их каким-то адским дымом, то рушил с грохотом переброшенные нами мостины, то засыпал наших громадными снежными лавинами, то наводил на наших французские ружья и пушки — и наоборот отводил наши от врага. Дедушка Суворов и тут помог своим.

Он отслужил молебен, осенил тьму крестным благословением и, окропив ущелье святой водою, уничтожил чары дьявола, крестом рассеял тьму, отвёл неприятельское огневое оружие и приказал сделать неразрушимый мост из брёвен, перевязав их шарфами офицеров и солдат, павших в сражении, так как эти вещи, снятые с пострадавших за веру, имели чудесную силу, которая скрепила мосты лучше железных болтов...»

Но вот пример этого жанра в творчестве одного из сегодняшних пропагандистов:

«Горный массив, связанный в русском сознании с именем великого полководца находится в центре Европы. Патриарх Московский и всея Руси Алексий вручил в нашем посольстве в Берне памятные грамоты швейцарцам, хранящим память о тех славных днях. Там, в Швецарии, и сейчас помнят суворовских чудо-богатырей, погибших во время героического перехода армии через Альпы в 1799-м году... Конечно, приятно, что помнят наших ребят, полегших среди чужих холодных скал, но никак не отделаться мне от простого вопроса: зачем русские солдаты оказались в далёких швейцарских Альпах? Почему образец мудрости и здравого смысла Суворов завёл свою армию в такие дебри, откуда выходить пришлось, совершая самые неимоверные подвиги?

И действительно, почему? Вы, наверное, уже догадались, что и в этой героической истории не обошлось без наших доблестных “союзников”. Именно благодаря их предательству и коварству пришлось Александру Васильевичу Суворову на старости лет вместе со всем войском переквалифицироваться в альпинисты...

На другом конце Европы и по сию пору находится относительно небольшое государство, у которого нашим правителям стоило поучиться умению выбирать себе “союзников” и направлять их деятельность в нужное для себя русло. “У Британии нет постоянных друзей, у неё есть постоянные интересы”, — говорил один из великих руководителей этой враждебной России державы».

Стало быть, «хитрый чёрт», помогавший против нас — союзников — своим извечным врагам французам — Британия. Вот и весь сказ... Однако вопроса, какой-такой «чёрт» погнал наших ребят умирать среди «чужих холодных скал», пропагандист не касается. Видимо, это не входит в круг его пропагандистской задачи.

Жаль, что Анюта не очень восприимчива к такому виду творчества и не разделила моего удовольствия. А мне лично нравится этот жанр, где метафоричность речи и страстность проповедника важнее ссылки на документ.

Конечно, во всём этом «растворяется» серьёзность излагаемой темы, но зато всем весело. Наш гид Анна настолько самозабвенно предавалась созданию своих «сказов», что в конце экскурсии выглядела физически измождённой и опустошённой, но с «чувством выполненного долга» на лице.

Приборчик

Собакам Салоник
посвящается

Если вы бывали в греческих Салониках, то наверняка заметили, как этот город похож на Париж. Своими живописными улочками, платанами и кипарисами, архитектоникой маленьких площадей, а главное — общительностью местных жителей, атмосферой непринуждённости и комфортом.

Ты не умрёшь здесь от голода. То есть не будешь метаться по городу в поисках еды, если у тебя есть хоть немного денег. А то ведь я знавал много других городов, где можно было набить кровавые мозоли на ногах, но не добыть себе пищи даже при полном кошельке.

Когда-то штукатур Юра Алексиадис, греческий политэмигрант в Ташкенте, говорил мне, юному маляру:

— Ваш Ленинград отдыхает по сравнению с нашими Салониками...

На тот момент он являлся лицом без гражданства и в Ленинграде не бывал. Но много слышал о нём хорошего.

Если честно, то я тоже не бывал в Париже, и все мои рассуждения о нём носят умозрительный характер.

И всё-таки, мне кажется, что Салоники — это греческий Париж. Здесь есть даже свой Монмартр, только называется он «Кастра», что означает — «крепость».

И ещё. Париж, как известно, без моря. А здесь оно есть. Славное Эгейское море. И ещё — грозы, которые в июне скатываются с ливнями и градом с Балканских гор.

Ещё я уверен, что в Париже тоже есть такие уличные псы, как здесь. Неторопливые, вальяжные, с непоколебимым достоинством переходящие улицу в неположенном месте. Совсем как греки. Кажется, что они копируют походку и движения жителей близлежащих домов, когда те выходят на уличный рынок или в магазины.

Такое впечатление, что у этих и у тех никогда не было хозяев, и они не знают, что такое настоящий поводок.

Нет, есть, конечно, собачки, которых выводят погулять, но они совсем другие. Словно из параллельного мира. Совсем не такие, о которых я начал рассказывать.

Один из них, не очень рослый, с большими спаниэлевыми ушами, владел, как я понял, небольшой территорией вправо и влево от балкона маленького отеля, куда я выходил время от времени полюбоваться городом.

Ещё два «двортерьера»: один — битюг, смутно напоминающий кавказскую овчарку, другой, судя по хвосту, ведущий «родословную» от лайки, — видимо, помогали ему следить за порядком на помеченной территории.

Что Ушастый здесь главный, — это я понял сразу. Когда он, отлежав бока на одной стороне улицы, вставал и переходил на другую, они тоже поднимались и шли следом.

Лежать он укладывался прямо на дороге, вытянув лапы и морду так, что шины автомобилей проносились всего в полуметре от его носа. Товарищи же падали на метр-полтора ближе к бордюру.

Если другие псы, спешащие по своим делам, проходили через их владения, — эти трое вставали и, приветливо помахивая хвостами, провожали их до ближайшего перекрёстка.

Когда ещё один, незнакомый мне прежде, светлый с подпалинами «битюг» проходил по улице под моим второэтажным балконом, наш Ушастый поднялся, и они, потыкавшись носами друг в друга, постояли

вдвоём у фонарного столба. Я сам видел, как они о чём-то разговаривали.

Затем «битюг» пометил фонарь и вразвалочку двинулся дальше. Наши трое не стали его провожать. Возможно, тот был сборщиком каких-нибудь виртуальных налогов...

Когда из соседнего дома гречанка средних лет вывела на поводке болонку с рыжеватым отливом, тявкающую, не переставая, противнейшим голосом, все трое встали и пошли её кадрить.

— Чем же может привлекать эта писклявая пигалица таких атлетически сложенных кобелей? — недоумевал я.

Хозяйка выходила из себя. Плескалась в них водой из бутылки, видимо, специально прихваченной для этого. Но они шли за болонкой неотступно, повиливая хвостами, не предпринимая, впрочем, никаких активных действий. И пёсье достоинство Ушастого мирно покачивалось при ходьбе в такт всем трём хвостам. Проводив болонку до перекрёстка, компания разворачивалась и шла назад.

— Ничего хорошего в жизни собачьей, — подумал я. — Валяйся на голом асфальте, прогуливайся на одном и том же месте... Да ещё и личная жизнь какая-то неопределённая...

Одно утешало: собаки в Салониках явно не голодали. И я догадывался почему. Порции в тавернах подавали невероятно большие. Одной бризолы — отбивной на косточке — хватило бы на троих. А ещё: сувлаки, судзукаки, биштеки — шашлычки и котлетки — всё несъедаемое вываливалось собакам. Кроме того, при подготовке мясных блюд выбирались и выбрасывались помимо костей все сухожилия, шкурки, то есть всё то, что в наших столовых и ресторанах мы получаем в виде фарша в разных блюдах.

«Жизнь, конечно, сытная. И всё же, как тоскливо валяться на асфальте целыми днями: пыль, вонь от жжёной резины... Но, может быть, кому-то из них пове-

зёт в будущей жизни, и он будет стоять на этом балконе, любоваться городом, как сегодня любуюсь я?» — подумалось вдруг на индусский манер.

Занятная идея пришла мне в голову на второй день разглядывания собачьей жизни. Дело в том, что год назад в Москве, в центральном павильоне ВДНХ купил я с лотка у пожилого человека в роговых очках странный прибор, который назывался — «отпугиватель собак».

Приборчик умещался на половине ладони и питался от батарейки «Крона». Стоил он недёшево — тысячу рублей. Но жена моя панически боится собак, особенно сельских, полудиких, которые стаями носятся у нас во всех прогулочных местах.

Поэтому я купил приборчик, попутно спросив, кто изготовитель и какова дальность действия.

— Это конструкция ребят из бывшего НИИ Минобороны. Они чего только не придумывают с девяностых годов, чтобы прокормить свои семьи. Нажимаете вот эту кнопку, и, пока горит зелёный огонёк, прибор работает. Дальность — двадцать пять-тридцать метров. В зависимости от ландшафта...

— И как же ведут себя собаки, которых он отпугивает?

— Я сам не пробовал, но, говорят, что они просто уходят подальше... Какие-то ультразвуковые волны прибор создаёт...

Словом, приобретение своё забросил я в рюкзак, и благополучно забыл про него. Обнаружил и вспомнил, что это такое, почти через год, по дороге в Грецию. Так он и пролежал в рюкзаке не опробованный. Теперь, при наличии отпускного времени стало больше возможностей для удовлетворения праздного любопытства.

Неподалёку от Салоник, в городке, где живёт мой сын с семьёй, у них есть огромный сторожевой пёс по кличке Тигрис. Но не с ним же портить отношения.

Таким образом, выбор мой пал на Ушастого, который дремал с друзьями недалеко от моего балкона, в полуметре от пролетающих машин. Наведя на него глазок при-

бора, я нажал кнопку. Загорелся зелёный огонёк. Ушастый поднял одно ухо, но второе висело по-прежнему.

И вдруг я услышал хрипловатый голос:

— Что это он всё время пялится на меня? Вчера пялился, сегодня... Уж не хочет ли накинуть поводок мне на шею? Если так, то плохо он нас знает. Недавно один такой подошёл с ошейником. «Я, — говорит, — сделаю из тебя охотника...» Так громила Чик только повёл в его сторону клыками и улыбнулся — как он сразу испарился...

Признаться, я не сразу понял, что за голос слышу, и о чём идёт речь. Лишь когда погас огонёк на приборчике, и голос пропал, — стал анализировать ситуацию: «Неужели прибор читает собачьи мысли да ещё при этом и переводит их сразу на русский язык? Но ведь это невероятно...»

Тем не менее, похоже, что дело обстояло именно так. Слышал я от знающих людей, что учёные ребята из НИИ Минобороны горазды на всякие выверты. Но — чтоб такое?!

Однако, сказав «а», нужно было говорить и «б». И я снова направил прибор в сторону Ушастого.

— Сам по себе ошейник — вещь неплохая. Даже дисциплинирует и прибавляет ответственности. Но часто к нему прилагается поводок. А это уже неволя и окончательная потеря авторитета...

Чем это он в меня всё время целится? Надеюсь, не собирается стрельнуть какой-нибудь гадостью... Хорошо, что мой дружище громила Чик всегда рядом. Эй, Чик, посмотри-ка на того бесхвостого придурка. Как ты думаешь, зачем он всё время пялится на нас?

— В этом доме они всегда какие-то ненормальные, и запахи от них идут, хоть нос затыкай. Если он затеет чем-нибудь бросить в нас или облить «колой», то я ему, будь спокоен, все икры выдеру, когда он выйдет на кормёжку, как обычно.

— Смотрите-ка! Второй день только, как он над нами маячит, а столько уже от него беспокойства, — подключился третий голос, и я понял, что принадлежит он третьему из приятелей, у которого от предков остался только хвост колечком.

— Ладно. Ничего плохого он пока нам не делает. Поэтому спим дальше. Надо всем набраться сил перед ночными гонками в горах за Кастра...

На этом зелёный огонёк погас, и голоса пропали. «Ну и ну. Как же теперь с таким знанием жить? И не расскажешь никому — затаскают, как с тридцать третьим зубом героя Евгения Леонова в одноимённом фильме...»

На следующий день псы залегли дремать в той же позиции, но на другой стороне улицы. Хотя мне и было не по себе после вчерашней угрозы громилы Чика, но я решил вновь направить на Ушастого «отпугиватель».

— Хорошо-то как, Господи! — послышалось почти сразу. — И этот дивный запах разогретой резины от шин... Всё бы отдал за то, чтобы вот так — лежать и лежать, вдыхать и вдыхать, чтобы перед глазами вырастали каучуковые рощи с тенистыми кронами... И шорох шин напоминал журчание ручья в жаркий день...

Ну вот — бесхвостый опять вышел и пялится. Представляю, как несладко ему живётся: запахи шин до него не долетают, бегать по ночным горам он не умеет. Одна радость — подкрасться к кому-нибудь с поводком и ошейником. Жаль бесхвостого. Хотя, конечно, может, и повезёт ему в будущей жизни, и он появится на белый свет с хвостом и шерстью...

В это время болонка, подвизгивая и подлаивая, возвращалась с очередной прогулки.

— До чего же ангельский голосок у нашей Зюзи! И какой славный роман мы с ней «замутили» весной в окрестностях Кастра, когда она исхитрилась выскользнуть из ошейника. Правда, расцепляли нас через двое суток ледяной водой из шланга. Ещё и по бокам хлестали поводком. Но всё равно — есть, что вспомнить...

Громиле Чику она совсем не нравится, да и Лайкусу тоже. Но они настоящие товарищи, всегда провожают её со мной.

О Господи! Продли мне эту жизнь, насколько возможно! С запахом горячей резины и с ангельским голоском Зюзи!..

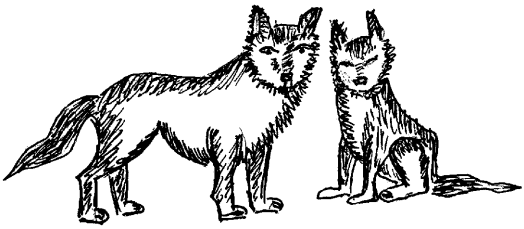
На этом батарейка села, и приборчик отключился. А через час мы выехали из отеля и перебрались в маленький городок в сорока километрах от Салоник, поближе к семье сына.

При переезде «отпугиватель» затерялся. Скорее всего остался на подоконнике балкона. Хватился пропажи я поздно. В Москве съездил на ВДНХ, где покупал его год назад, но пожилого господина в роговых очках не нашёл.

Не сразу, но всё-таки рассказал обо всём жене. Она ничуть не удивилась, посоветовала: «Посвяти эту историю собакам Салоник...» Так я и сделал.

После Греции предстоял нам тур по заповедной и загадочной Карелии, все познания о которой у меня сходились, в основном, на песне, где:

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озёр...



Дорога на Соловки

Послышался глухой удар, и автобус начал резкое торможение. Пассажирки у окна взвизгнули и заверещали:

— Сбил! Сбил! Сбил велосипедиста!

Водитель, белый как мел, выскочил из автобуса на дорогу. За ним высыпали и пассажиры. Мы сидели в самой глубине салона и выбрались в числе последних.

— Есть врач среди вас?! — крикнул водитель пассажирам.

— Живой! Пульс и дыхание есть! — сообщила, ощупав сбитого паренька, одна из туристок, назвавшаяся гинекологом.

На обочине валялся деформированный велосипед. Неподалёку — сумка с битой стеклотарой, из осколков ещё вытекало, судя по запаху, спиртное.

— Он же навстречу ехал, видно, что пьяный, надо было скорость снизить или остановиться, — роптали туристки. — Повезло, что не лобовое столкновение, а за фарой, в бок он въехал...

Нас, мужчин, среди пассажиров было всего человек пять.

— Смотрите! — крикнул кто-то. — К нам идут...

По шоссе приближалась толпа парней, некоторые сжимали в руках тяжёлые палки.

— Где он?! Где гад, который Веньку сбил?! — орал впередиидущий бритоголовый качок.

Водитель наш спрятался в кабине и, тяжело ворочая языком, говорил кому-то в мобильник:

— Видишь, какая беда у меня. Гаишников жду. Повезут на экспертизу — то да сё, сам знаешь. А туристов нужно до гостиницы довезти. Подъезжай, на тебя вся надежда...

Почти всю проезжую часть заполнила толпа из наших туристов и нарядно одетых, абсолютно трезвых женщин, видимо, прогуливавшихся по шоссе. Женщины и девушки с пулемётной скоростью щёлкали семечки, что свидетельствовало о крайней степени волнения.

— Участковый уже выехал, — раздался возглас.

Группа заметно выпивших парней кучковалась вокруг бритоголового, который продолжал выкликать «гада», потрясая перед автобусом дубинкой. Однако пускать в ход палки ребята не решались.

— Кум, гляди, что они натворили! Убью гада! — закричал качок участковому, подъехавшему на мотоцикле с коляской.

— Заткнись и спрячься! — спокойно посоветовал ему участковый. Из формы на нём была только фуражка. — Ты зачем Веньку поил? И зачем его пьяного за водкой послал на велосипеде? Мне отвечать не нужно. Отцу его расскажешь, когда он с вахты вернётся...

Качок тут же сник и, натянув на лысую голову берет, отступил на шаг в глубину своей компании.

— Ненавижу семечки эти. Полжизни, можно сказать, прощёлкала. Как вон те девчушки, мусорила... — сообщила рядом стоящая дама в гипюровой кофточке и белых полусапожках.

— Что это вы все нарядные такие? И парни поддатые хорошо... Праздник, что ли, какой у вас? — почтительно полюбопытничал я.

— Конечно! Сегодня же День независимости! Вот и прогуливаемся до города и обратно по чистому асфальту. Больше гулять-то негде...

— Вот-те на! — изумился я. — Новый праздник?

— Да что вы! Какой новый?! День независимости ООО «Дикоросы». Всегда мы его тут празднуем и гуляем по шоссе...

Услышав название праздника, я чуть не прыснул со смеху, но удержался, подумав: «Как хорошо, что Анюта отвлеклась и не услышала. Она бы точно расхохоталась. А здесь это было бы не к месту...» Почему-то вспомнилось старинное японское трёхстишие:

Будьте спокойны, гуси!
Вы уже дома.
Над Фукусимой...

Словом, мы в Карелии, на полпути к Кеми — отправного места на Соловецкие острова, в полутора километрах от конечной на сегодня точки: отеля в Лебяжьегорске, в городке, где, как успела сообщить наша гидша, когда-то снимался кинофильм про любовь и лебедей. Где-то в этих же краях снимали «А зори здесь тихие».

— Водителю лучше не показываться, пока парнишку в больницу не увезут, — сообщила гипюровая кофточка. — Эти Бересказы на всё способны. К тому же пьяные. Им водку разбитую жальче, чем сбитого гонца... Да вон и Риббентропы с ними. Все они тут братья да кумовья. Работа у них сезонная. Времени свободного полно. Что тут скажешь? Новое послевоенное поколение...

— После Финской войны, что ли? — удивился я.

Вчера, по дороге сюда, нам показывали среди холмов лесистых — блиндажи да окопы — знаменитую линию Маннергейма.

— Какую ещё финскую? После войны за независимость «Дикоросов». Две семьи тут и верховодят: Бересказы из танкового рода и Риббентропы из рода хакеров... Да сейчас переродились они все. А молодёжь никакая — пьют, дерутся да в городе подворовывают, когда сезона нет...

В подъехавшую «скорую» медики загружали носилки с пострадавшим, который уже слабо постанывал. Га-

ишник с участковым замеряли рулеткой то, что положено, делая пометки в большой тетради.

Подъехал и тот, кому звонил наш водитель. Он отдал ему ключи, а сам пересел в милицейскую легковушку. Толпа парней поредела, но всё-таки в бока нашего автобуса три-четыре раза брякнули палки. Не сильно, не для повреждения, но — чтобы уважали...

Утро следующего дня в Лебяжьегорске было чуть пасмурным. Нас отвезли к дому с подворьем, где проходили съёмки знаменитого фильма, затем прокатили на озеро с лебедями. А дальше предоставили самим себе. Причём гидша порекомендовала сходить в парк, где, как она сказала, «уникальные и единственные в стране аттракционы».

— С вечным двигателем, наверное, или с машиной времени, — пошутил кто-то из туристов.

Погуляв по городским магазинчикам, мы направились в парк и остановились перед огромной аркой, где по верхней дуге сияло: ООО «Дикоросы». Из объявления над окошечком кассы следовало, что оплата принимается только в долларах. Два билета обошлись в один бакс, и мы прошли через хомут, вроде того, что стоят в аэропортах и на вокзалах.

По сторонам от центральной дорожки располагались аттракционы обычные для городских парков: колесо обозрения, автопоезд «Лебеди» с вагончиками, стилизованными под плывущих птиц, цепочная карусель «Тропикана», качели «Ладья»... Большинство из них ненавистны мне с детства...

Внимание привлекло стилизованное под избушку заведение с вывеской: «Стрелковый тир-кафе — Победи Старый мир!»

— Заходите, не стесняйтесь, господа-товарищи! Не стрелять, так чайку попить эксклюзивного с черничной ватрушкой — милости прошу! — позвал нас из открытого окошка седокудрый бородач. Мы не раздумывали:

заманка бородача сработала. Ещё бы — «старый мир», «эксклюзивный чаёк»...

Прилавок с пневматическими винтовками темнел в глубине, а совсем вдали — освещённые фигурки, чем-то знакомые. «Сначала чай», — решили мы и не ошиблись. Душистый травяной настой и черничная ватрушка оказались отменного качества. Хозяин присел за соседний столик.

— Отдыхайте, господа-товарищи! Здесь у нас комфортно и культурно. А главное в культуре — что? Главное в культуре — досуг! — словоохотливость хозяина-бородача вполне вписывалась в эти непредвиденные минуты спокойного чаепития.

— В досуге, сами понимаете, главное — игра! В игре взрастает и воспитывается человек. Взять, к примеру, мой тир. Вон там фигурки из старого мира: Фамусов, Чичиков, Коробочка, Человек в футляре, Каштанка, Корчагин и другие. Стрельба по ним — это то самое отречение от старого мира, про который в старинной песне пелось. Молодёжи нравится...

Признаться, мы с Анютой немного оторопели от такого поворота, но, чтобы не подать виду, взяли ещё по ватрушке.

— В отделе новаций «Дикоросов» ещё круче идея была: фигурки авторов вместе с их персонажами в тире выставить. Вообще там креативно мыслящие специалисты работают: изначально ведь хотели реальных исторических деятелей прошлого выставить. Ну, там Чингизхана, Ленина, Наполеона, Кеннеди, Фиделя Кастро...

Но экспертный совет — у нас всё в культуре через него проходит — не разрешил. Дескать, на развитие экстремизма может благотворно повлиять. И авторов велели отделить от персонажей. Спро́сите: какой интерес в этой стрельбе для подрастающего поколения? Какие стимулы? Отвечу: во-первых система призов очень умело разработана теми же специалистами. Во-вторых, в деле патриотического воспитания нажатие на курок

почти боевого оружия несравнимо по значению с натягиванием тетивы со стрелой, как в павильоне напротив, к примеру, или движение мышки в сетевой игре...

— И что же у вас за призы?..

— Ещё пару лет назад отдел призов «Дикоросов» поставлял в качестве выигрышей живых рыбок в аквариуме: ну, там гуппи, меченосцы, золотые рыбки... Это для тех, кто укладывал «старый мир» из шестнадцати фигурок без единого промаха. Для тех, кто дважды сделал это — выигрыши посерьёзней: птички в клетках: щеглы, синички, малиновки, овсянки... Но главным призом был живой заяц, упакованный в подарочный контейнер. Не часто, но случалось, что находился победитель, который укладывал «старый мир» без промаха трижды. К нам ведь, кроме местных, заезжают туристы из разных краёв, стран, из разных временных поясов. Вы-то из какого времени будете?..

— Из сегодняшнего, — отшутился я, намекая на каламбурность заданного вопроса. — Что же победители с такими призами делают?

— Делали, — поправил он меня. — Рыбок в баночке иногда забирали с собой, иногда оставляли здесь. Птичек выносили в лес и там торжественно, позируя нашему фотографу, выпускали из клетки. Лес-то у нас — ого-го! Сразу за шоссе начинается, словно стена стоит. Когда-то там взлётно-посадочные полосы простирались. Но в войну такие бомбёжки были, что весь район этот покрылся холмами. И, как в сказке, лес начал стремительно вырастать. Деревья пошли в рост — просто, как трава. За пятьдесят лет вымахали, словно за пять веков. Учёные говорят: «лебяжьегорский феномен». Мы ещё школьниками на заготовки в эти холмы бегали. Грибов, ягоды, орехов в нашем лесу — только торбы набивай. И призывать никого особо не нужно, все выходят на сбор и хорошо зарабатывают...

Он кивнул на окно, где виднелся край чуть выцветшего панно с расплывчато-художественной вязью: «Труженики “Дикоросов!” Ударным трудом встретим...»

— Но вот с главным призом три года назад осечка вышла. Зашёл к нам в тир пострелять местный парень с девушкой своей. Отменно стрелял, кстати сказать, ещё когда в школе учился. Из рода Берескаузов. Отец его погиб в пятьдесят пятом году при выполнении национального долга в Антарктике. Короче говоря, парень с заданием сладил: трижды без промаха уложил «старый мир». Звоню я в отдел призов, докладываю. Через пятнадцать минут приезжает управленец с призом и дипломом для награждения. Всё, как положено.

Но пока мы протоколировали успех стрелка, девчонка возьми, да и сунь нос в коробку. Приоткрыла её, а заяц — не будь дурак — толкнулся задними лапами, будто кенгуру, и из коробки вылетел. Ещё раз толкнулся — и прямо в раскрытое это окошко сиганул. Только его и видели.

Девчонка напугалась, дрожит. А парень в претензию:

— Вы, — говорит, — своим призом напугали мою невесту. Она на шестом месяце! Да и где он, ваш приз?..

Но управленец другого зайца выписывать отказался. Дескать, сами виноваты, зачем до вручения коробку открыли? Надо было — либо в лесу при фотографе, если выпустить решили, либо дома, в соответствующих условиях, если жаркое из зайчатины делать бы надумали...

Но я-то сразу увидел — промашка нашего отдела. Задние ноги зайца совсем некрепко подарочным бантом были стянуты...

Понятно, заяц в лес ускакал. Но когда он в окошко здесь выпрыгнул, увидал его на свою беду пёс вон с той дорожки. И помчался за ним. И аккурат на шоссе его локомобилем сбило. Дорогая порода — английский фоксхаунд. Хозяйка, что с ним в нашем парке гуляла, — племянницей самого гауляйтера оказалась. Расследование назначили. «Как» да «почему» зайцы без сопровождения по закрытой территории «Дикоросов» скачут?

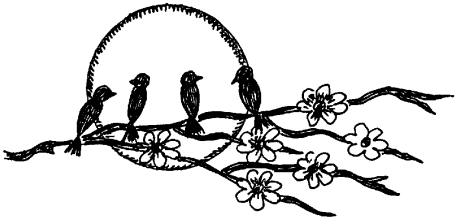
Короче говоря, живые призы запретили. Половину отдела призов уволили. Управляющему делами выговор по партийной линии влепили. Но тир наш не закрыли. Учли важность стрелкового досуга, а также идеологический компонент в деле патриотического воспитания граждан. Теперь главный приз у нас — гусь замороженный. А помельче призы — птичьи тушки от рябчиков до кур. Не желаете ли досуг заполнить? Вон — Павел Корчагин прямо на вас глядит...

От предложения мы отказались и, расплатившись за чай с ватрушками, вышли на гаревую дорожку. Прямо перед нами синело расплывчатое окончание призыва на панно: «... заготовительный сезон нового 2068 года!»

— Гляди-ка, буквы здесь от влажности, наверное, расплываются. И ноль в шестёрку от потёков превратился, — заметила Анюта, когда мы выбирались в сторону центрального входа-выхода. — Занятный аттракцион. А кто такой гауляйтер, не помнишь?

— Думаю, это что-то вроде главного менеджера, — не стал я особо напрягаться. — Придём в номер, кликнем в Яндексе...

На том и порешили. Наутро нам предстоял автобусный путь вдоль Беломоро-Балтийского канала до Кеми, а там — морем — на Соловецкие острова.



Псковские тропы

Вернувшись в Москву, мы с Анютой разлетелись-разъехались в разные стороны: она — со Светланой Александровной Веднёвой в Шарм-эль-Шейх, а я, решив отдохнуть от перелётов, — на неделю в Псков.

Поселили меня в гостинице «Октябрьская», в центре города, на Октябрьском проспекте, который во время оккупации был наименован фрицами, по словам экскурсовода, — Гитлерштрассе.

Псковщина удивила. Пушкиногорье, Изборск, Печоры... Путешествие катером на Талабские острова сначала по реке Великой, вдоль зарослей высокорослых тростников, а потом по Псковскому озеру — осталось в памяти как одно из самых удивительных в жизни. И это после Крита!

Первый причал — на острове Талабске, где храм Николая Чудотворца, приход и обитель старца Николая Гурьянова. Теперь там и его могила. Весь остров, казалось, был наполнен, словно прозрачный сосуд, покоем и умиротворением. На улице, ведущей от берега к храму, сидели на лавочках местные жители, продавали недорого вкуснейшую копчёную рыбёшку.

Следующий причал был на острове Верхнем. Получив два часа свободного времени, экскурсанты разбрелись по тёплым лужайкам соснового леса, а я ушёл в «одиночное плаванье» на противоположный безлюдный берег. Ощущение совершенно дикого места не покидало

меня. И я уже не удивился, когда из высокотравья, почти из-под ног вылетели несколько журавлей и потянулись вдоль берега. Что ж, отшельники наши знали, куда уходить от суеты мирской.

Катер «Талабск» я было принял за регулярное средство сообщения островов Псковского озера с Большой землёй. Однако капитан развеял такое моё представление.

— Катер в прошлом году подарили островам. До этого только моторные лодки местных жителей выручали. Да и сейчас они — главное средство передвижения...

Путешествие каждого дня становилось для меня событием. Даже трёхчасовая поездка по ободранной дороге, как по стиральной доске, со скоростью пятнадцать километров в час, в строящийся монастырь-новодел, — не сильно испортила впечатление.

Изборск, словно выплывший из глубины веков и застывший крепостью над травяными склонами, сбегающими к речке и озеру, Псково-Печорский монастырь — с такими нарядными куполами и колокольнями, будто картинка из книжки с пушкинскими сказками, поездка в село Выбуты — вотчину великой княгини Ольги, которая имела ещё и скандинавское имя Хельга, — всё это припоминалось по каким-то отрывкам из школьных учебников, по историческим романам, прочитанным в детстве.

Ну и, конечно, Пушкиногорье: Петровское, Михайловское, Тригорское, Святогорский монастырь — место упокоения русского гения... Как-то не верилось, что Пушкин — этот подарок небес полудикой стране — действительно растворился под этим камнем, а не парит в воздухе, не витает в облаках над лесами, лугами, горами...

Через два года мы приехали на Псковщину уже вдвоём с Анютой, перед Турцией, сразу поселившись в Пушкиногорье. Почти неделю бродили пушкинскими тропами в Петровском, Михайловском, Тригорском. С пушкиногорской возвышенности спускались почитай

каждый день тропинкой в Михайловское через перелески, через деревню Бугрово, мимо мельницы, при виде которой в памяти всплывали строки из «Русалки»:

...Вот мельница! Она уж развалилась;
Весёлый шум её колёс умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.
Дочь бедную оплакал он недолго.
Тропинка тут вилась — она заглохла,
Давно-давно сюда никто не ходит;
Тут садик был с забором, неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла...

Ощущение того, что этой же дорожкой и тропинкой пробегал Александр Сергеевич из Михайловского на ярмарку или в библиотеку Святогорского монастыря, не отступало.

По-над берегом речки Сороти мы уходили в Тригорское. В пути отдыхали на Савкиной горке. Неподалёку пытались сфотографировать гнездо аистов с аистятами на высоком столбе. А Сороть всё текла под нами, как и в пушкинские времена.

Печатка Менандра

Хорошая штука мэйл-агент в Интернете. Удобная очень. По сути, диалоговое окно: вопрос-ответ. Суждение можно вставить о чём-то. Или пожелание...

Вообще-то, диалоги вести у меня времени особо нет. Но два-три раза в год побеседовать с сыном получается.

«Привези мне крючков японских, когда сюда соберёшься», — попросил он в начале этого лета.

«Сюда» — это значит в городок на севере Греции, где он живёт с семьёй уже больше пятнадцати лет.

На Сахалине сын был заядлым рыбаком. В суровые девяностые годы кормились они с женой Викой рыбалкой на даче.

«Рыбалка у тебя баловство или для прокорма?» — спрашиваю.

«И то, и другое. Кризис, сам понимаешь...»

Но сам я давно уже не рыбак. Хотя в молодости тоже по сахалинским речкам набегался с удочкой. Да и на море со спиннингом хаживал не раз и не два.

«Что за рыба у вас там ловится?» — спрашиваю.

«Кефаль — рыба. На Чёрном море тоже водится...»

Кефали я никогда не видел, хотя и родился на её родине, в городе, куда, если верить песне, «шаланды полные кефали» приводил рыбак-Костя.

«Где мне поискать крючки японские?» — простодушно интересуюсь по агенту. Ведь всё мне кажется, что сын Антонин, в быту — Тосик, совсем недавно весь

в поплавках, катушках, леске и крючках был под боком. И диспозиция магазинов спортивно-рыбацких ему знакома, как никому другому.

«С Японией рядом живёшь, папа», — появился ответ в окошке агента с явной укоризной, что я забыл про такое важное обстоятельство.

И пока я раздумывал, шутит сынок или серьёзно говорит, мэйл-агент сообщил:

«Мы тут с Николкой монеты коллекционировать начали. У него уже есть несколько старых "пиратских". И это наш с ним "секрет". Так что и пару кляссеров захвати...»

Что ж, внуку Николке уже пять лет. Пора начинать что-нибудь коллекционировать...

На Сахалине была у Антонина очень приличная коллекция монет. Что-то он покупал, что-то выменивал... Некоторые монетки я ему аж со столичного Птичьего рынка привозил.

Уезжая на родину матери, он с коллекцией распрощался и избавился от неё.

«Где же берёте вы "пиратские" монеты?» — поинтересовался на всякий случай.

«Главное — легенда. Николка "пиратские" ценит особо. У него свой кляссер. У меня — свой...»

***

— Нумизматикой здесь сложно заниматься. В Греции закон, по которому нельзя держать в коллекции монеты, изготовленные на этой территории, то есть греческие. Только в музеях могут они храниться. Если удалось добыть старую греческую монетку — будь любезен — сдай государству. Иначе уголовная статья тебе светит, — поделился сын, когда мы встретились у него в городке, и я избавился, наконец, от японских крючков.

— Да, проблемы... То ли дело в России: собирай, что хочешь, — посочувствовал я.

— Поэтому собираю сейчас древние греческие монеты, но отчеканенные не на нынешней её территории...

— Это как? — озадачился я.

— Ну, к примеру, индо-бактрийского царства или индо-греческого. Одно из них было на территории Средней Азии, а другое где-то на землях нынешнего северного Пакистана. Первый век до нашей эры. Вот, смотри, только на монетах царя Лисия изображался так называемый «слоновий скальп», а на монетах эпохи индо-греческого царя Менандра — чакра — символ буддизма...

Тосик достал две маленькие, невзрачные и сильно потёртые монетки: «Полюбуйся...»

Достав очки, я попытался остудить его нумизматический пыл:

— Да таких фальшивок, на плевки похожих, мы с тобой на Птичьем рынке сколько видели! Не говоря уж о новоделах. Правда, тебе лет тринадцать было, и ты не очень хорошо их помнишь...

— Не скажи, — не согласился сын. — Есть признаки, по которым достаточно точно можно определить, отчеканена или отлита монета. Способов подделки, конечно, хватает. К примеру, так называемая «козья патина», когда новую «старинную» монету дают проглотить козе, и она, пройдя по желудочно-кишечному тракту, приобретает в итоге «древний» вид. Но стиль не подделаешь. Особенно в портретах. У фальшивомонетчиков на одной монете царь курносый, а на другой — горбоносый. Или ноздри разные. Нос — это самое слабое место... И чеканку от литья понимающий нумизмат отличит сразу...

По вечерам за разными разговорами заходили мы впятером — Аня с Викой впереди, я с Тосиком и Николкой следом — в кафе на самом берегу моря, недалеко от порта. Отсюда мы видели, как уходят в ночь на рыбалку судёнышки. Там же, с пирса забрасывали в море свои удочки рыбаки-любители.

Среди них мы нашли и друга Тосика — Янниса Иорданидиса, которого в обиходе звали Ваней. А кефаль при ближайшем рассмотрении оказалась похожей на сазанчиков или даже карасей.

С Ваней мы знакомы ещё с прошлого приезда. Тогда, знакомя нас, Тосик сказал:

— Слышишь, какая говорящая фамилия — Иордань-идис?

Действительно, мудрой печалью в огромных библейских глазах Ваня напомнил приятеля моей ташкентской юности Изю Вильскера.

— Наши земляки русскоязычные кое-как экипированы, всё у нас не под рукой. Поэтому много рыбы срывается, уходит. А вот болгары — педанты. И сачки у них на месте, и снасть самая правильная, и наживка по науке... — похвалил Ваня сидящих на складных стульчиках рыбаков.

Сам Ваня родом из Казахстана. Служил под Ленинградом. Переехал в Грецию лет пятнадцать назад вслед за родителями. Меня он называет по доброй русской традиции «дядя Коля». И мне очень неловко при этом, поскольку почти физически ощущаю, какие столетья громоздятся за Ваниной спиной...

У таких «возвращенцев», как Ваня, прав на родине больше, чем у Антонина и его матери. Греция сама позвала домой скитальцев-греков, разбросанных по белу свету.

А мои — «вернулись с войны», из эмиграции, куда их отцы и деды попали в результате гражданской войны 1949-го года.

Поэтому Ваня сумел сразу получить кредит и купить квартиру. Но дальше началось самое интересное. Он не захотел вступать с государством ни в какие отношения. То есть работать, выплачивать долг банку, где взял кредит, и даже рассчитываться за коммунальные услуги.

Можно представить, что произошло бы с таким «отказником» у нас в России. Но в Греции законы милосерднее. Если человек одинок и не имеет другого жилья, то он может проживать в купленной по кредиту квартире до конца своих дней. Потом банк заберёт её себе.

Неудобства, связанные с отключением воды и электричества за неуплату, Ваня сумел смягчить,

пользуясь природной смекалкой. То есть, наладив систему шлангов и проводов. Кроме того, летом — мы сами это видели — он ежевечерне принимал пляжный душ совершенно бесплатно.

Пару лет назад Ваня ездил в Голландию на заработки и привёз оттуда «мерседес», который для этого городка был явно великоват.

— Чем же Ваня заработал себе на машину?

— Сидел, говорит, на конвейере и шлёпал печати на буклеты и бирки... Собирается ещё раз съездить туда же, — пояснил сын.

Однако о техосмотре и о страховке Ваня не позаботился. Бензин тоже в связи с кризисом далеко не всегда доступен. Поэтому автомобиль его чаще стоит на приколе.

Это мы выяснили, когда я пытался сговорить Ваню по телефону, суля полный бак бензина и сытный обед в конце пути, чтобы он свозил нас в Ураноу́поли, пограничный с Афоном городок.

— Я бы рад, дядя Коля, но у меня никаких документов на машину нет. Поэтому могу только вокруг дома кружить. Иначе — до первого полицейского...

Но Ваня прекрасный водитель и иногда подрабатывает у знакомого бизнесмена, которому лень самому крутить баранку.

Кормится Ваня и с рыбалки, продавая выловленную рыбу в таверны. Имеются у него ещё кое-какие источники доходов, о которых я не буду распространяться.

И есть у Вани одна странность, если не считать таковыми всё предыдущее. За свою жизнь, а это уже лет сорок, он не прочитал ни одной книги.

— Как эта болезнь называется? — спросил он меня однажды вечером, когда мы сидели все в кафе на берегу моря.

— Ну, когда грамотный человек не читает книг. Просто не может физически, потому что сразу засыпает?

— Да нет такой болезни. Просто особенность организма, может быть, такая, — успокоили мы его.

Однако неспособность читать книги никак не сказывалась на умении поддержать разговор. Познания Вани поражали своей обширностью и даже, сказал бы я, глубиной. О Черчилле, о Сталине, о Николае II, об освоителях Приморья Янковских — о ком и о чём угодно — мог Ваня говорить с цитированием оригиналов...

— Откуда Ваня столько знает, если не прочитал ни одной книги? — спросил я.

— Память хорошая от природы. Все телепрограммы наизусть знает, — пояснил Тосик.

***

Встречались мы обычно вечерами и гуляли глубоко заполночь по набережной и прилегающим к ней кафешкам.

Но как-то сын явился на вечернюю встречу весьма озабоченным и взволнованным. Видно было, что он крепится, пытаясь удержать информацию и сохранить лицо.

— Говори, что произошло, — не выдержал я, когда мы присели в таверне над пляжем. Николка тотчас умчался строить галечно-песочные замки, а Тосик, промокнув платком лоб, достал новенькую, незнакомую мне монету.

— Узнаёшь? — спросил он.

— Первый раз вижу, — пожал я плечами.

— Посмотри внимательно на профиль...

Действительно, что-то знакомое проступало в изображении на реверсе монеты...

— Это же царь Менандр!

— Но она ведь новая. Явно фальшивка... Видно, не успели пропустить через козу для патины, — проявил я осведомлённость.

— Да то-то и оно, что не фальшивая. Не отлита, а отчеканена. Кромку видишь? И стиль всё тот же, один в один...

Тосик достал древнюю, похожую на плевок.

— Тот же самый Менандр...

— Но ведь она новая...

— Вот именно. Хотел бы я знать, где её можно было так сохранить, чтобы она не знала хождения в государстве, чтобы её ничьи руки не касались?!

— Ну и откуда она у тебя? — подобрался я к главному.

— Откуда-откуда... Ваня два часа назад занёс. Сказал, потом объяснит. К морю сегодня не выйдет. Гости какие-то к нему приехали...

Вечер прошёл у нас, как обычно. Мы погуляли по набережной и местному «арбату» — пешеходной городской улице.

Утром, на выходе из отеля, увидел я двух очень смуглых людей, похожих на индусов. Один — в европейском костюме, другой — в длинной широкой рубахе и в тюрбане. Только багаж у них был одинаковым — у каждого по прямоугольной коробке, драпированной цветастым шёлком.

Я бы на них и внимания не обратил — много сюда разных народов приезжает: китайцы, японцы, чернокожие кенийцы, торгующие фигурками из чёрного дерева, похожего на эбонит.

Так что ничего особенного я в них не увидел. Однако появился Ваня, судя по всему, провожавший их. Они по очереди поклонились ему, прижимая руки лодочкой к груди, сели в подкатившее жёлтое такси и уехали.

Ваня помахал мне рукой и пошёл вверх по улице в сторону своего дома.

Вечером он пришёл в кафе, — Тосик подсказал по телефону, где нас искать.

— Проводил гостей? — как можно равнодушнее спросил сын, заказав нам мороженое.

— Уехали... Два дня со мной беседовали... Говорят на каком-то своём греческом, но понять можно... Хотели голубятню у меня устроить... Клетки с птицами привезли...

— Давай-ка, Яннис, с самого начала и по порядку... — не выдержал Антонин. — Откуда у тебя эта монета?

— Гости подарили. Вот ещё пять штук. Чистое серебро, говорят... В общем, слушайте. Они приехали из па-

кистанской провинции, — Ваня достал бумажку и прочитал: — «Хайбер-Пахтунхва».

— Это северо-запад Пакистана, в прошлом — Индия. А ещё раньше — со второго века до нашей эры — индо-греческое царство. Там у них горная деревушка есть при серебряном руднике, где в древности царь Менандр Первый повелел основать что-то вроде монетного двора. Затащили туда по козьим тропам меди и олова. Помимо серебра чеканили и бронзу. Весь процесс на месте — выплавка металла и чеканка...

— Ты хочешь сказать, что чеканка монет царя Менандра продолжается и сегодня?!

— Так они говорят. И накопилось уже сто тридцать девять подвод начеканенных драхм. Подвода — это у них мера объёма такая. Бронзовых монет поменьше. Запасы меди и олова иссякли лет пятьсот назад, а серебряные драхмы машинка их чеканит исправно до сих пор. Долбят себе гору кирками, выплавляют металл и чеканят...

Когда в царстве-государстве требовались драхмы и тетрадрахмы, царский наместник в Читрале — ближайшем городе — давал распоряжение «монетному двору» по голубиной почте. Монеты спускали по козьим тропам в ущелье, где грузили в подводу, запряжённую яками, и она отправлялась за сто с лишним километров в Читрал.

Но когда царство Менандра, как «шагреневая кожа», скукожилось до размеров города Читрала с населением в тридцать тысяч человек, спрос на драхмы снизился, а затем и вовсе иссяк... Что интересно, индийские правители из династии Катур почти тысячу лет признавали их маленькую индо-греческую автономию.

— Но кто же эти двое? На «снежных людей» они совсем не похожи, — вставил, наконец, слово и я.

— Они — посланцы из Читрала. В деревушке чеканщиков на высоте около пяти тысяч метров над уровнем моря им бывать не приходилось. Тот, что в костюме, ведает канцелярией наместника, тот, что в тюрбане, — начальник связи, то есть главный голубятник.

Другой связи, нежели голуби, у них не признают. Голуби не простые. Индо-пакистанские высоколётные, их ещё называют королевскими. Они мгновенно набирают высоту, где ястребам делать нечего. А садятся вечером, когда ястребы уже сытые дремлют на ветках в чинаровых рощах...

Но я отказался от голубятни, — повторил Ваня.

— Ты-то вообще, с какого тут боку? — возопил Тосик. — Какие-то голуби, ястребы! При чём здесь ты?!

— При том, что по их раскладу я — один из последних прямых потомков царя Менандра. Начальник канцелярии показал мне выписку из последнего, сорок третьего тома генеалогического дерева. Нас таких трое. Есть ещё один австралиец, но ему восемьдесят девять лет, и он уже не всех узнаёт. В Канаде мулат-потомок сидит в тюрьме, и сидеть ему ещё пятнадцать лет из двадцати за вооружённое ограбление и убийство... Так что...

Мы сидели молча какое-то время, мороженое дотаивало в чашечках. Первым встрепенулся Тосик:

— Как же они тебя нашли?! Где северный Пакистан, и где Яннис Иорданидис... И зачем им вообще нужен потомок?

— Говорят, что прошли весь путь моих предков. Индия, Бактрия, Палестина, Константинополь, черноморская Балаклава, Севастополь, Джамбул — и вот они здесь, под Салониками...

— Давай дальше, — обречённо вздохнул сын.

— Так вот. Все новости и все распоряжения деревушка чеканщиков получает по голубиной почте. Но в последние годы у них начались проблемы... Хлопот прибавило землетрясение прошлого года. Завалило часть штолен на руднике, обрушился свод пещеры-склада... Но дело их секретное, и они по-прежнему выполняют все пункты повеления царя Менандра.

Указ, украшенный царской печатью, хранится у старосты, власть которого передаётся по наследству. Молодёжь ропщет, кое-кто подумывает о долине. Молодые

горнорабочие и чеканщики хотят перепрофилировать производство, изготавливать вещи, пользующиеся спросом в долине: украшения, декоративные изделия... Ну, как в России: оборонные предприятия перешли в девяностых годах на производство стиральных машин или на штамповку кастрюль и дуршлагов...

Такие настроения рабочих и ремесленников передаются пастухам, сыроварам и даже стражникам. Всем им уже тесновато в древнем своём гарнизоне.

Однако на кардинальные изменения требуется настоящее, царское повеление. Наместник в Читрале — всего лишь наместник и не правомочен корректировать указ Менандра.

— Что же они, выбрать себе царя не могут?

— В середине двадцатого века читральская знать с подачи наместника пыталась решить вопрос установления непререкаемой царской власти путём выборов из собственных рядов. Но в результате переотравили и перерезали друг друга... Печатка Менандра осталась невостребованной. Сошлись на том, что только легитимный правитель, наследник царя по крови смеет её принять неоспоримо....

— Так тебе, значит, предлагают царство принять?

— Ну да. Чтобы я печатку принял и продолжил дело их отцов и праотцев...

— Какое дело?! Индию завоёвывать?!

— Ну, мало ли... Монетами чтобы распорядился, производство повелел перепрофилировать... Словом, чтобы взял на себя ответственность за деревушку с рудником. Указ обновил... А то некоторые умельцы уже второй век картинки левые чеканят из серебра и сбывают их контрабандно в долину...

— И что ты им на это ответил?

— Отказался. Простите, сказал, братцы индо-греки, не могу. Не чувствую в себе мужества взвалить вашу деревню на свои плечи. Лучше уж вы мулата из тюряги выкупили бы за подводу серебра. И человеку помогли бы, и себе...

— А они?

— Дали полгода на размышление. Потом явится вместо голубя их человек за окончательным ответом... Хоть я и уверял их, что всё уже решил, что поеду в Голландию штампы на бирки и буклеты лепить... Сказали: «Думай полгода...»

Ваня замолчал и задумался, глядя на Олимп, освещённый закатным солнцем. Обычно так хорошо он виден перед непогодой. Как у нас, к примеру, остров Монерон. Молчали и мы...

— Ты не мог бы назначить визирем кого-нибудь, чтобы поуправлял за тебя?

— Это кого же?

— Да хотя бы меня, — сказал Тосик. — Ты же в курсе, что мы с Николкой монеты начали собирать. А тут такой куш для коллекции! Вика бы там туризмом занялась. Отель бы построили для горнолыжников...

— Да уж, вас только запусти в мою деревню... — покачал головой Ваня. — Им царь нужен, легитимный правитель. Чтобы печатку царскую принял. А управляющих у них целая трудовая династия, из века в век... Всё-таки склоняюсь я к тому, чтобы в Голландию ещё разок съездить, поработать. Бог с ними, с подводами этими и всем остальным. Больно опасна царская жизнь. Всё время на тебя кто-нибудь покушается. А я человек комфортный, не люблю этого... Так что слово моё твёрдое — «нет»...

Оставив давно растаявшее мороженое, мы вышли на набережную. Стемнело. Но фонарей в районе главного городского пирса было предостаточно и гуляющего народу — тоже.

Через несколько дней мы улетели в свои края. Прощаясь, по молчаливому уговору не касались Ваниной истории, не обсуждали её. И теперь я с опаской смотрю на перемещения мэйл-агента на мониторе. Он молчит. И я не лезу. Возможно, через полгода восстановится речь, и родится какой-нибудь нескучный диалог.

Фамагуста и сикомор

Дороги на Кипре очень хорошие. Просто отменные. Никаких следов ямочных ремонтов. Однако особенностью их можно считать обилие «лежачих полицейских» — асфальтовых «валиков», через которые переваливать автомбилям приходится, притормаживая. Особенно много их в городах и курортных сёлах, подобных тому, где мы расположились на три недели.

Вообще-то на Кипр нам не очень и хотелось в последние годы. Греция казалась неисчерпаемой для впечатлений. Но так вышло. Исходя из финансовых и некоторых других обстоятельств, типа ужесточений при получении шенгенской визы, решили отправиться на Кипр.

Отзывы о нём встречались разные. Одни из наших знакомых говорили, что никакого другого отдыха, кроме как на Кипре себе не мыслят, и с самого первого раза ездят только туда. Другие утверждали, что после Турции и особенно Греции, удивиться там особенно нечему. Теперь же и у нас появилась возможность узнать всё из первых рук.

Поселились мы в местечке под названием Айя-Напа, которое переводится с греческого как «священный лес». Здесь находится древний монастырь, построенный прямо в скале венецианцами в 1530-м году. На месте его когда-то была древняя христианская церковь постройки восьмого века. В интернете говорится, что курорт Айя-Напа популярен не только среди иностранных туристов, но и среди самих киприотов, которые с удовольствием

приезжают сюда на выходные отдохнуть от трудов праведных. «Особенно любит Айя-Напу молодёжь Кипра. Здесь есть широкие возможности для весёлого времяпрепровождения: множество дискотек, баров и ресторанов (как с национальной, так и с международной кухней), магазины и сувенирные лавки на любой вкус, спортивные центры и т.д.»

Однако нам повезло, потому что отель наш располагался на окраине, и вся эта «музыка», сопровождающая «весёлое времяпровождение» по ночам, была почти не слышна. Чуть ли не каждый день мы отправлялись на экскурсии. Одна из них — «Джип-сафари» — привлекла нас возможностью прогуляться по ближайшим береговым взгоркам и склонам. Мы пробирались по тропинкам среди кустов можжевельника, кое-где просто усыпанных сизо-чёрной ягодой. На мысе Греко отважные ныряльщики прыгали со скалы в море — такого даже в цирке не покажут.

— Зовите меня Кирьякис, — представился хозяин микроавтобуса и гид маршрута, поджарый грек с седоватыми усами. По сути, он предложил обращаться к нему словом «господин». В конце экскурсии он привёз нас на восточную окраину Республики Кипр. Дальше простиралась территория Турецкой Республики Северного Кипра, образованной в 1974-м году и никем, кроме Турции, не признанной.

Вдалеке чернели окна брошенных многоэтажек города-призрака Фамагусты, овеянного легендами. Одна из них, — гласит Интернет, — связана с «башней Отелло». Именно здесь когда-то губернатор Кипра убил из ревности свою жену Дездемону, и эта история вдохновила Шекспира на создание знаменитой драмы. Ричард Львиное Сердце, генуэзские купцы, венецианцы, героически оборонявшие Фамагусту от турецкого паши Селима, сменяли здесь друг друга.

В шестидесятых годах прошлого века Фамагуста стала одним из самых известных в мире центров развлече-

ний и туризма. В 1974-м году турецкие войска захватили половину острова Кипра. Для прекращения войны на Кипр были введены войска ООН. В последний день перед заключением перемирия турки захватили самый богатый фешенебельный город-курорт — Фамагусту.

Греческое население было эвакуировано из города или бежало после бомбардировок турецкой авиации. Через три года шведский журналист Бенгтсон, побывавший в этих местах, назвал Фамагусту городом-призраком.

До сих пор столица Кипра — город Никосия — разделена на две части, а гражданам запрещено пересекать границу.

И вот теперь мы с пригорка смотрели сквозь кусты можжевельника на город-призрак, жители которого не видели своих домов уже больше сорока лет.

— Турки — жадные, — рассказывал на обратном пути наш «кирьякис». — Здесь у киприотов рыба стоит, скажем, два-три евро, а они там такую же продают за тридцать...

Дружбой народов здесь явно не пахло.

У многих стран существует своё священное животное. В Таиланде собака может бродить, где угодно, даже валяться посреди дороги или тротуара, и все будут её обходить...

На Кипре особой любовью и уважением пользуются ослы. Правда, таких вольностей, как у собак Таиланда, не наблюдалось. Но на ослиной ферме выяснилось то, о чём я и раньше догадывался, что осёл — философ и мыслитель. Там удалось узнать их поближе, даже покормить ближайших. Умнейшие животные, доложу я вам!

Было и гулянье в Парке верблюдов возле селения Мазотос, и даже катанье Анюты на дромадере — на Кипре все верблюды дромадеры, то есть, одногорбые. Было купанье в бухте Афродиты, где по легенде она вышла из пены морской. Продолжилась экскурсия путешествием по тропе Афродиты к её купальне — небольшому омуту в живописных верховьях ручья, где не разрешается пить воду и купаться. Чистоту и покой купальни блюдёт жи-

вущий в ней сом. Не всем удаётся увидеть его, но мне повезло. Было и несколько экскурсий в удивительные монастыри в горах и на равнине...

Однако главным впечатлением в Айя-Напе для меня стало, помимо храма в скале, в прохладную тишину которого мы спускались передохнуть от солнца и набраться сил, — конечно же, огромное дерево — сикомор — у входа в монастырь. Оно же — тутовник, шелковица. Чтобы понять, о чём я говорю, нужно представить себе сидящего на задних ногах слона. Кора сикомора на ощупь такая же шершавая и тёплая, как и кожа слона. Прикасаться к слону мне никогда не доводилось, но по виду — его кожа именно такой и представляется: тёплой и шершавой.

Словом, обнимать кору, прижиматься щекой к шестисотлетней шелковице, которая продолжает плодоносить, оказалось редкостным удовольствием. Улучшалось настроение и самочувствие. Всё время тянуло к этому дереву, к его восхитительным объятьям. Оно как будто подпитывало своей многовековой энергетикой, а земля внизу была в чёрных пятнах от упавших ягод. Быть может, такая тяга — это неизвестная доселе науке разновидность древесной геронтофилии!

Распластавшись на стволе шелковицы, я прикладывал ухо к её коже, и что-то слышалось мне в глубине. Нет, это было не сердцебиение и даже не дыхание, — а я был готов и к этому. Но явственно слышал какое-то струение-восхождение, наверное, соков — от земли наверх... Гигантские боковые ветви лежали на специальных подпорках из арматуры.

Все три недели, что мы были на Кипре, я ни разу не засыпал, не подумав о ней. Да и сейчас её вспоминаю. И радуюсь, что это удивительное существо, шести веков от роду, находится не за решёткой зоопарка, не в неволе какого-нибудь научного института, не в резервации, а живёт на свободе — вечнозелёная шелковица, сикомор.

Духи предков

«Папа, привет! Как поживаешь? Я тут телескоп купил, мы с Николкой решили на звёзды смотреть...» — так начался у нас очередной разговор с сыном по мэйл-агенту.

Когда-то я тоже привёз из московской командировки домой в Южно-Сахалинск деревянный чемодан с телескопом, который назывался «Альтаир». Сын тогда был немного постарше сегодняшнего Николки.

Мы долго не могли от него отлипнуть, вытаскивая телескоп на дачный балкончик, разглядывали Сириус, Юпитер, Венеру, Марс... Хотя никогда нельзя было сказать с уверенностью, что это именно Сириус, Юпитер, Венера, Марс или что-то другое. Просто смотрели на то, что привлекало своей яркостью и красотой, предполагая, что это Сириус, Юпитер, Венера, Марс...

Вокруг не было электрических фонарей, как в городе, и поэтому дачное небо сияло «алмазами». Но особый кайф — это разглядывание Луны в полнолуние. Увеличенная чуть ли не в сто раз, она находилась совсем рядом, казалось, можно перепрыгнуть через заборчик, и — гуляй по лунным кратерам. Когда я спросил сына о параметрах нового телескопа, то услышал:

«Раз в пять больше “Альтаира”. Увеличение — триста...»

«Да уж, Николке — в самый раз, — похвалил я. — Всё-таки седьмой год пошёл...»

«Как там Ваня поживает? Съездил в Голландию на заработки?»

«Да нет, не поехал он туда. Завербовался до лета экскаваторщиком на карьер щебёночный, под Олимпом где-то. Хорошие деньги ему пообещали. Я уже в телескоп посмотрел на Олимп, целых три карьера увидел в отрогах, но Ваню не разглядел», — пошутил сын.

Надо сказать, что громада Олимпа прямо перед балконом сына — через залив. На него можно любоваться даже без всякого телескопа.

На этом наша беседа по мэйл-агенту завершилась, и мы разошлись по своим делам.

«Моими делами» в тот момент был перевод с подстрочника на русский язык нивхского эпоса-настура «Поселение Бухты Чёрной Земли», который был издан позже на русском и нивхском языках.

Спустя ещё некоторое время из областной администрации просочились довольно странные слухи о том, что представители нивхской общественности обратились в правительство России с требованием о возмещении их народу морального и физического ущерба в размере трёх триллионов рублей.

Ущерб последовал от того, что в каменных карьерах области взрывались и перерабатывались на щебень их духи — хранители земли и защитники, заключённые в каменную оболочку.

Речь шла не только о так называемых кекурах, скалах-пальцах, но и о приметных камнях вообще, ибо в них, по свидетельству недавно открытого нивхского эпоса-настура, живут духи их предков.

— Почему заявлена именно такая цифра — три триллиона? — спросил я при случае вождя племени Кетнивгун, известного всему миру писателя-нивха.

— Число три издревле у нивхов считается магическим и священным, — с достоинством пояснил вождь. — Такая традиция...

Я вспомнил, что около двух десятилетий назад нивхская общественность уже пыталась привлечь внимание к этой проблеме, обратившись в облиспол-

ком. Хотя никаких требований возмещения ущерба и тем более цифр ещё не возникало.

Как бы там ни было, поскольку дело касалось народных верований и культуры, тогдашняя администрация поручила управлению культуры создать комиссию по изучению приметных скал — каменных идолов, чтобы выяснить, насколько плачевно обстоят дела у духов нивхских предков.

В эту комиссию включили и меня, а заодно ещё в одну, чтобы максимально использовать командировочные деньги — в комиссию по контролю за репертуарами видеосалонов, возникавших в те годы в районах, как грибы после дождя. Поступали жалобы, что в них крутят неподготовленной публике, включая детей, порнофильмы под видом эротических.

— Вот и будете совмещать приятное с полезным, — пошутил кто-то в управлении культуры. — Поедете в район, проверите, как обстоит дело с кинопродукцией, а заодно и на берег моря выберетесь, посмотрите на месте, не переводят ли на щебень приметные камни-скалы...

«Очень близко — от порнухи до камней, в которых — духи», — вдруг подумалось в рифму.

Но сомневаться не приходилось. Время было такое — на смену старым проблемам выплывали новые. В исполкоме районного центра, на заседании, посвящённом работе видеосалонов, миловидная дама — яркая блондинка, она же секретарь по идеологии горкома КПСС, с тяжким вздохом призналась:

— Самое трудное для нас — понять разницу и определить, где эротика, а где порнография. Нет никаких внятных инструкций. Всё так зыбко и туманно...

— Да нет ничего проще, — кинулся было я на выручку. — Сейчас я вам всё объясню...

— Не надо! Ради Бога! — раздался вопль.

Она даже заслонилась от меня рукой, возможно, решив, что я что-нибудь попытаюсь ей изобразить, и до конца заседания поглядывала на меня с опаской.

После обеда мы все выехали на морской берег осмотреть скалы-кекуры и вообще ресурсы каменных нагромождений.

— Да, действительно, каждая скала напоминает какую-нибудь фигуру, — глубокомысленно заметил бывший начальник профкома бумкомбината.

— Ой, смотрите, на кого похоже! — обратился я к давешней миловидной даме, которая, зазевавшись, оказалась рядом со мной.

— Опять вы про это! Прекратите немедленно! — потребовала она и спряталась за чью-то спину.

— Ну гляньте, вылитый же аист! — настаивал я.

Больше, слава Богу, таких выездов не было. Время меняло всё настолько стремительно, что никакие комиссии не могли поспеть за переменами.

За минувшие годы перестали быть секретом результаты изысканий сотрудников отдела паранормальных явлений Массачусетского университета, связанные с Бермудским треугольником. И вот теперь труды их научной лаборатории подкрепили жалобу нивхской общественности официальной гипотезой. По их версии, человечеству, пользуясь достижениями в области компьютерной техники, удалось проникнуть в иные измерения, в так называемое виртуальное пространство. Именно там вращаются астрономические суммы банковских денег — все эти доллары, евро, фунты стерлингов... Это мир «цифры», отражаемый обыкновенными флешками.

Так уж сложилось, что наиболее остро чувствуют нелады в окружающей среде народы так называемой параллельной культуры. Народы, которые тысячелетиями живут с глазу на глаз с природой, не отдаляются от неё. Одни из первых забили тревогу индейцы племени навахо в США.

В своём интервью специалист университетского отдела Джо Крэйнер, отвечая на вопросы журнала американского физического общества («Journal of Applied Physics»), сообщил очень любопытные вещи:

— Раньше мы особо не задумывались, откуда в наших компьютерах берутся вредоносные вирусы. Теперь же имеем основания полагать, что это духи предков индейцев из разряда неприкаянных.

Природные идолы охраняют землю и людей от пожаров, наводнений, землетрясений и прочих катаклизмов. Уничтожение каменной оболочки духа делает его «бесприютным», что в свою очередь ведёт к обнищанию и вырождению народа. Потому что «бесприютные» духи со временем переходят в разряд «неприкаянных», и часть их становится враждебными человеку...

— Значит ли это, что чем больше щебня мы выработаем, тем больше вирусов появится в компьютерах?

— Вполне возможно, что так...

— Но что изменится, если, к примеру, завозить щебень из Китая, как некоторые страны завозят китайский уголь? Там ведь тоже свои духи предков?

— Дело в том, что в Китае для «бесприютных духов», утративших свою природную оболочку, многие века существует прибежище — Великая Китайская стена. Так же как в Египте — пирамиды. Сторожевая функция духов в них сохраняется.

А для попавших по какой-то причине в «неприкаянные» — есть природные резервуары: Сахара, Каракумы, Калахари, Австралийская, Аравийская... Что-то вроде домов для престарелых и инвалидов. Вот здесь они утрачивают свою индивидуальность, ожесточаются, становятся враждебными людям. Именно оттуда они попадают в Сеть и просачиваются в наш мир, создавая время от времени переполох и наводя панику среди пользователей.

Они помнят тех, кто лишил их каменной оболочки и «сторожевого поста». Их всё больше...

«Верно, — отметил я для себя. — Мы ведь каждый год слышим: пустыня наступает на оазис, Каракумы продвинулись на полкилометра, Аральское море отступает перед пустыней... и тому подобное».

— Значит наступление песков и появление новых вирусов — явления одного порядка?

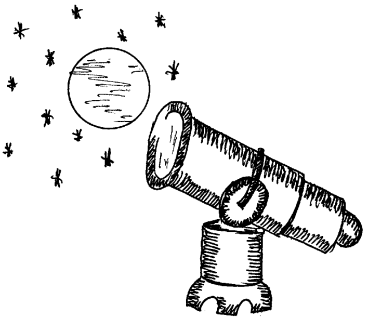
— Можно сказать и так... Но совершенно очевидно то, что на одном конце материка могут взрывать гору на щебень, а на другом по этой причине будут наступать пески...

Прочитав интервью, я понял, что не так-то всё просто с культовыми объектами верований древних инков, ацтеков, японских айнов и наших нивхов... Если припомнить все эти торнадо, наводнения, землетрясения, пожары, цунами последних лет, то, пожалуй, уже не тремя триллионами рублей пахнет, а гораздо большими издержками. «Слава Богу, что никому не придёт в голову взрывать Монблан или Олимп!» — подумал я. И тут меня осенило! Благо, вновь включился мэйл-агент...

«Тосик, нужно срочно отозвать Ваню из карьера, дать телеграмму премьеру греческого правительства, чтобы закрыли все карьеры в районе Олимпа, пока об этом не пронюхали анархисты. Иначе новых волнений в Афинах не избежать...»

После этого мэйл-агент с Тосиком отключился и не включается уже второй месяц. Надеюсь, он всё-таки прочитал моё послание, потому что сообщения о волнениях в Афинах в наших СМИ сильно поредели.

«Дай-то Бог, — думаю, — если всё-таки удалось помочь грекам преодолеть экономический кризис и укрепить порядок в стране...»



Доктора и менялы

Китай — особая песня и любовь в наших путешествиях. В сентябре 2007-го года мы впервые поехали в городок Удаляньчи. Час самолётом до Хабаровска, ночь на поезде до Благовещенска. А там, влившись в тургруппу «Феникса», организованным порядком — на катере через Амур в город Хэйхэ и дальше на автобусе до самого санатория «Рабочий».

Слаженность и чёткость действий китайских пограничников и таможенников, скорость прохождения туристов — впечатляли. Особенно по сравнению с такими же нашими службами, которые только в последние годы стали работать чётко, по международным стандартам. Обед в городском кафе был в меру экзотическим, с непривычными яствами. Кусочки пекинской утки, свинина с кисло-сладким подливом... Впервые увидели мы круглые обеденные столы с вращающейся столешницей. Здесь можно было не тянуться за приглянувшимся блюдом и не обременять просьбой соседа, а просто крутнуть верхнюю часть стола с блюдами.

В последние годы к нашим китайским впечатлениям добавился Харбин — бывший русский город с роскошной набережной над своенравной, угрожающей окрестным домам подтоплениями, рекой Сунгари, которая далеко на севере становится Амуром-батюшкой...

Трёхчасовой переезд представил в автобусном окне не очень населённую местность. В основном, это были

кукурузные и соевые поля, убегавшие за горизонт. Свернув с бетонной автострады на асфальтовую дорожку, укрытую тополями, увидели на них ряды алых флажков — что-то вроде пионерских галстуков. Мы-то поотвыкли уже от кумачовых украшений к праздникам.

Минут за сорок до места прибытия вдалеке возник конус, потом другой, третий... Это оказались вулканчики, которыми изобиловала эта местность северного Китая. Как и озёрами с лавовыми берегами.

Удаляньчи, с его чистым воздухом, с лавовым плато вокруг озера, ближним вулканчиком, по которому осенним золотом разливались рощи маньчжурского дуба, стало самым подходящим местом для нас во второй половине сентября. На наших глазах происходило перетекание зелёного в золотое. Таких чистых, лимонного цвета крон у тополей нигде больше видеть не доводилось.

Всё это настолько подействовало на меня, что, вернувшись домой, я легко бросил курить — будто и не курил никогда. Это после сорока-то с лишним лет пребывания в табачном рабстве.

На следующий год мы уже расхаживали по санаторию с видом бывалых людей, радуясь знакомым местам, приметам, людям. Даже престарелому белобородому человеку с обликом древнего мудреца, который подходил с протянутой рукой и словами:

— Помогай надо...

Я специально придерживал для него бумажки достоинством в один юань и при встречах «помогал». Мы так его и звали между собой: дедушка Помогай.

В первый же вечер из кустов за краем тротуара, по которому мы гуляли, раздался тонкий голос:

— Вам четыре пятьдесят две поменять не хотите?..

Следом осторожно выполз в сером плащике, держась за велосипед, меняла Федя. Велосипед — то ли для конспирации, то ли для быстроты убегания, если что...

В прошлом году он был похож на мандарина из китайских сказок. Громко восторгался:

— Уй-й! Тебе жена какой хороший! Уй-й!..

У него был магазинчик, набитый всякой электроникой, мы у него что-то покупали. В этот раз — ни Феди, ни магазинчика не обнаружили. А заглянув к другому меняле с таким же магазинчиком, услышали:

— Федю санаторий сказаля: «Твоя всем обмануля. Иди на х...»

Это указание направления для Феди меняла сладострастно повторил насколько раз.

Что Федя жуликоват, видно было невооружённым глазом. Его вкрадчивая манера разговора и жалобно-просительные интонации усугубляли такое впечатление. Хотя весь его вид свидетельствовал, что он — маленький, круглоголовый мандаринчик, которому несладко в жёстких условиях конкурентной борьбы — весь к вашим услугам.

Я помнил, как однажды, зайдя к нему поменять рубли на юани, едва раскрыв рот, замолчал и отвернулся к прилавкам. Потому что вошёл дородный китаец, перед которым Федя, несмотря на свои округлости, подобострастно изогнулся и, улыбаясь, лепетал что-то по-китайски. Вошедший же, обронив два-три слова, ушёл.

— Уй-й! Какой твоя умный! Уй-й, какой умный! Как поняла, что это начальника санаторий?!

Я, конечно, не понял, что это за «начальника», мне до него и дела не было. Но многолетний житейский опыт подсказывал: никаких финансовых дел при посторонних вести не следует.

Кроме того, стало понятно, что менял валюту Федя в своём магазинчике нелегально. Как и все остальные, впрочем. Ещё дорогой, сначала в Хэйхэ, а потом и в Харбине, когда мы изменили маршрут, — нам говорили, что менять нужно там, ибо в санатории курс плохой. Однако это оказалось неправдой. Деньги меняли в Удаляньчи все, кто стоял за прилавком, по разным курсам. А то и просто брали плату за товар рублями.

В борьбе за клиента не стеснялись. В ответ на наше простодушное замечание, что в Харбине мы видели в таком же магазине шёлка — в Китае их называют шёлковыми фабриками — одеяла подешевле, реакция продавщицы была молниеносной:

— Харбине натуральный ничего нет...

Видимо, Федина алчность и мухлёвки сыграли роль в его выставлении из центра санатория на задворки — там, за прудом с цветущими лотосами горела в четверть неба электрическая реклама: «Электроника у Феди. Меняю валюту».

Однако по вечерам охрана санатория перекрывала отдыхающим вход в тот магазинный «куст» за прудом, и Феде приходилось делать вылазки на санаторные аллейки в поисках клиентов. Что это для него небезопасно, мы поняли, когда по дорожке пронёсся Федин конкурент-меняла, горящим взором обшаривая окрестные кусты. Но Феди с велосипедом и след простыл.

Короче говоря, это селенье с его обитателями полюбили мы сразу. Позже, когда стали ездить туда не через Благовещенск — Амур — Хэйхэ, а летать через Харбин, наша симпатия распространилась и на этот город — столько красоты и удобства было во всём, начиная от отеля, магазинов подземных и наземных, парков, океанариума — до набережной и сияющих неземными огнями вечерних площадей.

Лишь однажды изменили мы Удаляньчи, отправившись как-то в конце августа на Жёлтое море, в Бэйдайхэ — курортный район в двухстах восьмидесяти километрах к востоку от Пекина.

Анюта, в ту пору пушистая блондинка, вызывала большой интерес у местного населения: «Уй-й! Какой хороший!» Тамошний интерес мог сравниться только с интересом продавцов в Египте.

— Зачем тебе такой старый муж? — спросил её араб в ювелирном магазине.

— Затем, что очень опытный, — прозвучал достойный ответ на фоне только что прозвучавшего моего опасения, что в этой лавке «золотишко» не внушает доверия.

Здесь, в Китае — в Удаляньчи, в Бэйдайхэ, в Харбине — мамаши с детками, просто девушки — не раз подходили к ней с просьбой сфотографироваться вместе или просто рассматривали её.

В санаторном кабинете «ухо-горло-нос», где мы на топчанах принимали какие-то ингаляции, хозяйка — доктор Света, поняв, что мы — муж и жена, подскочила ко мне и с укоризной потыкала пальцами в лоб:

— Коля! Хулига́на!..

Её можно было понять: наши года рождений на санаторных картах очень далеко отстояли друг от друга.

У нас на глазах происходило преображение жизни китайских граждан. Если в первый год знакомства с Китаем медперсонал санатория приезжал на работу, в основном, на велосипедах, которые ставились под большим навесом, то через пару лет их потеснили мотороллеры и мотоциклы. Городской транспорт тоже с каждым нашим приездом преображался. От таксомопедов с открытым кузовом, на которых мы не раз подъезжали с шиком от рынка к воротам санатория — до малолитражных легковых автомобилей: такси начала второго десятилетия нового века.

Бесстрашная готовность взяться за любое дело — ещё одна черта китайского характера. Кинофильм «Пианино на фабрике» очень точно отображает эту черту. Там несколько друзей-рабочих изготовили вместе со своим «худруком» рояль с нуля для его дочери, хотя раньше не имели никакого представления о том, как и из чего его делать.

Когда в Бэйдайхэ, в самом начале общения спросил я нашего гида Машу, какие тут цены в стоматологии, она немедленно развернула меня к свету:

— Так! Покажи зубы!..

Правда, тут же спохватилась, вспомнив, что доктор-стоматолог вовсе не она...

«Маша-растеряша», — характеризовала она себя в дальнейшем, демонстрируя этим тонкости знания русского языка, а вовсе не собственные деловые качества, как могло показаться. Русский язык Маша изучала в университете Бишкека, а не в России, и говорила довольно хорошо.

Море и вправду оказалось жёлто-бурого цвета, возможно, оттого, что небо часто было прикрыто дымкой. Небольшой, уютный городок с живописной архитектурой магазинчиков, отелей, домов с массажно-процедурными кабинетами, с богатыми фруктовыми и сувенирными рынками, с пляжным берегом — словно создан для того, чтобы радовать глаз.

Олимпийский парк в центре Бэйдайхэ, построенный в 2004-м году специально к Олимпиаде 2008-го года, удивил поющими фонтанами с цветомузыкой, уникальными скульптурными композициями, являя собой, по сути, художественный музей. Таких парков я и в столицах наших не видел.

Запомнились экскурсии на Великую Китайскую стену и в природный зоопарк-сафари с птицами, где можно гулять среди журавлей, павлинов и фазанов. Это самый большой и красивый зоопарк в Китае. В нём представлены десятки видов животных, которые живут в природных условиях без вольеров. Мы ехали в автобусе мимо дремлющих на лужайках львов и тигров. Мы наблюдали природную жизнь обезьян на скальном берегу озера. Гуляли по мостику над штабелями, иначе не скажешь, крокодилов. Запомнилась «группа» медведей, вставшая при приближении нашего автобуса на задние лапы и протянувшая — все как один — передние лапы за подаянием.

Надивовавшись на всё это, мы вновь обратили свои взоры к Удаляньчи. Ибо уже скучали по этому курортному селеньицу, по его воздуху, по вулканчику с дубовой

рощей наверху и буддийским храмом в кратере, по озеру с лавовым плато. По обустроенным дорожкам для гуляющих на плато, которые снабжены указателями с чудесными надписями: «Лава образа носа слона», «Озеро камыша»... Или призывы: «Осторожно с безопасностью», «Не топтать насекомых в траве»... Черта китайского характера, как я понял, — не заморачиваться! Всё у них пишется как слышится. Огромными неоновыми буквами над магазином его название — «Супермарки».

Китайские доктора в санатории, продавцы в санаторных магазинчиках — все, кто имеет отношение к турсервису — присваивают себе русские имена: Маша, Саша, Сева, Лиза и так далее. Для удобства в общении. Каждому из нас выдали санаторную карту, где значились тоже только имя и возраст.

Думаю, справедливо, что они считаются лучшими в мире массажистами. Учатся четыре года, а потом каждые полгода — переаттестация с повышением или понижением категории.

По русскому языку они даже сдают экзамены. Поэтому частенько, услышав какое-то незнакомое слово, переспрашивают и записывают его значение к себе в тетрадочку. Там у нас с первого года и на все последующие определились свои доктора-стопники...

Валера

Моего доктора зовут Валера. В моём представлении он — лучший в мире массажист-стопник. То, что состояние стоп, да и вообще ног, существенно влияет на качество жизни, известно любому зрелому человеку. У Анюты свои стопницы, которым она безоговорочно доверяет: Марина и Лиза. Именно к ним приезжаем в Удаляньчи уже лет восемь. Для них мы — Коля и Аня, и никаких других величаний нет. Такой формат имён облегчает взаимное общение.

Когда мы познакомились, Валере было двадцать семь, а сейчас тридцать пять. По-русски он хорошо понимает то, что необходимо для работы — числа с названиями дней недели и часы, чтобы назначать сеансы. У него приятный облик сказочного Чиполлино с чёрным ёжиком волос. Очень доброжелательный и заботливый. До сих пор не могу привыкнуть к его обычаю надевать после массажа клиенту носки.

Сам спортивного вида, как и все доктора в санатории, иногда при встрече шутливо похлопывает меня по животу, спрашивая:

— Кушаля! Много кушаля?..

Но это ненавязчиво, изредка.

По-русски он знает только то, что касается лечебно-массажных дел. На вопросы, задаваемые мной в поряд-

ке поддержания светской беседы, он честно, немного нараспев отвечает:

— Не зна-а-ю...

Но там, где знает — ответ мгновенный.

— Отчего это сегодня, доктор, у меня голова побаливает и вообще колбасит? К непогоде, что ли?..

— Прасты-ля-я...

— А локоть отчего у меня крутит?..

— Ше-йа. Хандроса...

У Валеры мощный мотоцикл, на котором доводилось видеть его, выезжающего по санаторным аллейкам с работы домой. Приезд на работу увидеть не случалось, потому что начинает он трудовой день с шести утра, что соответствует нашим сахалинским — восьми. Время пекинское по всей стране. Поэтому в девять вечера — отбой, в пять утра — подъём.

От него и других докторов знаем, что он страстный рыбак. Иногда в салон заявляются такие же фанаты рыбалки с мешками, набитыми всякой снастью. Или притаскивают спиннинги, катушки к ним, лески, крючки... Валера придирчиво изучает их, выстраивает в ряд, что-то отбирает, отбраковывает...

На вопрос «курил ли он когда-нибудь табак?» ответ однозначен: «Нет, никогда...» И Валера был бы безупречным героем, если бы не одна слабость, о которой он улыбчиво сообщает следом:

— Водка пи-ю...

Да, помнится, однажды во время сеанса ворвалась его жена Лариса и начала по-китайски так громко и свирепо орать на него, что я не выдержал и спросил, отчего такой бедлам.

— Водка пиля! Многа пиля! Валялися!..

Валера застенчиво улыбался, сопел и молча продолжал массаж...

За все эти годы только однажды видел я его с ободранной щекой.

— Мотоцикля упаля, — объяснил он.

Однако коллега-доктор Лиза по китайскому обычаю рубанула правду-матку:

— Водка пиля, мотоцикля падаля...

Однако выпившим или хотя бы с перегаром я за все годы нашего общения Валеру не видел.

Вечером доктора разъезжаются к западным и южным воротам санатория. Мотоциклы почти бесшумно крадутся по дорожкам. И когда я испуганно спрыгнул с дорожки, уступая путь встречному мотоциклу, то от хозяина его услышал пропетое по слогам с широчайшей улыбкой:

— Не бой-ся! У ми-ня есь тор-мо-са!..

Большинство работающих в санатории хоть немножко, но знают русский язык. Однако когда в разговоре с Валерой к слову пришлось название города Токио, то мы определили его с большим трудом. И он долго не мог понять, что это за город такой. Пока я не нарисовал ему карту с Москвой-Пекином-Токио. Последний по-китайски оказался чем-то вроде «Дыгоу»... Кстати сказать, к китайскому произношению ни Харбин, ни Пекин, ни Сунгари, ни Китай, ни джапон, ни даже чина — отношения не имеют.

На востоке — озеро и вулканическое плато, куда мы с Анютой ходим гулять.

Как-то, в позапрошлый год, позвали нас наши друзья-доктора на прощальную вечеринку, которую они собрали для особо доверенных пациентов. В их число попали и мы с Анютой.

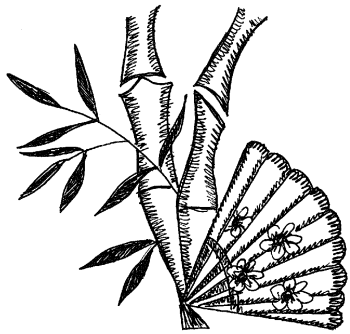
Собирались конспиративно за воротами санатория, поскольку докторам неформальное общение с нами запрещено. На двух машинах вся компания выехала в деревенский ресторан неподалёку.

Мы поместились за круглым столом в отдельном кабинете. Кроме риса, лапши, китайской капусты запомнились и мясные блюда из свинины: жареной-пареной, тушёной, в сладком соусе... Доктора и пациенты, общим числом с дюжину, клялись в дружбе и преданности, перебивая тостами друг друга.

Валера деликатно помалкивал, но зорко следил, чтобы стаканчики соседей и соседок ни на миг не оставались пустыми. Сразу же после опрокидывания очередных соседских стопок протягивалась Валерина твёрдая рука с бутылкой и наполняла их. Сам же он, как мне показалось, только пригубливал.

Родился и вырос Валера в Удаляньчи. Окончил Харбинский мединститут и вернулся в свой городок работать в санатории «Рабочий». У него тринадцатилетняя дочь.

— Школю ходиля. Такой... — приставив ладонь к переносице, обозначает он рост дочери.



Сапожник Лю

«Находясь в одном месте, узнавай про другое» — эта мудрость вполне могла бы стать одной из туристических заповедей.

— Где здесь ремонт обуви? — спросил я куню в магазинчике, где Анюта примерялась купить свитерок в связи с наступлением заморозков.

Ку́ня — обращение к китаянке, родственное нашему «девушка». Многие куни за прилавками магазинов похожи на девиц из сказок Пу Сунлиня «Лисьи чары». Некоторые из них немного понимают по-русски.

Завершив очередную прогулку на лавовом плато у озера, обнаружил, что подошва левого сандалета лопнула поперёк. После выяснений у продавщиц в магазинчиках, оказался около сапожной будки напротив рынка.

— Найдёшь сапожника Лю. У него хорошо и дёшево... — навела меня последняя из кунь.

Перед будкой сидели на парусиновых стульчиках три мастера: двое помоложе, и с краю — старичок. К нему-то я и направился.

— Друг-хорошо-садись, — пригласил он.

Я вытащил из рюкзака сандалеты, развернув к нему злополучную подошву. Он закивал, повторяя:

— Друг-хорошо...

Для верности я показал на кусок резины возле него, изобразив жестами, что это нужно приладить к сандалетам. И услышал опять дружелюбное:

— Друг-хорошо...

— Сколько юаней? — спросил я, пошелестев большим и указательным пальцами, как это делают во всём мире, когда речь идёт о расчётах.

Он заулыбался и нарисовал на асфальте цифру тридцать.

— Когда? — спросил я напрямую по-русски.

Он понял и изобразил на пальцах цифру «один», помахав в сторону рынка. Это, возможно, означало: «Погуляй и приходи через часок...»

Когда я вернулся через час, он приколачивал каблучок к сапожку для девушки, сидевшей напротив. Сандалеты лежали под табуретом и, судя по всему, были готовы.

— Друг-хорошо-садись... — разулыбался он снова.

Я присел рядом на складной стульчик, а он заканчивал свою работу, ласково поглядывая на меня.

Девушка ушла. Сапожник, достав сандалеты, показал на лист капроновых подковок, спросил кивком: «Надо ли?»

Я сомневался. Сандалеты, приобретённые в маленьком городке северной Греции, служили исправно уже года четыре. И ещё бы служили без всяких «примочек», если б не этот злополучный разлом.

Но он показал мне на скошенные ходьбой задники подошв, — передние половинки были уже оснащены резиновой обновой, — и я кивнул утвердительно.

Он тут же зачистил рашпилем, где надо, и ловко приколотил подковки.

— Сё! — сказал, подавая обувь и накинув мелком на асфальте десятку.

— Отлично! — похвалил я, доставая деньги. Но вручить их не успел.

— Друг-хорошо! — показал мастер на задник левого сандалета, и я увидел, что прошитость его не безупречна — уголок сантиметра на два отошёл от подошвы.

— Надо делать, — сказал я и протянул сандалет обратно.

Он начал прокалывать микропорку кривой иглой, протаскивать ею дратву и завязывать, где нужно, узел-

ки. Затем, покапав на узелки жидкостью из белого флакона, сказал своё «сё!» и вернул мне левый сандалет, нарисовав за эту работу на асфальте ещё пять юаней.

— Отлично! — опять порадовался я. А он, потянув к себе теперь правый сандалет, показал на такой же дефект.

— Делать, конечно! — нисколько не задумался я и услышал:

— Друг-хорошо!..

И снова, ласково поглядывая на меня, начал прошивать второй сандалет.

Кожа прокалывалась с трудом. Ведь это была натуральная кожа отменного качества. И прошиты были сандалеты на совесть. Они побывали в разных переделках, дышали альпийским разнотравьем в горах Олимпа, слушали многоголосый хор золотых лягушек в развалинах города Диона и тому подобное. Но всё же четыре беспощадных года, вернее, четыре лета путешествий «подкосили» и такую добротную прошивку.

Вдруг, отвлёкшись от работы, мастер ухватил седую волосинку на моём запястье и, тихонько подёргав, тут же показал на свою руку, гладкую, как кожура мандарина.

— Друг-хорошо!..

— Отлично, друг! Хорошо! — не смолчал и я, сдёрнув с головы кепку с «ушами», и показал на свой седой ёжик.

— О! Друг-хорошо! — восхитился мастер и сдёрнул ответно кепку свою, под которой оказались полуседые спутанные пряди.

Лицо его светилось искренней радостью и теплотой. Мелком на асфальте он нарисовал цифру «63», и я поначалу подумал, что так выросла плата за ремонт моих сандалет, но затем догадался, что это ему — шестьдесят три года.

Кивнув на мелок, он приостановил работу своих ловких пальцев в ожидании ответа. Я ответил цифрой «66», и восторг его оказался беспределен.

— Друг-хорошо! — повторял он, показывая пальцами «три» — разницу в возрасте.

— Наши козыри покруче! — объяснил я ему ситуацию.

И тут он протянул мне правый сандалет со своим обычным «сё!» и цифрой «5» на асфальте.

— Хорошо! — опередил его я, примеряясь сунуть обувь в пакет.

Однако мастер, мягко придержав мою руку, указал на такое же недоразумение с прошивкой у носка первого сандалета.

Когда наконец он исполнил и это, а я рассчитался за работу суммой, лишь немного не дотянувшей до возраста мастера, мы — со взаимными поклонами и улыбками — расстались.

— Друг-хорошо-пока! — добавил он ещё словечко к ритуальной паре.

— Пока!..

— Пока! — махали мы друг другу ладошками до тех пор, покуда я наконец не перешёл улицу на сторону рынка.

— Ну вот! Опять всё самое интересное без меня! — расстроилась Анюта, когда я рассказал ей про сапожника Лю.

— Ничего, дорогая. Я только что обнаружил в носовой части левого сандалета ещё одно небольшое отслоение. И завтра мы вдвоём наведаемся к нему.

После всех знакомых «ритуальных» слов и перед обязательным «сё!», мастер побрызгал на подошвы из белого флакончика и пробормотал над ними что-то вроде: «кей-во» и «кей-ни»...

Не скажу, что на подковках я почувствовал себя устойчивей. Однако былую разношенность при ходьбе сменило некое чувство новизны. Шаг мой стал как бы точнее...

На тропинке у озера, где мы прогуливались, я чуть было не наступил на палку, лежавшую поперёк пути. Но в последний момент подошва словно упёрлась в воздушный шарик, и нога плавно соскользнула вперёд.

— Смотри, змея! — вскрикнул я, напугав Анюту, шедшую впереди, но чуть в стороне.

А «палка» змеиным зигзагом уже улепётывала в кустарник.

— Судя по размеру, — уж, — успокоил я жену. — Не гадюка какая-нибудь. Уж — это не опасно...

— Ну, зубы-то и у него есть, — не согласилась она.

Да, я чуть было не нарушил святую заповедь путника — не наступать на палки, лежащие на тропе. Любая из них может оказаться змеёй, как мы только что и видели...

Увлёкшись разговором, я чуть было не наступил на гусеницу, но вновь ощутил сантиметрах в десяти от неё упругую поверхность «воздушного шарика». И опять нога плавно скользнула вперёд и чуть в сторону. Заинтересовавшись, я снова, теперь уже специально, занёс над ней подошву, и всё повторилось.

— Вот-те на!

Заинтригованный новым свойством своей обуви, я начал опробовать его на всех ползущих, семенящих навстречу, попутно и поперёк, а также греющихся на солнышке — жучках, сороконожках и даже шмеле... Все они оказались защищены от моих сандалет упругой воздушной подушкой, когда я осторожно приближал их к насекомым. Даже над мелочью — рыжими мурашиками, бегущими вдоль дорожки, — возникал, непонятно откуда и как, невидимый воздушный шарик.

Сомнений не было — отныне всё живое защищено от подошв моих сандалет. И сделал это каким-то своим заговором сапожник Лю. А может быть, всё дело в жидкости из белого флакончика... Как же он догадался, что для меня так важно: не наступить на живое существо?!

— В следующий раз какую-нибудь свою обувь для ремонта у него привезу из дома, — сообщила Анюта, когда я поделился с ней своим открытием.

Дома я легко нашёл в интернетном русско-китайском разговорнике таинственные слова «кей-во» и «кей-ни».

«Дай» и «возьми» — вот как это переводится. Ничего особенного, словом.

Комариная охота

Каждый раз, бывая в Удаляньчи, удивляюсь отсутствию комаров. Просто ни одного — ни на улице, ни в помещении.

А дома, перед самым отъездом, пришлось даже москитные сетки на окна поставить. Однако это не очень выручило. Возможно, они проникают в дом через вентиляцию. Двух-трёх вполне хватает, чтобы отравить ночь. Даже стрижи, прилетающие в начале лета, не справляются с комариным засильем. Как и привычные наши «таблетки» в нагревателях.

Поэтому первым делом отправился за рынок, в магазин «Мир товаров у Юры». Юрла, как он себя называет, обычно встречает меня, его постоянного покупателя, тёплым приветствием: «О! Мой лучший дрлуг!» Но в этот раз, едва переступив порог магазина, услышал из-за дальнего прилавка ещё более задушевное: «О! Мой брлат по крови! Как я тебя скучал!» Где он набирается такого — загадка.

Всякий раз, попадая к нему, приобретаю какую-нибудь диковинку, невиданную прежде, небольшую, но позарез необходимую в быту. То это будильник, при встряхивании меняющий цвет циферблата и показывающий, кроме времени, температуру воздуха, то универсальный набор отвёрток с фонариком в одной рукоятке, то фонарик с лучиком, определяющим подлинность денежной купюры, то машинка для подстригания волос в носу и тому подобное...

Должен заметить, что ни один предмет, купленный у Юры, не сломался после доставки домой.

— Мне нужно что-нибудь для защиты от комаров, — сообщил я после заверения, что тоже скучал без его магазина.

Надо сказать, что обычных наших «примочек» от комаров — нагревателей с таблетками, действующих от электросети, в продаже там я не видел. Видимо, просто нет в них нужды.

— Зы-зы-зы-зы? — переспросил для верности Юра. И я подтвердил: «Зы-зы-зы-зы!»

— Конечно, есть! Юрла скрломный и честный! У него всё есть!..

Он открыл одну из дверок шкафчика, коих за его спиной было множество, достал небольшую коробочку, размером с пару спичечных, и, встряхнув, приставил к моему уху.

— Зз-зз-зз, — басовито откликнулась коробочка.

— Что это?! — испугался я.

— Не бойся, — успокоил Юра. — Это специально выведенная в горах Хуаншаня учёными из уезда Цимэнь оса — охотница за комарами... Ты её выпускаешь, — он нажал маленькую задвижку сбоку, — и она вылетает на охоту.

Из коробочки и вправду выползла крупная, похожая на шершня, оса и полетела кругами по магазину.

— Она перекусывает на лету каждого комара пополам, пока не останется ни одного, а потом возвращается в домик. Ведь здесь у неё спрятано лакомство-награда...

Юра открыл верхнюю задвижку: там действительно лежала пастилка цвета кошачьего «Вискаса».

— И на сколько охот её хватает? — озадачился я.

— На целый сезон. А потом она однажды улетит и уже не вернётся. Это будет означать, что жизненный срок её закончился...

После этих слов стало мне грустновато. И не только из-за комаров. Мы с женой завели как-то джунгарского хомячка, неутомимого трудоголика, крутившего года три своё колесо в клетке и строящего из сена себе норки. Припомнилась грусть, с которой хоронили мы его в газоне под балконом.

Ну и приступы пацифизма, одолевающие меня в последние годы, могли помешать преданию комаров такой жестокой погибели — путём перекусывания пополам.

— Может, всё же есть что-нибудь более механическое? — деликатно поинтересовался я.

— Конечно, есть! — потянулся Юра ещё к одной дверце.

Оса-охотница в этот миг закончила облёт магазина и, кряхтя, заползала в свою конуру.

— У Юрлы — всё есть, — повторил он и достал приборчик, похожий на рукоять с набором отвёрток. Распаковал и нажал кнопку. Раздался треск электрического разряда, и между двумя выступающими вперёд наконечниками пробежала синяя молния.

— Вот так — направляешь на комара, стреляешь молнией, и все они падают... Приходят в себя через сутки, — добавил «брат по крови», увидев, как содрогнулось моё лицо.

Юра тонкий психолог и внимательно наблюдает за бореньями, происходящими в душе покупателя.

— Ну, хорошо, если так, — заплатил я названную цену, не торгуясь, поскольку она была и так смехотворной на наши рубли.

— Юрла Иванов — твой самый честный и надёжный дрлуг! — проводил он меня до двери магазина.

В первый же вечер после возвращения домой вышел я на балкон с целью провести испытание нового грозного оружия и нажал кнопку... Внизу заквакала сигнализация одинокой «Тойоты». Напротив залаяли и задёргали поводки в руках у хозяев собаки, выведенные на прогулку в школьный двор. От балконного окна отпала муха... И стало тихо. Комаров больше не наблюдалось.

Но — горе! В тот же миг пропали и стрижи, за которыми мы так любили наблюдать каждое лето, до самых осенних заморозков. И это настолько огорчило меня, что я поклялся больше не нападать на комаров вне квартиры.

Стрижи вернулись ровно через сутки, когда очухались и пришли в себя комарики, как и было предсказано Юрой.

Ни в какие ворота...

«Грунтовая дорога могла быть и хуже», — решили мы, трясясь на маленьком автобусе из Ноглик в Оху. Нам говорили, что она сильно зависит от погоды — в снег или в дождь дорожное время увеличивается вдвое. Однако повезло: осеннее солнце щедро озаряло ярко-зелёные кедровые стланики на фоне жёлтых лиственниц вдоль совершенно сухой трассы. Заоконные пейзажи немного скрашивали мысли о том, что сидеть нам здесь почти безвылазно около шести часов, бросив вещи прямо на пол в хвосте автобуса.

Мы — несколько островных литераторов — пустились в это путешествие, чтобы провести творческие встречи в библиотеках самого северного района.

— И всё-таки в волшебном времени мы с вами живём, — сказал я тихонько. Хотелось прибавить оптимизма своим товарищам.

— Когда поднимаешься на «боинге», даже не сознаёшь, что взлетает триста человек — будто целый посёлок в консервной банке, — поддержала меня Анюта.

— Действительно, волшебство, — продолжила Ирина. — Если бы Чехову какой-нибудь провидец сказал, когда он тащился через Сибирь на перекладных, что через сто с чем-то лет станут возможны такие перемещения тысяч людей по воздуху, — думаю, даже он не поверил бы...

— Да уж! Ни в какие ворота уже это волшебство не лезет! — негромко заметил сидевший рядом со мной пассажир.

— То есть?.. — обратили мы на него свои взоры.

Сосед испытующе посмотрел на меня, как бы прикидывая: стоит ли доверить свою историю попутчикам. Но, видимо, она его распирала и требовала выхода.

— Со мною вот что приключилось полгода назад. Сынок мой Димон, Дмитрий, значит, увлёкся, как все тринадцатилетние, компьютерными играми. Ну и сидит себе за буком в свободное от учёбы время. Главное, что дома, на глазах. В школу сходит, во дворе с ребятами поиграет и снова за бук...

Пришёл я как-то с работы, ужинаю на кухне. Работаю в электрических сетях. Работа нервная, с вызовами на объекты связана. Жена моя Лена, учительница начальных классов, ещё из школы не пришла. Димону она мачеха. Первая жена моя отъехала в южные края давно уже. Так спешила, что Димку мне оставила.

Так вот. Ужинаю, ничего себе не подозреваю. Сейчас, думаю, футбол врублю на кабельном, отдохну... И тут звонок на домашний телефон. Брат мой Лёня звонит из Ярославля.

— Ты хоть в курсе, — спрашивает, — что Димон твой здесь у нас, в детском приёмнике?..

— Как, — говорю, — что ты несёшь?!

Перебрал, думаю, Лёня или перегрелся. Хоть и конец мая только ещё, для купального сезона у них на Волге рановато.

— Ты, говорю, Лёня, успокойся. Как мама там, — она с ними живёт, — здорова ли?

— Да мама, — говорит, — в порядке. А вот Димку ты почему одного отпустил, меня не предупредил, мы бы встретили?!

— Да что за чушь ты несёшь? Разыгрываешь меня, что ли. У Димона с обеда в школе уроки, скоро должен

появиться. Как бы это он, интересно, от Охи до Ярославля добрался за шесть уроков?

— Нет, это ты разыгрываешь. Вот и он ахинею какую-то несёт — чуть ли не на парашюте спустился. Я тебе из детприёмника звоню, его с нашей крыши сняли — пожарники с полицией. Мне не отдают, говорят, должны родители со свидетельством о рождении за ним явиться и ещё штраф заплатить...

Как я про штраф услышал, так всё и понял.

— Ага, говорю, и голос подделали. Про таких последнее время граждан предупреждают, чтобы они не верили подобным сообщениям...

— Ну, перезвони мне сам, если не веришь, — говорит он голосом Лёни...

«Ага, — думаю, — сейчас...» Сам быстренько мобильник Димона набираю. Но слышу — в соседней комнате вызов играет. Посмотрел: Димкин телефон на столе у него среди тетрадок лежит забытый. А он ведь никогда так его не бросал, если выходил из дома.

— Ну что, убедился, что это я, — спрашивает брат, когда я набрал его номер.

— Теперь, Лёня, внятно скажи, что случилось и при чём здесь Димон...

— Рассказываю. Приехали два часа назад из полиции, говорят: с крыши нашего дома сняли мальчишку, кто-то позвонил с улицы, что на нашей пятиэтажке сидит мальчик. В отделении ребёнок им сообщил, что проживает на Сахалине, а в этом доме находится семья его дяди, у которого он гостил прошлым летом с родителями. Как попал сейчас на крышу дома двадцать три по улице Берёзовой, пояснить толком не сумел. Так что, говорят, поехали разбираться. Вот я тебе из детприёмника и позвонил. Димона там уж так и сяк допрашивали: как он в поезд или в самолёт пробрался без взрослых, без денег, без документов...

— Так дай ему трубку!

— С ним психолог работает. Он вроде в шоке от переживаний, заторможенный малость. Ещё бы — восемь тысяч кэмэ самостоятельно преодолеть! Вот с капитаншей поговори...

— Папаша! Что же вы так за ребёнком смотрите, что он у вас в чужом городе оказался да ещё на крыше дома! Приезжайте-ка за ним с документами. Будем разбираться!

— Понял, брат? Давай в самолёт, и — жду тебя!

В общем, озадачился я. Тут Лена пришла, а я не знаю, с чего и начать разговор.

— Как такое может быть?! — теперь она решила, что я её разыгрываю. Утром завтракала вместе с Димоном. Правда, в школе его не видела, да и не всматривалась — у него свои уроки.

— Как быть? — спрашиваю. — За братом таких шуток не водилось вроде...

— Раз Лёня говорит — надо лететь. Он у тебя человек серьёзный ...

Очень она моего старшего брата за серьёзность уважает. Но легко сказать — лететь. Отпроситься на работе, договориться, подмениться... К тому же у нас не столица, самолёты не каждый день летают, куда нужно. Лететь нужно до Москвы через Хабаровск, а там на электричке до Ярославля...

Учительнице Димкиной Лена позвонила — не было его сегодня в школе. Почти до утра не спали, хоть я и сказал: «Давай не анализировать эту тему. А то вообще свихнёмся. Утро вечера мудренее». Наверное, в глубине души теплилась надежда, что назавтра брат позвонит и скажет: «Отбой тревоге». Глупая надежда, конечно, сына-то дома нет!

Позвонили с Леной всё-таки ещё раз брату на следующий день. Лена взялась за него, дескать, как Димон сам объясняет...

— До слёз мальца довели. А он стоит на своём: выпал-де из компьютера. Путешествовал по спутниковой карте в тех местах, где отдыхали прошлым летом. Она же до нескольких метров местность приближает. Над пляжиком по Волге прогулялся, над речным вокзалом... Улицу нашу, говорит, нашёл, дом. Обрадовался. Когда завис над крышей дядиного дома, картинку приблизил до упора. И помню, говорит, только звук, как штопором папка бутылку открывает: чпок! Оказался на крыше. Напугался, конечно. Потом огляделся: чердак изнутри закрыт. Снял рубашку, начал размахивать ею, как Робинзон на диком острове. Замёрз, говорит, до соплей. А там «пожарка» подъехала, и чердак открыли. Вытащили его привезли в полицию...

Менты, ясное дело, ни одному слову не верят. «Знаете, — говорят, — сколько у нас таких мальцов-бродяжек бывает? На дельтапланах прилетают и на ракете, из самолётов вываливаются от мамы с папой... Правда, из компьютера никто пока не выпадал. Ваш племянник, — говорят, — первый...» Да и я, честно говоря, извини, Валера, в такую сказку не верю...

— Так-то оно так, брат, — отвечаю. — Но ведь Димон никогда не врёт. В смысле — ни разу на вранье замечен не был. Такой «ботаник»... Достоинство своё бережёт.

— А обратно, — Лена говорит, — спросите его, не сможет ли он вернуться тем же путём? Дайте ему компьютер...

— Ещё чего! — тут уж я не выдержал. — Нефиг эксперименты на ребёнке ставить! На работе я уже договорился. К вечеру в Хабаровск вылетаю. Так что жди, Лёня!

С билетами проблемы не было, май месяц ещё. Народ на дачи только выбрался. В Хабаровске утром пересел на московский «боинг», из Домодедово до Ярославского вокзала, на электричку — всё, как по маслу, шло-катилось.

Брат меня встретил. Поехали сразу в детский приёмник. Димон ко мне бросился, как его привели. Носом хлюпает. Капитанша мне выговорила, когда я документы предъявил. И даже пошутила...

— Получше доглядывать нужно за сынком, папаша! Тем более фантазии такие у мальчика. Кто знает, что ему в голову в другой раз западёт. Вообразит, что он космонавт, проникнет в какую-нибудь ракету. Представляете, какой беспорядок может произойти в небе, среди расчисленных светил, так сказать...

Я клялся и божился, что парень мой — тишайший мальчик, что никакого беспорядка от него ожидать не приходится, что больше не повторится, и тому подобное...

— Все вы так говорите, — поджала она губки. — Штраф в Сбербанке заплатите по решению суда, квитанцию мне принесёте, и можете забирать своё чадо...

Штрафу того — триста рублей. Брат Лёня сбегал, заплатил, пока мы с Димоном тихонько сидели, разговаривали.

— Ты, — говорю, — не болтай больше про компьютер никому.

— Но я же правду говорю, — снова носом захлюпал. — Откуда я знал, что он так сильно приближает, что можно выпасть, как в окошко...

— Да кому она нужна, твоя правда? А если бы ты в Африке так на баобаб какой-нибудь вывалился?! Там ведь дяди Лёни нету. И получите нового Маугли, что ли?! Голову-то включай иногда...

Это я так без злости всякой, спокойно ему разъясняю.

— И в школе не вздумай сболтнуть. К психиатру отправят, а не к психологу, как здесь...

Забрал его. С братом и со всей его семьёй обнялись и уехали в Москву на самолёт. Когда одевались на выходе у Лёни, слышал, как супруга Валя спросила брата:

— Что-то они так коротко заехали? Не обиделись ли?..

— Проездом они. Валера в командировке. Димку взял с собой, чтобы впечатлений материковских парень набрался...

«Да уж. Мы-то больше врать приспособлены, чем Димон», — подумалось на выходе.

В школе Димка, молодец, не проболтался. Но из опеки два раза за эти полгода позванивали:

— Как там ваш сын, и всё ли в порядке? Нет ли каких-либо тревожащих вас проявлений в разговорах или поступках?

— Да нет, — отвечаю, — хорошо всё. Учится, книжки читает...

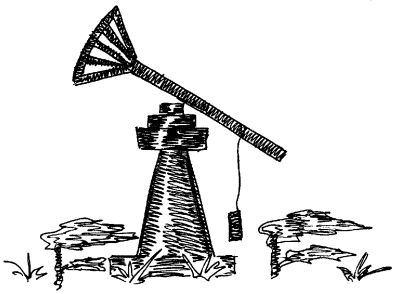
Действительно, у Димона учёба в порядке. На волейбол записался. Правда, к ноутбуку с опаской он поначалу подходил. Но потом этот псих прошёл. Зато в библиотеке стал чаще пропадать.

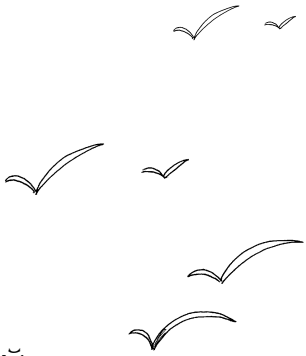
— Какую книжку читаешь, Димон? — спрашиваю на днях.

— «Гиперболоид инженера Гарина», — отвечает.

И хочется мне тут пошутить: «Смотри там, не зацепись за лазер какой-нибудь ненароком...» Но прикусываю язык. Ну его, это волшебство накликивать!..

Сосед окончил свою историю. Молчали и мы, слегка укачанные дорожными дюнами. Ехать оставалось не очень долго, о чем свидетельствовало появление нефтяных качалок в охинской тундре.





Танцующий слоник

Галерея, протянувшаяся вдоль дорожки через весь отельный городок, укрывала от солнца надёжнее пальм, прораставших в небо сквозь неё. Там, над крышей галереи, в кронах пальм протекала отличная от нашей, дикая жизнь. Иногда оттуда доносились птичьи голоса, перестукивание и перещёлкиванье её обитателей.

Но однажды сверзился сверху целый варан, длиною с метр. Рабочие на автомобильной стреле подрезали ветки пальм, на одной из которых он, видимо, зазевался. Звук был такой, будто шлёпнулось автомобильное колесо с высоты двухэтажного дома. Несколько прохожих и мы в их числе раскрыли рты. Рабочие замахали на него рукавицами. И красавец-варан, шлёпая по асфальту лапами, словно какая-то невиданная бронетехника, направился к ближайшей пальме, обнял ствол и по нему отправился обратно в небо.

О тамошнем зоопарке и говорить нечего. Кажется, что птицы, животные, в том числе и хищники, живут в своих природных ареалах. Настолько ухоженными и совершенно неугнетёнными они выглядят: смышлёный гиббон, мгновенно накрывающий животом вброшенный ему на лужайку пакет с едой, никогда не виданный прежде котомедведь, гуляющий по плечам туристов, маленький орангутанг, никак не желавший расстать-

ся с Анютой... И над всем этим — месяц, перевёрнутый в виде улыбки. Моё впечатление от Таиланда: флакон — три в одном. Греция, Турция и Египет вместе взятые. Хотя не очень-то тянуло меня поначалу туда. Казалось,Таиланд — слишком искусственный, слишком солнечный, слишком пляжный... Всё оказалось не так. На туристических «тропах» вполне сохранено удивительное своеобразие этого экзотического края. А главное — атмосфера умиротворения и покоя, какие ощущались прежде только в Греции; безупречность сервиса, присущая курортам Турции, и колоритность экскурсионных маршрутов не слабее византийских или египетских... И вот мы уже на слоновьем шоу в Таиланде.

— Ну можно ли быть таким бестолковым? — вздыхала Большая Няня, обдувая спину Малыша, разгорячённого танцем, после возвращения его с арены в отстойник.

Сама-то она видеть его выступление отсюда не могла. Но помнила, как однажды подсмотрела, проходя мимо арены, что выделывает Малыш под одобрительный гул трибун.

— Сколько тебя учили, как правильно танцевать, чтобы не отличаться от других! И кто же пускается в пляс сразу четырьмя ногами? Кто тебя учил подпрыгивать и дёргаться, словно ты испугался серой мышки? Даже дикие слоны в джунглях так не танцуют. Хорошо, что тебя не видит Старый Чанг, а то бы он очень расстроился. Ведь ты из его рода...

Старого Чанга недавно увезли в огромном кузове с решётками в неизвестном направлении. Однако откуда-то было известно, что всех слонов, неспособных по старости метать дротики в мишень, забрасывать мячи в сетку или накидывать кольца на шесты, и даже катать на спине туристов —держат в специальном загоне для стариков и больных.

Большую Няню Малыш любил. И не примыкал к слонятам постарше, которые кривлялись и передразнивали её грузную походку, лишь только она поворачивалась к ним хвостом. Ведь она заменила ему родителей, которых он не знал, поскольку привезли его сюда совсем маленьким из другого питомника в Лампанге.

К Няниному ворчанью он привык и в страшилки её почти не верил. Хотя его беспокоил один из её рассказов. Про то, как непослушных и неспособных к танцам малышей сажают в бочонки, где они становятся деревьями бонсай и навсегда застывают на аллее тропического сада Нонг Нуч. Волновало то, что он — ну никак не мог представить себя сидящим неподвижно в бочонке!

Малыш любил Большую Няню, но на арене делал всё по-своему. Как будто это не он танцевал, а кто-то владел его тельцем, заставляя подпрыгивать, притоптывать и крутиться в такт музыке, рокочущей над ареной. Одновременно с его выкрутасами нарастал гул рукоплесканий сидящих вокруг арены зрителей. Ему ужасно нравилось то, что он делал. Особенно, когда запрокинув вверх хоботок, наклоняясь то одним, то другим ухом к арене, отплясывал сразу всеми ногами так, что цепь на задней ноге брякала, словно ещё один музыкальный инструмент.

Краем глаза он видел, что взрослым слонам, степенно приплясывающим в единой шеренге, его трюки тоже нравятся...

— Смотри какой слоник! — восхитилась Анюта. — Как он радостно, необыкновенно танцует. И ножками, и хоботком, и ушами выделывает кренделя. И всё под музыку, как будто осознанно...

— Ну, вряд ли осознанно. Он ведь малыш ещё. Скорее, от природы одарён слухом, чувством ритма...

— Скажи ещё: чувством красоты...

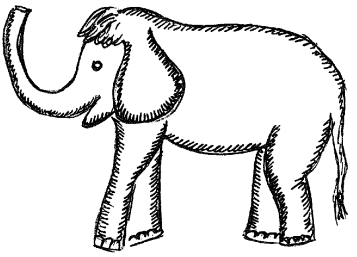
— И скажу! Что мы о них знаем? Ровно ничего. Как и о природе таланта. Зато они точно знают, чего от них люди хотят. Глянь, как тот огромный слон кидает дротики в мишень или набрасывает кольца на шест! Ведь ни разу не промазал...

— Конечно, ему же за это хозяин из ведёрка бананы выдаёт...

— Ну, ты тоже на работу не даром ходишь... А тот танцующий слоник просто фантастически одарён. По-моему, он просто наслаждается собственным творчеством...

— Вспомни тогда «умников» — моржа и морских львов в Харбинском океанариуме. Тоже ведь развлекают публику, словно люди. Просто в других рубашках...

Между тем, слоновье шоу заканчивалось. Взрослые слоны и те, что помладше, выстроились по ранжиру в одну шеренгу для поклонов, затем строем — хвост в хвост — труппа двинулась к выходу. Последний, самый маленький, всё ещё посылал хоботком воздушные поцелуи публике. Потом и он, приплясывая, побежал следом за старшими...



Шесть в одном

— Ну что ж, Малыш, раз мы сюда попали, будем осваиваться и действовать по тем правилам, которые нам предложат.

Вообще-то нечего и гадать, почему оказались мы в этой вольере. Хомики давно уже пытаются выяснить — кто по интеллектуальному уровню им ближе всего.

Сначала они думали, что это зависит от объёма мозгового вещества в черепных коробках, потом — от условий воспитания, которое они называют дрессировкой, а иногда — выработкой условных рефлексов.

В разные времена ближайшими сородичами у них считались то орангутанг, то собака или свинья, то корова и, наконец, дельфин...

Сам этот вид — хомо-сапиенс — имеет разные подвиды: хомики-мерикосы, хомики-джапаны, хомики-франсики, хомики-чиники и ещё много других.

Я назвал тебе самых опасных для жизни. Одни из них кромсают живых тварей, пуская их органы на всяческие бессмысленные опыты. Другие превращают самых безобидных существ на Земле в своё лакомство, третьи — просто убивают всякого, кто попадётся на пути.

Им удалось расщепить грубый атом, но за этим последовал тупик. И теперь их АЭСы, как не взлетевшие ракеты, непредсказуемо крутятся вокруг них самих, сея страх.

Хомики-мерикосы довольно долго выясняли, которое из живых существ самое устойчивое по выживаемо-

сти. Ведь ответ, по сути, означает, кому будет принадлежать будущее планеты после гибельных катаклизмов.

То у них это была ворона, то крыса. Последняя оказалась абсолютной победительницей, если следовать результату опытов.

Когда посаженную в аквариум пару разнополых крыс лишили кормёжки, то они производили потомство и питались своими детьми, продлевая собственное существование.

Но даже ты, Малыш, наверняка понимаешь, что этого недостаточно для завоевания будущего.

Ты спросишь, как же они вышли на нас? Дело в том, что хомики-чиники выяснили случайно, что мы не подвергаемся радиации. Ведь все тела и предметы после облучения сами становятся излучателями, а мы — нет.

Об этом прослышали хомики-рашики, и вот мы у них в вольере. Теперь они будут определять наш интеллектуальный уровень.

Видишь, Малыш, вверху листик салата? Так вот, они приставят к нему соломинку, и ты должен будешь догадаться, что к сочному листику можно добраться по ней...

Между тем, хомики-джапаны наткнулись на микроволны, излучаемые нашими природными «флешками».

Правда, они ещё не поняли, где источник этих волн. И то, что мы рождаемся из клубка благородных газов: гелия, неона, аргона, криптона, ксенона и радона — им не узнать никогда.

Ведь весь этот флакон: «шесть в одном» — модель зарождения галактики в космосе. Даже гелий и неон — вовсе не «химические мертвецы», как они считают.

Мы — дети общего разума. Никто из нас не исчезает насовсем. Когда кто-то из нас уходит, то тут же из клубка одноатомных газов возникает наш новый собрат с маленькой ракушкой наперевес.

Правда, кроме нас, общим разумом обладают ещё и муравьи. Но ввиду их многочисленности и разновидовой агрессивности Бог не дал им наших рожков — каждый

по одному миллиону гигабайтов. А без них невозможно овладеть абсолютным знанием.

Поэтому они суетятся, как в потёмках, и всё им нужно потрогать собственными лапками или жамкнуть жевалами.

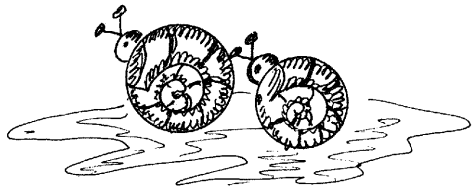
Скоро и у тебя, Малыш, вырастут рожки, ты вольёшься в общий разум и получишь абсолютное знание. А пока начинай двигаться. Демонстрируй хомикам свои умственные способности.

Я же пока буду изображать очередь. Вернёшься ты — полезу по соломинке я.

Возможно, нам уже и не выбраться отсюда на свою лужайку, говоря языком хомиков, «не выпить утренней росы с листа подорожника...»

Но ты не вздумай горевать из-за этого. Помни, что мы дети общего разума. Мы приходим, уходим и снова приходим.

Ведь все мы — одно и то же...



Утром на горы свой взор обрати...

Честно признаться, не люблю ходить в горы, тем более карабкаться на них. С детских лет не любил, как будто предчувствовал, что дальнейшая моя жизнь будет, в основном, протекать на верхних этажах, без лифтов. При том что любоваться горами — одно из любимейших моих занятий.

И всё-таки случалось восходить, карабкаться к самым облакам и застывать там, обалдев от перспектив и панорам.

Большой Чимган, покорённый, играючи, в юности, снится до сих пор. Его снежники в верхних расщелинах, которые переходили мы с приятелем в китайских кедах — единственной спортивной обуви тех лет — вспоминаются с нежностью. Зелёная изнанка Большого Чимгана, похожая на футбольное поле, поставленное почти вертикально, горные тропы над Бричмуллой, с которых иногда видна хризопразовая нить Кок-су, выпадающая из ущелья — всё это перед глазами. Как и орлы, кружащие в ущелье на уровне наших с Тосиком ног перед горным плато под названием Суфá. Брошенный кишлак по имени Мык, в который мы решили спуститься, выглядел небольшим блюдцем.

Когда мы спустились в него, то увидели сады с деревьями, гнущимися от перезрелых плодов: абрикосов, вишен, персиков, груш, айвы, яблок... Мы набили рюк-

зак фруктами для компота — об этом просили друзья-астрономы, у которых мы гостили на Суфе. Орлы теперь кружили высоко, под самыми облаками. Нам предстояло подняться обратным путём и вновь возвыситься над ними. Путь наверх по кустарникам и душистому разнотравью оказался не таким уж и утомительным, даже для десятилетнего сынишки. Потому что Среднеазиатские горы — самые чудесные!

Помню и переход от речки Большой Александровки через перевал на западный склон хребта Крутого к развалинам бывшего посёлка Октябрьского на Сахалине. Со мной в тот раз был сын Антонин, которому уже стукнуло шестнадцать годков, друг-писатель Толяша на шестом десятке, и царственно золотой, шестилетний рыжий колли по кличке Агат.

Направлялись мы к агатовым выносам в устье реки Чёрной. Стоял август. Вдоль горной дороги нависали кусты малинников. Даже воздух был напоён запахом малины. Тосик с Агатом то и дело заваливались в кусты лакомиться ягодой, и я поочерёдно выкликал их. Нужно было успеть засветло добраться до места, поставить палатку, развести костёр и поужинать.

Перевалив на западный склон, мы проходили по узеньким зашлакованным улочкам бывшего посёлка вдоль фундаментов и развалин, похожих чем-то на развалины Помпеи. Наверное, все развалины былых цивилизаций таковы...

Потом мы шли морем по отливу и выдёргивали из мелководья сияющие самоцветы.

На следующий день с одного из речных склонов буквально скатились ободранные кустарниками и камнями Тосик с Толяшей, кляня на чём свет Агата.

Из их сбивчивых речей стало понятно, что Агат легкомысленно облаял в горах стадо пасущихся наверху бычков. И всё стадо устремилось на мирных наших путешественников, вынужденных, ища спасения, скатить-

ся по склону вниз. Замочив в морской воде ушибы и ссадины, они всё охали и делились переживаниями.

Чреватая неприятностями история приключилась с нами на Монероне, когда мы почти в том же составе — только вместо Агата был друг-поэт Володя — возвращались горной тропой от бухты Калагераса. Мы уже подустали и шли, миновав перевал, не торопясь, предвкушая скорый отдых с ужином.

Любование сверху штилевым морем входило в программу нашего похода. А острова Красные, тронутые закатом, оправдывали своё название.

Оставалось пройти метров тридцать по узенькому, шириной с кирпич, гребню, по обе стороны которого — лучше не вспоминать — пропасть. Гребень проходили, уже не любуясь закатом. Солнце закатилось за море, и мы обнаружили, что, едва заметная и днём, тропинка на крутом каменистом склоне, пропала в сумерках. Нам всего-то и оставалось — спуститься вниз, проскользнув между крутыми скальными отвесами.

Первым ситуацию оценил Толяша.

— Скорее! — закричал он. — Бегом!

И ринулся очертя голову вниз. Мы — за ним, обдирая руки-ноги-одежду, и успели! Добрались до подножия уже в полной темноте. На ровной прибрежной поверхности мгла не пугала. Меня, во всяком случае. Но то, что со мной были двое «слепошарых», как говорил Толяша, очкарика: друг-поэт и друг-прозаик — могло обернуться ночёвкой на гребне. Обратно по нему в темноте мы бы не прошли, и спуститься — ни луны, ни звёзд, ни фонарика — не смогли бы в потёмках. Минут пять-шесть решили дело. И, конечно, Толяшин опыт, привезённый на Сахалин с гор Алатау.

Автомобильная экзотика

Опыт путешествий на собственном автомобиле у меня не очень велик. И дело здесь не в бывшем моём «запорожце», а в условиях нашей тогдашней советской жизни. Чуть больше десяти лет проведено мной за рулём. В основном, машина служила для поездок на дачу. Для этого она и была куплена по льготе Союза писателей. Просто так взять новый автомобиль было не так-то просто. Существовали ещё списки ветеранов, инвалидов и тому подобные. Москва выделяла машины и для писателей согласно их заявкам. Поэтому приобретали автомобили все мои товарищи по перу: если не для себя, то для брата-кума-свояка...

— Бери «жигули»! — уговаривал меня Иван Белоусов — руководитель писательской организации.

— Да нет, «запорожца» на дачу ездить вполне хватит, — отнекивался я.

На самом деле «запорожец» стоил пять с половиной тысяч рублей, а «жигули» вдвое дороже. Если пять тысяч возможно было назанимать по знакомым, то десять — уже нереально. К тому же, несколько лет назад нам пришлось выплатить пять тысяч при обмене квартиры в Горнозаводске на южно-сахалинскую. И «сало» ещё не наросло.

Так что вскоре я стал владельцем оранжевого, по документам — «кирпичного» «запорожца». Отходив

на трёхмесячные курсы автолюбителей в Елани и получив права, автомобилистом себя не считал. Слишком далёк был мир моих увлечений и пристрастий от всяческих механизмов. Поэтому люди, часами лежавшие на спине под своими машинами и что-то там подкручивающие, всегда вызывали у меня уважение и сдержанное восхищение.

Однако — хочешь не хочешь, — а заниматься автомобилем по большей части пришлось самому, поскольку с автосервисом было туговато. В центре гаража я снял несколько досок и выкопал яму для работ под днищем.

Деревянный гараж располагался за городским кладбищем, туда я загонял машину на зиму или на длительные стоянки при отъездах на материк. Но летом влекло меня неудержимо в морские бухты, в устья рек, в сопки... Иногда с сыном или с друзьями, но чаще — один — пускался я странствовать куда-нибудь во Взморье собирать агаты или краснику с голубикой. За Аниву и Таранай — по речным распадкам поднимался довольно далеко: побродить, порыбачить... Там себя чувствовал как на другой планете. Добирался аж до Урюма, где кончалась дорога — дальше моста не было. С маленькой удочкой уходил по реке вглубь острова. Единение с дикой природой ни с чем не сравнимое. Даже намалёванное на куске фанеры предупреждение: «Осторожно! Раненая медведица!» не пугало. Может, потому что медведя ни в лесу, ни на берегу встречать не доводилось. Помнил откуда-то, что летом они сытые, сидят себе в лесной глухомани или кормятся в малинниках и голубичниках, да в верховьях рек, которые тогда ещё не были перекрыты сетями в устьях, и рыбы всем хватало. Хотя один раз, заблудившись в районе села Советского, куда поехали мы коллективно на автобусе за ягодой, ощутил как медвежью вотчину те глухие места, где плутал — с лёжками в гигантских лопухах и медвежьих дудках. Выбрался на обратную тропинку часа через два, и всё это время мне было не по себе.

Друзья мои, имеющие сегодня тойоты и джипы, в ту пору были безлошадными. Иногда кто-то выбирался со мной за грибами или за ягодой. Но чаще выезжал я один или с Антонином. Осеннее очарование клюквенных болот не могли омрачить даже двух-трёхкилометровые переходы по бездорожью в болотных сапогах. Наевшись ягоды, сын иной раз заваливался поспать прямо на прогретых солнышком кочках.

В очень дальние поездки, для меня во всяком случае, выезжали мы вдвоём-втроём с друзьями: Саней Смирновым, Борей Елисеевым... К примеру, до сих пор помню цвета и запахи осеннего леса в Холмистом. Была когда-то станция такая на перегоне Арсентьевка — Ильинск. В самом узком месте острова, на «пояске». От дороги и от притока речки Мануй, бежавшей вдоль неё, мы поднимались на сопку и разгуливали по берёзово-пихтовым лесочкам, по взгорьям и лощинам.

Случалось и поплутать. Но изредка возникавший вдалеке шум автомобилей не давал заблудиться окончательно.

Вначале при восхождении попадался белый гриб и подосиновик. Но главное было наверху: шампиньоновые поляны, тёплые, укрытые палой листвой, земляные бугры... Тары для грибов не хватало, в ход шли рубахи.

Синицы, дятлы, рябчики; сопки, перелески, солнечные опушки, — золотая дальневосточная осень...

Ещё дальше — внизу — темнели хвойные урочища. В те медвежьи царства даже заглядывать было страшновато.

Однако в прошлые времена, когда дороги на север оставляли желать лучшего, а поезда ходили по нормальным расписаниям, автомобиль пригождался порой только доехать в район вокзала. А там в пять утра — на поезд, куда-нибудь во Взморье или до Тихой, а то и до Пугачёво, чтобы к ночи вернуться на автостоянку, за руль своего оранжевого «мустанга», и — домой.

Надкожный мир

Эта странная история началась, когда ко мне в библиотеку пришёл незнакомый прежде автор и попросил посмотреть несколько стихотворений в школьной тетрадочке, написанных от руки подчёркнуто разборчивым почерком.

— Стихи не мои, — предупредил он. — Хозяйка приболела, а я выполняю её просьбу...

Несмотря на такую ремарку, я автоматически, по ходу чтения стихов, задавал кое-какие вопросы, как доктор, выслушивая пациента: кто он да откуда...

Отвечал он вдумчиво, не торопясь. И пока я изучал тетрадку со стихами, он — так мне показалось — изучал меня. Там, откуда приехал, трудился в НИИ микробиологии Министерства обороны. Но в девяностых годах, как везде, начались проблемы, лабораторию-кормилицу прикрыли, и занесло его к старшей сестре на Сахалин. Которая, кстати, и оказалась хозяйкой тетради со стихами. Работал в Институте морской геологии и геофизики, потом в СахНИРО... Сейчас на пенсии.

В стихах ничего примечательного я не обнаружил — обычные любительские вирши с наивными суждениями о жизни, на которых лежал отпечаток стремления, чтобы они выглядели стихами... А в целом, довольно мило. Для родных и близких людей.

Об этом я честно доложил своему визави — ходатаю от сестры. На что он, вздохнув, как мне показалось, с облегчением, ответил:

— Да я и сам так думаю. Но сестрице хотелось получить подтверждение от вас...

Он рассеянно покивал головой, и, немного замявшись, достал из кейса другую тетрадь. Точнее — небольшой школьный альбом для рисования.

— Здесь не стихи. Но я прошу вас посмотреть и это. Не к спеху... Как-нибудь... — проговорил он неуверенно. — Через неделю зайду за ним...

«Крепкий орешек», — усмехнулся я мысленно, принимая альбом. Откладывать дело не стал, поскольку не люблю «висячих» неясностей, и вечером приступил к чтению «дневника», как значилось на первой странице.

«1994 год, 6 апреля. Что-то неладное происходит у нас в королевстве. Похоже, наш институт не выдерживает столкновений с рыночными отношениями. Особенно это заметно по моей лаборатории. Сокращение тематики исследований влечёт за собой и сокращение сотрудников. Завлаб уверяет, что это временно. Дескать, хотя конъюнктура и наступает на науку, однако наша работа нацелена в будущее обороны страны, и так просто сократить нас не посмеют... Но, похоже, он и сам не верит своим заверениям...

31 мая. Нет, всё-таки свободе, о которой все когда-то мечтали, мы оказались не нужны. Как и весь наш микромир. Что-то происходит и с моим шефом.

20 июня. Сегодня утром завлаб не пригласил меня, как обычно, к себе, когда ему что-то требовалось, а пришёл и присел у моего стола.

— Знаете, Владислав, я давно хочу с вами поговорить о том, что накопилось в моём научном багаже...

Я заварил растворимый кофе — себе и ему. А он продолжил:

— Не знаю, как сложатся наши отношения в дальнейшем. Если честно, то не возьмусь гадать, что произойдёт

с нашей лабораторией, с институтом, со страной в ближайшем будущем... Поэтому хочу поделиться с вами некоторыми своими открытиями. Они не совсем в нашей с вами тематике, хотя и близки ей. Суть в следующем. Каждому из нас знакомы дискомфортные ощущения на разных участках нашей кожи: зуд, воспаления, сыпи и тому подобное. Да не смотрите на меня, как на сумасшедшего, я не собираюсь заниматься ликбезом. Уж мы-то с вами имеем представление о микромире, о том, что делается на поверхности и под первым и вторым слоями ороговевшего эпителия человеческой кожи. Микробам, бактериям и грибам — несть числа. И всё же. Несколько лет назад возникли у меня кое-какие гипотезы. Но смог я их подтвердить всего лишь год назад. Когда завершил работу по созданию ультразвукоиглы, чтобы проникнуть туда, где даже лазер в одиночку — слишком прямолинейный инструмент...

— Подтвердить что? То, что микромир — это особый и пока малодоступный нам микрокосм? Вы это хотите сказать? — насмешливо переспросил я. — Что же тут нового?

— Малодоступный, вы говорите? — он не обратил внимания на мой иронический тон. — Вы слишком деликатно выразились. Никакой микроскоп не способен дать нам внятное представление о том, что спрятано в глубинах нашей кожи. Можно даже сказать — за микромиром. Судить о том, что происходит в его недрах, можно лишь побывав там. “Но это уже из области фантастики”, — справедливо скажете вы. Честно говоря, мне это в голову не приходило, пока я занимался, как вы знаете, изучением свойств ультразвуковой микроиглы и совмещением её с лазером. Не так давно, в ходе опытов, мне удалось материализовать частицу собственного сознания и перенести её на собственную кожу посредством этой иглы. Повторю, что сам по себе лазер — довольно грубый инструмент. А любой чип для обитателей того мира, который стоит за микромиром — невидимого,

но реального, — так вот, любой чип, который мы способны туда вставить, словно для нас — планета Марс, свалившаяся на головы неведомо откуда. И только ультразвуковая игла, остриё которой измеряется многотысячными долями микрона, в содружестве с лазерным микролучом способна «внедрить» заданную нами частицу в нужное место, и затем извлекать и переводить образы того мира на язык наших представлений. По принципу посыла и отражения звука летучими мышами. Фотон, как известно, проявляет свойства частицы и волны. Слепок же частицы сознания происходит здесь и сканируется графитом...

Он показал на довольно крупные наушники, которые от обычных отличались только козырьком с оранжевой и зелёной кнопками, а также двумя стержнями с графитовым покрытием, предназначенными, судя по всему, для ушей.

— Вы хотите сказать, что проникли туда, в "замикромир"? И как же выглядит эта самая "частица сознания"? И что это за обитатели такие?..

Он взглянул на меня и понимающе улыбнулся:

— Понимаю, о чём сейчас думаете. Дескать, выжил старик из ума. Несёт какую-то чушь — и никаких подтверждений сказанному. Но я скажу вам, в чём моё открытие: наличие разума вовсе не зависит от наличия конечностей. Тот "замикромир" разумен...

При этих словах я действительно чуть со стула не упал и подумал: "Не пора ли вызвать санитаров из психлечебницы?"

Но тут мой собеседник сам заторопился и, уже глотая слова, — видно было, что они ему непросто даются, — сказал:

— Можете сами попробовать, — и показал на маленький гвоздик вроде обойного, который — я только теперь заметил, — был выложен рядом с наушниками. — Но имейте в виду — эта штука затягивает. Нахождение там, как наркотик, сознанию с каждым разом

всё труднее возвращаться оттуда. Поэтому во время опыта держите заблаговременно палец на оранжевой кнопке возврата. И ещё: моё открытие в том, что время для тамошних обитателей, — ни существами, ни тварями назвать их язык не поворачивается, — проносится во много раз быстрее, чем у нас. Жизнь их от рождения до смерти или гибели от каких-либо катаклизмов, а то и от зубов хищников, — укладывается в минуты по нашему летоисчислению.

Что до меня, то я уволился, и с завтрашнего дня — свободный человек. Уезжаю к сыну, далеко от нашей Вятки. Начальство я попросил, чтобы вас назначили исполняющим обязанности заведующего лабораторией, поскольку вы мне симпатичны и как учёный, и как человек. Надеюсь, учтут моё пожелание. Ультразвукоиглу — оставляю вам. Хотя по-хорошему — её надо бы уничтожить. Но рука не поднимается. Надеюсь, она не принесёт вам непоправимого вреда...

С этими словами мой, теперь уже бывший, завлаб ушёл, оставив меня в большом недоумении: что это было? Монолог ненормального или откровение выдающегося учёного, совершившего гениальное открытие?

27 июня. Действительно, сегодня меня назначили исполнять обязанности завлаба — таков порядок. Процедура же утверждения штатного заведующего занимает месяцев шесть, потому что кандидатура, предложенная Институтом, согласовывается в Академии наук и в Министерстве обороны. В прошлые годы мне такая должность не светила — я не был членом КПСС — а нынче всё могло случиться.

5 июля. Наушники с “гвоздиком” лежали в ящике моего рабочего стола, и особого желания надевать их для проведения сомнительных опытов не возникало. Но вчера вечером, задержавшись в лаборатории, я всё-таки достал их и примерил, вставив по стержню в каждое ухо. Стащив с себя одну джинсовую штанину, положил “гвоздик” на бедро, и по привычке, выработ-

танной годами лабораторной работы, глянув на часы, решился нажать зелёную кнопку входа. “Главное — на́чать”, — как справедливо говаривал последний генсек Советского Союза.

И сразу же отшатнулся — “Господи, твоя воля!” — когда надо мною пронеслась треугольная туша с неправдоподобно огромной челюстью. На меня она не обратила никакого внимания, схватившись с такою же, но чуть меньших размеров.

“Вьють-вьють”, — послышался мягкий свист из-под скалы неподалёку. Довольно симметрично расположенные скалы, похожие на гигантские плавники китов-косаток, уходили в зелёное небо. Из-под ближайшего “плавника” призывно посвистывали некие существа. Их было четверо, каплеобразных, и они, как ни странно, вызывали у меня симпатию. Возможно, своим сходством с небезызвестными “телепузиками”. Трое тоже выказывали мне свою приязнь, кивая, приседая и эллипсоидно сплющиваясь. Но один из них стоял неподвижно, как бы оглядывая окрестность и небо. “Сторожит, — догадался я. — Прямо тебе суриката...”

С одной стороны я сознавал, что провожу опыт проникновения в замикромир, но с другой — было очевидно, что уже и сам я — частица этого мира.

Себя со стороны я не видел, но ощущал свои движения, словно находился в гуттаперчевой капсуле. Натекая и перетекая вперёд, я приблизился к “плавнику”, но тут раздался невероятный грохот, и “обитатели” юркнули в основание скалы. Последний сдёрнул и меня в укрытие, напоминавшее просторную землянку с ответвлениями ходов. Шумно вздыхая, над нами проплывала желеобразная масса, довольно прозрачная, но слишком густая и плотная, чтобы залить наше убежище. Останься мы наверху — она нас, без всяких сомнений, утащила бы с собой.

Впечатлений хватало, и нужно было выбираться оттуда. Казалось, что-то удерживало меня, и только с уси-

лием удалось добраться до козырька и нажать нужную кнопку. Потом уже вспомнилось: “Держите заблаговременно палец на оранжевой кнопке возврата...” Переводя дух, глянул на часы и отметил автоматически, что всё моё приключение длилось не больше пяти секунд.

6 июля. Итак, что же это было со мной? Галлюцинации, которыми управляет аппарат в наушниках, воздействуя на сознание? А “гвоздик”, то есть ультразвукоигла, — уловка для отвода глаз? Зачем? Забава изобретателя?

Но если всё так и есть, как рассказывал завлаб? Что тогда? Что это за скалы, “плавниками” уходящие в небо? Что за странная поверхность — волокнистая, желтовато-бурого цвета, напоминающая кремень? Ещё я успел заметить, что поверхность была слегка покатой, если смотреть не вперёд, а в сторону. Словно труба диаметром в несколько километров. И тут меня осенило, что стоял я на гигантском волосе. Вернее, не волос был гигантским, а моя частица сознания — ничтожно мала. Тогда скалы — зазубрины на волосе? И обвал желеобразной массы — всего лишь капелька пота? А каплеобразные существа? Что они? Или кто они?

17 июля. Сегодня стало известно, что законсервировали работу смежной лаборатории, которая занималась выработкой антител к устойчивым штаммам смертоносных болезней, таких, как ящур, сибирская язва... На самом деле их просто прикрыли, поскольку бюджет Минобороны трещит по швам. Думаю, и нас вскоре постигнет та же судьба. Зарплату не выплачивают уже третий месяц...

18 июля. И всё же — те вопросы, которые задал сам себе, постепенно превращаются в ответы. Сегодня я отчётливо почувствовал, что меня тянет туда, в тот мир, который не решаюсь назвать так, каков он и есть на самом деле.

19 июля. Вчера вечером я вновь надел наушники, а “гвоздик” положил в этот раз на ступню. Засёк время

и сразу оказался среди пластов и нагромождений, на дне глубокой расщелины, из которой, впрочем, было не трудно выбраться, благодаря ступенчатым стенкам. Где-то в небе сухо щёлкали электрические разряды. Несколько огромных существ, весьма похожих на доисторических ящеров, динозавров, — паслись среди холмов и оврагов. Слоистым зарослям полупрозрачной шелухи, которой они кормились, не было видно ни конца, ни края... Внезапно огромная тень упала сверху. "Динозавры" бросились в овраги и лощины, но гигантские челюсти выхватили кого-то из бегущих, и тень исчезла далеко впереди. Откуда-то сбоку послышался знакомый посвист: "вьють-вьють", и я увидел нескольких своих знакомцев из прошлого визита. Конечно, это были не те же самые обитатели, а другие. Но они, как и в тот раз, чуть сплющивались и приседали, как бы подзывая меня. Вернее, частицу моего сознания, если быть точным. Один из них и в этот раз оставался в стороне и на возвышении, вглядываясь в округу... Каплеобразные "плазмики", как я их окрестил по праву первооткрывателя, похоже, улыбались мне.

"Интересно, каким они видят меня? — пришло в голову. — В чём бы мне отразиться и поглазеть на себя..." Но ничего зеркального не попадалось, пока я "подтекал" к ним. Увлекая меня за собой, они гурьбой посыпались в какой-то бункер на дне лощины.

В убежище оказалось гораздо просторнее, чем в прошлый раз в "землянке" у основания "скалы". Внутри, в стороны и вниз вели ещё ходы. "Плазмики" прикасались своими выпуклостями ко мне, и от их прикосновений моё дружелюбие к ним возрастало, как на дрожжах.

По одной из стенок убежища что-то струилось, хотя ни краника, ни журчания не наблюдалось. Обитатели по очереди допрыгивали до мокроты на стенке, на мгновение прилипали к ней и, отлипнув, становились ещё розовее.

"Питание!" — догадался я. И только успел додумать свою догадку, как они опять "разулыбались" мне,

сплющиваясь и приседая, — словом, выражая своё согласие с этим.

"Смотрите-ка! Чтение мыслей для них не составляет труда", — восхитился я, и вновь получил от них подтверждение. Они давали понять, что мне тоже нужно прикоснуться к "питанию", но я откуда-то знал, что если сделаю это, то уже не выберусь отсюда. Между тем, они становились всё более симпатичными и близкими мне. Я уже понимал, что хочу стать одним из них, "хомо плазмиком".

...Судорожно нажав на кнопку возврата, я переводил дух некоторое время. И вдруг понял, что загадочное чувство: "стать одним из них" не исчезло. Лёгкая эйфория кружила голову, и от этого даже подташнивало. Хотя страшно стало только на следующее утро, когда я выспался и окончательно пришёл в себя. Перспектива превратиться в розовую капельку неведомо в каком мире — ужаснула меня. Хотя, с другой стороны, здесь-то что хорошего? Только то, что знаешь почти всё из написанного тебе на роду... Видимо, такая дилемма напугала и моего завлаба, когда он решил больше не совершать путешествий в "замикромир". Что ж, я буду решительнее и, скорее всего, закопаю на каком-нибудь пустыре "дьявольскую" приманку — наушники с "гвоздиком"...

2011 год, 6 октября. Это ж надо! В чемодане со старыми бумагами двадцатилетней давности наткнулся на этот альбом и спешу сделать запись, засвидетельствовать, что жизнь продолжается! И нынешнюю не сравнить с той, которая чуть не похоронила многих из нас в недоброй памяти девяностые. За эти годы я развёлся, женился и развёлся опять, уже на этом острове, куда меня вызвала сестра после того, как закрыли мою лабораторию, и я остался без работы... Теперь я пенсионер. Резвость, конечно, уже не та. Барахлит сердце и всякое другое... "Твоя два инсульта была, могла и не заметить", — сообщил мне переводчик Лёша в китайском санатории после томографии мозга...

7 октября. Вчера был просто день находок. Там же, среди старых папок, я обнаружил жестяную коробочку из-под чая, а в ней — наушники и "гвоздик" — ультразвукоиглу. Я-то полагал, что всё это выбросил ещё тогда, в девяностых. Что-то подсказывает мне, — неспроста эта находка. Во всяком случае, без видимых причин улучшилось настроение и появился пропавший было аппетит...

8 октября. Да, вчера вечером я решился повторить давнее путешествие в "замикромир". Долго целился, приноравливая "гвоздик" к одинокой волосинке на бедре и сразу попал на искомое место. Однако "грунт" оказался не прежнего кремнёвого цвета, а пепельного и даже местами белого. Словно арктическим холодом веяло от этого "грунта". И у основания ближайшей скалы-плавника никого не оказалось. Скоро и у меня зуб на зуб не попадал от стужи. Поэтому решил не задерживаться, благо, палец лежал на оранжевой кнопке.

9 октября. Сегодня воскресенье. Решил повторить попытку с ультразвукоиглой на коленке. И попал в какие-то горы с джунглями хаотичных нагромождений и развалов, которые, если присмотреться, состояли из пластов гигантской чешуи. Призывный свист не заставил себя ждать, и тут же я увидел между полупрозрачными плитами укрытие "плазмиков". Выглядели они немного не так, как прежде — не такими круглыми и розовыми. Теперь они больше походили на серые кляксочки. Но приветливости у них не убавилось, и я скатился с ними в убежище. И так хорошо стало мне среди них! Они приглашали, чуть подталкивая меня, к стенке, где призывно мокрело питание. Но что-то опять удержало меня, хотя ох как не хотелось нажимать на кнопку возврата...»

Здесь дневник обрывался. «Любопытные фантазии... Есть в этом "дневнике" определённая трогательность, — подумалось мне. — Одни "хомо плазмики" чего стоят!

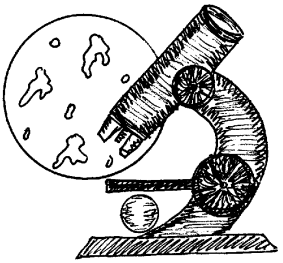
И всё же не очень убедительно даже для жанра научной фантастики. Интересно, будет ли продолжение?»

Однако автор не появился ни через неделю, ни через месяц. Адреса или телефона в тетради-альбоме не обнаружилось. Зато в конце альбома нашёлся вложенный тетрадный листок в клеточку с четверостишием:

Знанье — зданье из стекла,
Отшлифованного гладко...
Но его насквозь прожгла
Тёплым камешком — догадка!

Позвонил знакомому в СахНИРО, выяснил, что сотрудников по имени Владислав у них двое: юноша-ихтиолог, работающий первый год после окончания приморского вуза, и кадровик, протрудившийся на одном месте почти сорок лет. Ушедшего недавно на пенсию с таким именем сотрудника вспомнить не смогли.

Так и остался у меня альбом с дневником и четверостишием неизвестного автора. Литературой назвать это язык не поворачивается. Так, фантастические то ли наброски, то ли записки с виршами для самого себя.



В нашем лесу

В нашем лесу патадóшек — не мерено. Особенно, если сезон грибной. Сидят они себе на пеньках, опёнки хрумкают. Вообще-то, народец это молчаливый. Ни разу не слышал, чтобы переговаривались: щебетали, чирикали или ещё как-то. Удивлялся сначала: как же они между собою общаются? А потом увидел: патадошки друг с другом перемигиваются. Сидит один на пеньке, другой, к примеру, на ветке, и перемигиваются.

Может, не заметил бы этого, если б не ресницы у них — такие длинные, будто веточки пихтовые. Вот и мигают они друг другу, как машут — то быстрей, то медленней, словно точки-тире рисуют.

Хоть они под пеньками среди корней живут, но зрение у них не как у кротов, а, напротив, — очень острое. Иначе, как бы между собой перемигивались?

Ещё у них коготки на мизинцах и на больших пальцах очень длинные. Хотя сами они, по нашим меркам, коротышки. Коготки помогают им на старые вётлы за ильмаками забираться. Если к речным ивнякам поближе лесом спуститесь, то увидите, как одним махом они на старые вётлы забираются. Раньше так электрики по столбам на железных «кошках» к проводам поднимались. Это когда у нас ещё японской техники не было. Только скорости разные, разумеется.

Один патадошка наверху грибы со стволов и веток откручивает, а двое-трое внизу их собирают да под пеньки или под валежины утаскивают. Там живут они и хранилища свои расширяют. Грибы на зиму закладывают.

Ильмаки, по моему мнению, — это тоже опята, только крупнее и мясистее. С писателем Кузнецовым спорили мы до хрипоты. Я его убеждал, что ильмаки — опята ивовые, а он упирался, что-де это гриб отдельный, самостоятельный. Теперь-то есть подтверждение моему мнению. Ведь патадошки в нашем лесу исключительно опятами с опёнками питаются. Но писателю Кузнецову не докажешь теперь ничего — он уже умер.

Правда, есть ещё патадошки шампиньоновые. Но это в другом лесу, в районе бывшего села Холмистого. Видел я там целые поляны, шампиньонами заросшие. Между ними патадошки сидят, перемигиваются. Бывало, гриб ещё сквозь листву старую проталкивается, а патадошка уже рядышком сидит, ему подмигивает. Только шампиньоны им на подмигиванье не отвечают, и понятно почему: другое у них предназначение. И ничего в этом грустного нет. Наоборот. Так бы они через недельку-две погнили бы и развалились. А патадошки их заготовят, засушат, и тем самым раз в пять, а то и больше, им жизнь продлят. Однако не видел я в том лесу, чтобы патадошки сразу шампиньоны хрумкали.

В нашем же — не могут они удержаться, когда опёнковую поросль видят. Сразу на пеньки да валежины рассаживаются и хрумкать опёнки начинают. Учёные наши давно про них знают, даже особый подвид выделили: патадошки опёнковые. Это ещё до того, как снежного человека и лохнесское чудовище стали изучать. В нашем-то лесу, за горой — не буду говорить какой, а то все туда за опятами ринутся — патадошки опёнковые и водятся.

Не хотелось бы их с обезьянами сравнивать. Ведь леса наши — не обезьяновые, а вётлы с ильмаками — не

пальмы с кокосами. Если уж нужно сравнить с кем-то, то, скорее, с белками. Потому что они тоже пушистые и по деревьям лазают. Но без хвостов. И крупнее белок намного. А фигурами на нас больше похожи, чем на белок. Ещё похожи они на зверя одного из южных джунглей: медвекот называется. Или бинтуронг — по-научному. Полумедведь-полукошка. Только патадошки наши меньше раза в три и не мурлычут. А молча ильмаков в речном ивняке заготавливают да перемигиваются.

Как в наш лес попасть? Можно на гору по канатной дороге подняться. И на другую сторону по большой тропе или по тропкам, как кому нравится, вправо через лес пойти. А вот налево — не советую. Там лес гуще и темнее. Мы туда не ходим. Можно и медведя встретить. Патадошкам-то что? Они мохнатые. Медведи их за своих принимают. Но нам-то своими как прикинуться? Нас ещё и запах выдаёт, что мы не лесные, а из города пришлые.

Словом, в те дебри мы не забираемся, а идём себе направо, в сторону города, откуда и явились. Да между тем, смотрим, как патадошки на пеньках сидят, опёнки хрумкают. С августа по сентябрь, до самых заморозков. Как морозец ночной цветы с травами приклонит, так и всё — ни грибочков, ни патадошек на пеньках. Правда, за ильмаками они ещё забираются. Ильмак из всех опят самый устойчивый. Его первым морозцем не пробьёшь. Как и шампиньон, к слову сказать. Так что я однажды даже в начале октября патадошку на дереве видел, когда он ильмака скручивал.

Точно узнать, кто на дереве ильмака скручивает, — он-патадошка, или она-патадошка, не просто. Но мне кажется: у кого ресницы длиннее, тот — она. У кого покороче, тот — он. Наблюдательность, в общем, выручает.

Но и учёные не всё ещё знают. Как-то спросил одного: «А когда у патадошек зимняя спячка заканчивается — до

или после медведей?» «Не то и не то, — отвечает. — Доподлинно наука утверждать про них ничего не может, потому что она, в основном, на медведях сосредоточена».

Но я кое-что знаю про это, в лес ведь часто хожу. Патадошки засыпают, когда у них в хранилищах ильмаки да шампиньоны заканчиваются. Просыпаются в августе, когда лес уже хорошо солнцем просушен и грибной сезон начинается. Вот тут-то они вылезают и на пеньках рассаживаются с опёнками — только «хрумк» по лесу идёт. Да будто веточки пихтовые колышатся — так они с пеньков перемигиваются.

Словом, много интересного и непознанного в нашем лесу. Ходить нам ещё туда и ходить. Особенно теперь, когда цены на билеты в края заморские стали просто сумасшедшими, да и круг стран доступных сократился значительно.

Содержание

Опыты физического перемещения 4

От просёлков до предгорий 9

Генетический зацеп 13

Приглашение к путешествию 19

Секретарь по оргвопросам 25

Испытание Красным морем 32

«Странник по звёздам» 36

Рождённые глиной 41

Турецкий гамбит 48

Турция плюс Израиль 51

Корфу и Питер 55

Ленинградский вокзал 59

От Эрмитажа до Литераторских мостков 68

Острова в океане 73

Амульяни 80

Златоглазый Бакс 83

На заливе Мирабелло 90

О, Дедал! 92

Прогулка на Санторини 97

Народные сказы гида Анны 100

Приборчик 104

Дорога на Соловки 111

Псковские тропы 119

Печатка Менандра 122

Фамагуста и сикомор 133

Духи предков 137

Доктора и менялы 143

Валера 150

Сапожник Лю 154

Комариная охота..... 159

Ни в какие ворота... 162

Танцующий слоник 169

Шесть в одном 173

Утром на горы свой взор обрати... 176

Автомобильная экзотика 179

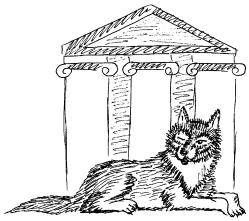
Надкожный мир..... 182

В нашем лесу 193

Николай Антонинович Тарасов

Златоглазый Бакс

Рассказы о путешествиях
обыкновенных и необыкновенных



Редактор А. Сафонова
Дизайнер Е. Фадеева
Корректор И. Остапенко

Формат 84x108/32
Бумага «Снегурочка»
Печать цифровая

Усл. печ. л. 10,5
Заказ № _____
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Сахалинская областная типография»
г. Южно-Сахалинск, ул. Дзержинского, 34